

Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России

Центр военно-политических исследований

А. И. Подберезкин

***Евразийская
воздушно-космическая
оборона***

Издательство
«МГИМО–Университет»

2013

УДК 327
ББК 66.4(0)
П44

По заказу Международной Конфедерации общественных сил
за евразийскую интеграцию

Рецензенты:

д.э.н. Антонов А. И., заместитель министра обороны РФ; Гладких С. А. помощник заместителя генерального директора по научно-техническому развитию ОАО «Концерн ПВО «Алмаз-Антей», полковник запаса; д.т.н. Чайковский М. М., ведущий эксперт Центра военно-политических исследований МГИМО(У), с.н.с. Института проблем Управления им. В. А. Трапезникова РАН, Коровин В. Н., эксперт.

Подберезкин А. И.

П 44 Евразийская воздушно-космическая оборона. М.: МГИМО–Университет, 2013. — 488 с.

ISBN 978-5-9228-0937-5

В книге профессора МГИМО(У) А. И. Подберезкина выдвигается идея возможности и необходимости создания ЕвразВКО, как главного направления в развитии евразийской интеграции. Автор считает, что в основе этого процесса, как и процесса европейской интеграции, должны лежать прежде всего интересы совместной безопасности. Рассматриваются также основные тенденции развития систем ВКО США и России в контексте развития военно-политической обстановки в Евразии.

ББК 66.4(0)

ISBN 978-5-9228-0937-5

© Московский государственный институт
международных отношений (университет)
МИД России, 2013

В книге использованы материалы электронных ресурсов, прежде всего, «Военное обозрение», «Центр военно-политических исследований МГИМО(У)» и фотоматериалы В. Н. Коровина.



Предисловие ректора МГИМО(У) академика РАН А. В. Торкунова	5
Предисловие Генерального директора ОАО «Концерн ПВО «Алмаз-Антей» В. В. Миньшикова	9
От автора	13
1. Евразийская интеграция и евразийская безопасность	17
Отсутствие системы евразийской безопасности	24
Новые угрозы для России и евразийской безопасности.....	34
Евразийская безопасность: выбор России	48
2. Геополитика и ВКО Евразии	63
Новая политическая и военная роль ВКО в мире.....	69
Создание объединенной ВКО как наиболее актуальная евразийская проблема.....	76
Россия как центр формирования евразийской ВКО	93
3. ВКО как инструмент евразийской безопасности и интеграции	109
Евразийская безопасность и ВКО.....	115
ЕвразВКО как инструмент обеспечения безопасности.....	133
4. «Ядерное сдерживание» или ВКО Евразии?	155
Стратегическое неядерное оружие как главная угроза «ядерному сдерживанию»... ..	158
Глобальная ПРО США и «ядерное сдерживание».....	168
5. ВКО как альтернатива созданию стратегического наступательно-оборонительного комплекса	187
Два подхода к американской ПРО в России: история и современность	192
Дестабилизирующая роль глобальной системы ПРО США разница в оценках.....	201
Политическая «позиция силы» и ВКО	208
Возможность и необходимость создания ВКО России и Евразии.....	213
6. Основные проблемы создания российской и евразийской ВКО	225
Ликвидация «доктринальной пустоты»	231
Современное состояние российской ВКО: политические аспекты.....	242

Евразийская воздушно-космическая оборона

Организационно-управленческие проблемы ВКО	247
Проблемы международного сотрудничества	256
7. Взаимосвязь модернизации России, развития национального человеческого капитала (НЧК) и воздушно-космической обороны (ВКО)	
Евразии	269
Военно-политические аспекты НЧК	277
Роль НЧК в развитии ОПК и ВКО	289
Кадровый потенциал ВКО	309
Основные проблемы развития НЧК ВКО	324
ЕвразВКО и «мягкая сила»	332
ВТС как инструмент развития ЕвразВКО	340
8. Информационная война, сетцентрическая война и кибервойна: взаимосвязь с ВКО	347
Новые стратегические концепции и ВКО	352
Единое информационное пространство Евразии	373
9. Евразийская ВКО: роль стратегических неядерных вооружений	381
Эволюция военного искусства и стратегические неядерные вооружения	385
Стратегические неядерные вооружения как необходимый предмет переговоров	395
Евразийская интеграция и стратегические неядерные вооружения	402
Евразия и стратегические неядерные вооружения	410
10. Практическая реализация идеи евразийской ВКО	419
Способность элит евразийских государств реализовать геополитический проект ..	422
Трудности в создании евразийской ВКО	426
Неизбежность военно-политической интеграции и нового уровня ВТС в Евразии ...	429
Общность интересов и ценностей как основа военно-политической интеграции в Евразии	438
Внешняя и военная политика России и международное сотрудничество в Евразии	441
Евразийская ВКО: основные выводы	449
Сокращения, используемые в работе	469

Предисловие

Уважаемые читатели,

Международные отношения в XXI веке характеризуются ростом нестабильности в целом ряде стран и регионов мира, но особенно в Евразии, на которую в последние десятилетия приходится 90% всех военных конфликтов. К сожалению, и в будущем высока вероятность возникновения новых очагов напряженности. Ведущие страны мира ведут ожесточенную конкурентную борьбу по вопросам взаимной торговли и валютных курсов, военно-стратегическим проблемам. В более широком международном контексте формируются конкурентные стратегии традиционных лидеров — стран «Группы семи» (G7), с одной стороны, и новых лидеров из числа стран с развивающимися рынками (БРИКС), — с другой.

В сложившихся условиях важную роль продолжают играть традиционные аспекты международной безопасности — поддержание геостратегического баланса ведущих стран мира — членов «Ядерного клуба», основанного на концепции взаимного гарантированного уничтожения. Российская Федерация, будучи одной из ведущих ядерных держав и членом «Группы восьми», является ответственным субъектом международного сообщества, последовательно выступающим за снижение напряженности в международных отношениях. Одно из доказательств тому — подписание в 2010 г. Договора между РФ и США о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-III).



Тем не менее, сегодня предпринимаются попытки изменить status quo в данной сфере, достичь асимметричных преимуществ в вопросах развития стратегических наступательных и оборонительных вооружений посредством формирования, например, Европейского ядерного щита, одобренного на саммите НАТО в 2010 г., либо развертывания стратегических неядерных вооружений. Помимо декларативных высказываний о необходимости защиты стран НАТО от иранской и северокорейской ядерной угрозы как основной цели создания такого щита, Российская Федерация так и не получила юридически обязывающих гарантий наших западных партнеров о ненаправленности создаваемой системы стратегической противоракетной обороны против РФ. Более того, похоже, что создаваемые США региональные системы ПРО складываются в единую глобальную систему.

Военно-политическое руководство любой страны мира при планировании исходит из реальных действий по укреплению потенциала вооруженных сил зарубежных государств, а не из деклараций о намерениях. В этой связи ответным шагом, предпринимаемым нашей страной и направленным на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации, могло бы стать формирование единой системы воздушно-космической обороны евразийских стран, рассматриваемое в работе профессора МГИМО(У) МИД России А. И. Подберезкина.

Стоит отметить, что МГИМО(У), являясь ведущим научно-образовательным центром страны в сфере международных отношений, традиционно большое внимание уделяет вопросам международной безопасности. Поэтому логично, что в октябре 2012 г. в МГИМО(У) был создан Центр военно-политических исследований под руководством профессора А. И. Подберезкина. Данная работа — один из первых исследовательских продуктов нового Центра. С ноября

Предисловие

2012 года у Центра есть и свой сайт «Евразийская оборона» . (<http://eurasian-defense.ru>), который стремительно развивается.

Хотел бы пожелать творческих успехов экспертам Центра, а читателям — получения новых знаний и знакомства с новыми концептуальными военно-политическими подходами!

Ректор МГИМО(У) МИД России
Академик РАН
А. В. Торкунов

Предисловие

Уважаемые читатели,

За последние 10 лет ситуация в оборонно-промышленном комплексе России, в частности, в производстве средств противовоздушной и противоракетной обороны, кардинально изменилась. На смену разрозненным предприятиям и конструкторским бюро, находящимся в тяжелейшем финансово-экономическом положении, пришел вертикально-интегрированный оборонный холдинг, объединивший разработчиков и производителей средств ПВО и ПРО — ОАО «Концерн ПВО «Алмаз-Антей».

И если на первом этапе основными задачами в деятельности концерна являлось сохранение и восстановление частично утраченного производственного потенциала предприятий холдинга, то сегодня перед нами стоят задачи иного характера — повышение производительности труда, омоложение персонала, модернизация производственных мощностей, формирование на их основе инновационных кластеров, наращивание общих объемов производства и экспорта продукции. Речь идет о том, чтобы оснастить ВС РФ современными средствами и системами ВКО, а также конкурировать на равных с ведущими мировыми производителями систем ПВО и ПРО, конкурировать ... и побеждать в конкурентной борьбе!

Концерн совместно с Министерством обороны, другими федеральными ведомствами непрерывно осуществляет мониторинг разработки и производства новых средств воздушно-космического нападения зарубежных государств.



Исходя из данной информации, формируются требования к средствам противовоздушной и противоракетной обороны, которые учитываются при разработке и производстве средств ПВО и ПРО XXI века.

Однако традиционных экономических методов ведения конкурентной борьбы недостаточно для завоевания лидерских позиций на мировом рынке вооружений, который имеет свою специфику. На каждом из этапов производственной цепочки (разработка вооружений, материально-сырьевое обеспечение оборонных производств, производственно-технологическая кооперация и сбыт готовой продукции) формируются замкнутые внутри- и межгосударственные контуры, в т.ч. характеризующиеся общностью военно-политических интересов. На первый план выходят геостратегические интересы и соображения национальной безопасности.

В настоящее время наиболее мощным является военно-политический контур, включающий страны НАТО — основного поставщика как средств воздушно-космического нападения, так и средств ПВО и ПРО в мире. Усиливается ОПК и рынок вооружений КНР. Страны НАТО и их союзники, а также КНР заинтересованы в развитии собственных средств ПВО и ПРО, поэтому в долгосрочной перспективе они не могут рассматриваться перспективными рынками сбыта российской военной продукции. Фактически, перспективными покупателями наших систем являются регионы, не связанные прочными союзническими узами с НАТО (Азия, Африка, Латинская Америка), а также государства СНГ.

Последняя группа стран представляет особенный интерес. Во-первых, в связи с географической близостью они являются естественным продолжением российской системы ВКО. Во-вторых, представляет определенный интерес восстановление производственно-технологической кооперации предприятий ВПК стран СНГ.

Предисловие

В этой связи особую актуальность приобретает проблематика, затрагиваемая в монографии по воздушно-космической обороне Евразии, подготовленной Центром военно-политических исследований МГИМО(У) МИД России. В работе обозначены интересные, но не бесспорные взгляды и суждения, к обсуждению которых мы приглашаем и других авторов.

Генеральный директор
ОАО «Концерн ПВО «Алмаз-Антей»
В. В. Меньщиков



От автора

Быстрое изменение соотношения сил в мире делает проблему обеспечения безопасности в Евразии ключевой, так как, этот процесс сопровождается радикальными изменениями в вооружениях и военной технике (ВВТ), а также в концепциях их использования. На первую роль выходят новые способы применения военной силы для достижения внешнеполитических целей, прежде всего высокоточного оружия (ВТО) в авиационно-космических ударах. Проблемы безопасности, суверенитета и сохранения контроля над транспортными коридорами и ресурсами в этой связи становятся жизненно важными. В этих условиях идея создания евразийской ВКО может иметь определенное внешнеполитическое, военное и научно-техническое значение.

Предлагаемая работа представляет собой набор идей, объединенных в достаточно общую концепцию. Говоря о евразийской воздушно-космической обороне (ЕвразВКО) вообще, и российской ВКО в частности, надо отдавать отчет в том, что сегодня пока что не существует ни строгой, завершенной концепции ее создания, ни соответствующих интегрированных сил и средств. Существующая «доктринальная пустота» должна быть как можно скорее ликвидирована, ибо развитие средств управления, связи, поражения и обороны неизбежно ведет к их интеграции как по пространственному охвату, так и по способу административного и оперативного управления, а в оценке угроз, в стратегическом прогнозе и принятии соответствующих организационных решений ведет к серьезным, даже необратимым последствиям.

Эта новая доктрина должна четко сформулировать цель ВКО, потенциальных союзников, входящие в нее силы и средства, а,

главное, военно-политическую направленность. В частности, на мой взгляд, изначально она должна исходить из необходимости защиты территории и воздушно-космического пространства России и ее союзников в Евразии. Пока что эта концепция подкреплена решением о создании Объединенной системы противовоздушной обороны (ОС ПВО) СНГ, принятым в декабре 2012 года.

Исходя из стратегического прогноза развития ситуации в мире, оценки угроз, в военной доктрине и концепции ВКО будут формироваться и долгосрочные планы военного строительства, определяться приоритеты военных расходов и усилий в том числе тех государств, которые имеют вполне ограниченные ресурсы и возможности. Поэтому очень важно не ошибиться в выборе военно-политического курса страны и акцентах, которые необходимо сделать в евразийской интеграции. На первую роль выходит научно-обоснованный стратегический прогноз развития военно-политической ситуации в мире, тенденции развития ВВТ и ясность в долгосрочном планировании. И здесь особое значение приобретает четкий выбор приоритетов военной политики, в частности, приоритет в области создания ВКО.

Изначально важно определить политические приоритеты в обеспечении безопасности, выборе союзников и способах противодействия возможным противникам. От такого выбора во многом будет зависеть и готовность России к использованию в интересах безопасности своих национальных ресурсов, при том понимании, что основную тяжесть за такие решения неизбежно предстоит нести российской экономике и ее гражданам.

От выбора политических приоритетов и формулирования целей во многом будет зависеть мобилизация человеческих и иных возможностей российского ОПК, концентрация экономического и научно-производственного потенциала на основных направлениях НИОКР и производства. Эти аспек-

Предисловие

ты военной политики тесно связаны с задачей модернизации экономики и общественно-политической системы России.

Наконец, от постановки задач и выбора политических приоритетов будет зависеть и та система административно-го, стратегического и оперативного управления государством и Вооруженными Силами России, которая неизбежно должна будет сложиться в будущем.

Предлагаемая работа не претендует на законченное исследование. Ее цель стимулировать дискуссию, начатую в российском экспертном сообществе по вопросам евразийской интеграции после известных программных заявлений Президента России В.В. Путина, по проблемам развития стратегических наступательных и оборонительных сил нашей страны.



Эта книга стала одним из первых результатов работы Центра военно-политических исследований (ЦВПИ), созданного

Евразийская воздушно-космическая оборона

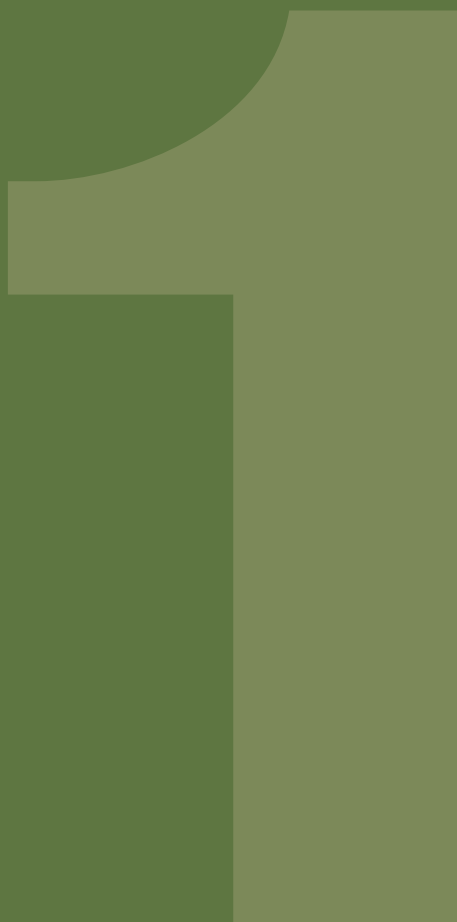
в МГИМО(У) осенью 2012 года. В настоящее время Центром разрабатывается программа исследований по широкому кругу проблем, в центре которой находятся задачи, связанные с оценкой военно-политической ситуации в мире, стратегического прогноза соотношения сил, возможных угроз национальной безопасности России и разработки оптимальной внешней и военной политики России. За несколько прошедших месяцев было подготовлено более 50 аналитических и информационных материалов, статей и сотни комментариев на различных сайтах.

Центр предполагает активное присутствие в информационном пространстве. Уже создан и быстро развивается сайт Центра (www.eurasian-defence.ru), стремительно растет объем его информации, а численность сообщества в социальных сетях превышает несколько тысяч человек. Кроме того, Центром проведено в 2013 году серия круглых столов, семинаров и международных конференций, а также подготовлено несколько публикаций, аналитических записок и статей.

В настоящее время Центр формирует систему сотрудничества с органами законодательной и исполнительной власти России, академическим и экспертным сообществом, предприятиями отечественного ОПК и зарубежными партнерами. Мы надеемся на плодотворное сотрудничество со всеми заинтересованными экспертами.

1.

Евразийская интеграция и евразийская безопасность





Мы зачастую слишком мало говорим об эмоциональной стороне дипломатии и международных отношений, а она играет все большую роль¹

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

Новая региональная система ПРО в Азии будет строиться поэтапно, с использованием тех же решений, которые уже были испробованы в Европе²

*М. Кридон,
помощник министра обороны США*

Огромный евразийский континент в начале XXI века превращается не только в ведущий политико-экономический центр силы в мире, но и основной регион, в котором концентрируются мировые противоречия и военное противостояние, быстрее всего увеличиваются военные потенциалы и растет численность и масштабность военных конфликтов. Формирование таких военно-политических условий в XXI веке неизбежно подталкивает ведущие государства мира к созданию мощных стратегических потенциалов наступательных и оборонительных вооружений на континенте и в акваториях Тихого и Индийского океанов. Речь идет прежде всего о США, Китае, России, Индии. Но в этот процесс неизбежно втягиваются и другие евразийские государства. Уже сегодня в стратегической области можно выделить две лидирующие тенденции:

- создание потенциала стратегических неядерных наступательных систем ВТО и модернизацию СЯС, а также распространение ядерного оружия в таких странах, как КНДР, Пакистан;
- создание потенциалов стратегических оборонительных вооружений, прототипы которых уже испытываются в США и Китае. Так, в январе 2013 года США и Китай провели

¹ Рокоссовская А. Магистры мира // Российская газета. 2012. 27 сентября. С. 10.

² Новые планы США: система ПРО окружит Китай / РИА «Новый Регион». Версия 2.0. 29 марта 2012 г. / <http://www.viperson.ru>

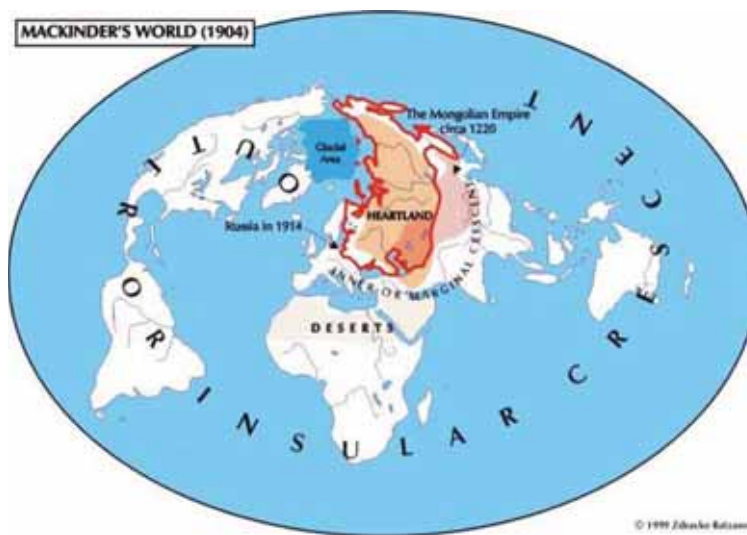
Евразийская воздушно-космическая оборона

¹ Китайские военные успешно испытали противоракету / Эл. ресурс «Взгляд». 2013. 28 января / <http://www.vz.ru/news/>

очередные испытания ракет-перехватчиков, предназначенных для уничтожения баллистических ракет на средних участках полета¹.

Эти два направления будут основными в соперничестве за контроль над Евразией, важность которой во многом предопределяет развитие мировых процессов.

На это ещё в 1990-е годы указал З. Бжезинский в своей известной работе «Великая шахматная доска». Он привлек внимание к военно-политическому феномену Евразии, который еще в 1904 году заметил английский географ сэр Хэлфорд Джон Маккиндер, — основатель геополитики. Его работа называлась «Географическая ось истории» и в ней автор выделил зону «heartland» — как «сердцевинную землю».



При рассмотрении карты трудно не отметить, что эта зона практически совпадала с границами тогдашней Российской империи, что, собственно, объясняет, какое государство находилось в фокусе западной политики того времени и было причиной для беспокойства западной элиты. Труд Маккиндера

также указывал на следующее: та сила, которая контролирует Мировой остров (Евразия с Африкой), оказывает решающее влияние на судьбы всего мира». Это же справедливо подчеркивает эксперт В. Юртаев¹.

Удивительно, но эти геополитические рассуждения вновь стали актуальны во втором десятилетии XXI века. Это связано прежде всего с изменением соотношения сил в мире и, как следствие, изменениями во внешней политике США. Прежде всего речь идет о Центральной Азии, но без внимания не остается и Арктика, и российский Дальний Восток, и Юго-Восточная Азия. «Постсоветская Центральная Азия во внешней политике Вашингтона прошла путь от „заднего двора“ России до одного из главнейших объектов американских интересов в мире. Прогнозируемое усложнение афганских проблем повлечет за собой и рост интереса США, России и Китая к региону. В этой связи возможны усиления противоречий этих держав в регионе»², — отмечает эксперт МГИМО(У) А. Казанцев.



¹ Юртаев В.
Сердце Евразии /
Эл. ресурс «Военное
обозрение». 2013.
21 января /
<http://topwar.ru>

² Казанцев А. А.
Политика США
в постсоветской
Центральной Азии /
Аналитическая записка
ИМИ МГИМО(У).
2013. 5 февраля /
<http://eurasian-defence.ru>

Евразийская воздушно-космическая оборона

Нет оснований считать, что впереди нас ожидает ослабление напряженности в Евразии или отказ США от противодействия интеграционным процессам на континенте. Совсем наоборот: будущее крайне неопределенно, что связано в том числе и с неопределенностью во внешней политике центральноазиатских государств, стабильности их общества и устойчивости экономического развития. «Разновекторность», практикуемая этими государствами, в действительности ведет объективно к усилению позиций США. Более того, страны Евросоюза в XXI веке активизировались также на этом направлении, что позволяет говорить о коалиционной военно-политической стратегии НАТО в Евразии.



«В 1996–2000 гг. соперничество США и России за влияние в ННГ стало характерной чертой американской внешней политики. В 1997 г. США включили Центральную Азию в „зону



ответственности“ командования Центральной группировки вооруженных сил США (CENTCOM), которая контролирует ситуацию на Среднем Востоке. При этом командующий CENTCOM генерал Т. Фрэнкс отметил, что действия его группировки в постсоветской Центральной Азии будут в существенной степени определяться тем, какую политику эти страны проводят в отношении России»¹ — пишет А. Казанцев.

Таким образом результаты евразийской интеграции во все большей степени будут зависеть от способности России активизировать этот процесс. Причем не только в экономической области, но и в относительно новых областях интеграции, среди которых на первый план выходит процесс интеграции в военно-политической области, прежде всего воздушно-космической обороне. Именно в этом процессе концентрируются новые перспективные направления евразийской интеграции — безопасность, научное, промышленное и гуманитарное сотрудничество, подготовка кадров и др.

¹ Казанцев А. А.
Политика США
в постсоветской
Центральной Азии /
Аналитическая запис-
ка ИМИ МГИМО(У).
2013. 5 февраля /
[http://eurasian-
defence.ru](http://eurasian-defence.ru)



Отсутствие системы евразийской безопасности

Евразийский союз — открытый проект¹

В. Путин

¹ Путин В. В.
Новый интеграци-
онный проект для
Евразии — будущее,
которое рождается
сегодня // Известия.
2011. 4 октября.

Парадоксально, но факт: в современной Евразии не существует сколько-нибудь эффективной системы безопасности. Фактически, расширение НАТО на восток превратило этот блок из регионального в глобальный, включив в зону его ответственности всю Евразию. События в Ираке, Афганистане, позиция по отношению к Сирии и Ирану, свидетельствуют, что НАТО, как военно-политическая коалиция являются единственной действенной международной силой по обеспечению безопасности (в понимании блока) на континенте.

Альтернативами этой силы можно было бы считать ОДКБ, которая имеет потенциал для развития, но пока что себя не утвердила, и ШОС, которая в полной мере не соответствует ни представлениям о внешнеполитическом, ни о военно-политическом союзе.

Конечно, существуют и другие мощные, национальные военно-силовые факторы — военные потенциалы Китая, Японии, Индии, Пакистана, КНДР и Республики Корея, других стран, которые могут играть важнейшую роль в обеспечении безопасности, континента, но которые будут либо интегрированы в политику США и НАТО, либо ориентируются на самостоятельные цели, либо еще не определились.

В этой связи огромное — политическое, военное, историческое — значение будет играть политика России и ее способность предложить инструменты, которые смогут привести



в конечном счете к созданию евразийской системы безопасности. Одним из таких политических инструментов может стать Договор о воздушно-космической безопасности в Евразии, который был бы частью более широкой договоренности о коллективной безопасности на континенте.

Военно-политические особенности Евразии стали той изначальной первопричиной, которая привела к резкому усилению конфронтационности на континенте в XXI веке. Эти особенности, выражаются в частности в:

- особой геополитической, экономической и исторической роли Евразии в мире, которая в ближайшее десятилетие будет стремительно возрастать. И не только из-за быстрых темпов развития Китая, Индии и других государств, о чем много говорят, но и из-за выхода на политическую авансцену цивилизационных и геополитических противоречий, нараставших в последние десятилетия;
- возрастающей роли России в Евразии, которая сегодня и в будущем будет ключевой на континенте, но влияние которой пока не вполне соответствует этой роли. Особенно в регионах к востоку от Урала, где сосредоточен колоссальный потенциал и транспортные артерии мирового значения;
- концентрации мировых ресурсов, сосредоточенных в Евразии. Причем не только энергетических, но и земельных, водных, лесных. При этом огромный человеческий потенциал Евразии, качество которого стремительно увеличивается (только за годы реформ в Китае более 300 млн человек получили высшее образование), станет неизбежно играть ключевую роль в мировом развитии;
- относительная неуязвимость от внешнего воздействия «морских держав», — прежних мировых лидеров, — которая может быть ликвидирована только с развитием стратегических наступательных и оборонительных потенциалов.

Евразийская воздушно-космическая оборона

¹ Global Trends 2030:
Alternative Worlds.
2012. December / NIC
2012-001 /
<http://www.dni.gov/nic/globaltrends>.
P. 100.

Прежде всего авиационно-космических, которые определяют сегодня состояние евразийской безопасности.

В этой связи обращает на себя внимание долгосрочный прогноз, сделанный в декабре 2012 года Национальным советом по разведке США, в котором анализируется современное соотношение сил и роли страны в мире, а также делается попытка прогноза на долгосрочную перспективу.

Мощь США: основа международной системы¹

Element of Power	Present Status	Trendline	Factors
Economic	The US share of world GDP was largely steady until 2005. It is currently around 24 percent (market rate) of world GDP, which makes the US still the single country with the largest share.	But the US share of world GDP will continue to drop, and the US will be the world's second-largest economic power in PPP terms.	China and India are gaining ground at an unprecedented rate (the US rise in the 19th century was slower as measured by gains in world GDP).
Military	The US ability to maintain near-current levels of defense spending is open to serious question. The trend for national defense spending as a share of the US economy has been downward for several decades.	Spending for major entitlement programs makes it difficult to reverse the trend of decreasing military spending.	The G-7 overall will account for a decreasing share of total global military spending. Although the US will remain the leading military power in 2030, the gap with others will diminish and Washington's ability to depend on its historic alliance partnerships will diminish even further.
Political	The US remains preeminent, though the unipolar moment has passed.	There is no competing alternative to the Western liberal order, though many rising states want less US "hegemonic" behavior.	The potential for an overstretched US facing increased demands is greater than the risk of the US being replaced as the world's preeminent political leader.

Element of Power	Present Status	Trendline	Factors
S & T	The US remains the world's leader, but Washington has growing worries about declining educational and skill levels.	China's large, sustained investments could make it close to a peer competitor by 2030.	Technology is increasingly a networked and international enterprise. Leadership in key fields will increasingly entail working with international partners.
Soft Powers	US preponderance across hard and soft powers makes it unique among great powers.	The gap with others almost certainly will narrow, but China is unlikely to rival the US in soft power in 2030.	US ability to integrate outsiders will remain a key strength for attracting the world's best talent and ensuring S&T and economic leadership.

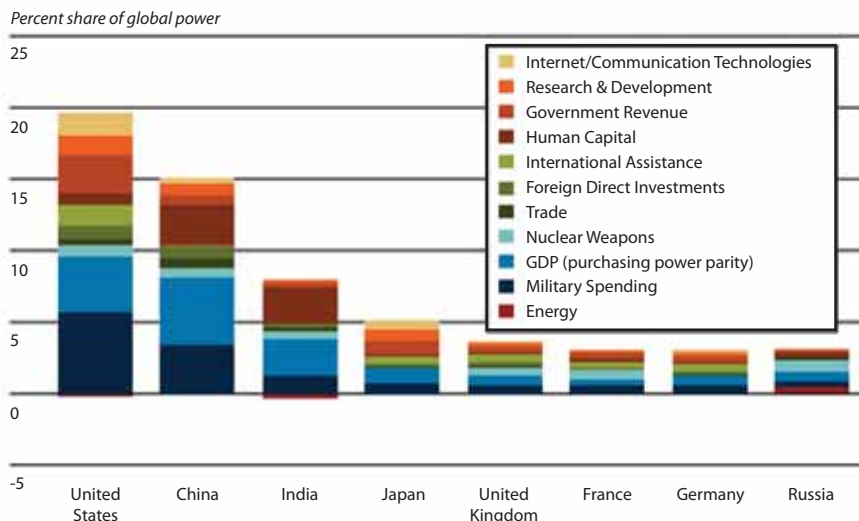
Как видно из оценки американских экспертов, выделяются пять ключевых факторов. При этом особое значение придается:

- падению относительного экономического могущества США;
- сохранению лидирующих военных возможностей до 2030 года;
- политическому лидерству США, выраженному, в том числе в развитии и продвижении системы ценностей;
- упрочению технологического лидерства;
- способности США «интегрировать наиболее талантливых личностей в науке и технологиях».

Примечательно и то, как эксперты Совета определяют критерии, которые будут определять могущество государств к 2030 году. К традиционному «набору» элементов государственной мощи — объему ВВП, военных расходов, масштабу торговли и энергетических запасов и др. — добавляются три ключевые фактора: лидерство в интернет-технологиях и связи, исследованиях и разработках, а также качестве человеческого капитала.

¹ Global Trends 2030: Alternative Worlds. 2012. December / NIC 2012-001 / <http://www.dni.gov/nic/globaltrends>. P. 101.

Элементы могущества ведущих стран в 2030 г.¹



Source: International Futures Model.

Думается это не случайно. Эти три новых фактора в последние 20 лет уже стали играть ключевую роль в экономике и военной мощи современного государства. И они же, на мой взгляд, станут в среднесрочной перспективе наиболее приоритетными направлениями в экономике и военной политике США. От лидерства в этих ключевых технологиях, а также опережающем развитии науки и НИОКР, и человеческого капитала будет прежде всего зависеть военная мощь государства и качество национальной безопасности. Именно эти три фактора в решающей степени влияют и на качество ВВТ, военное искусство и эффективность вооруженной борьбы.

Примечательно и то, что эти три фактора дают вместе усиливающийся, синергетический эффект: лидерство в IT и технологиях связи во многом предопределяет лидерство в НИОКР, и, наоборот, — опережающие исследования и разработки, безусловно, влияют на темпы развития IT и технологий связи.

Важно и то, что оба эти фактора во все решающей степени влияют на человеческий потенциал, хотя формально ПРООН



и не считает их в этом ряду. В своих работах я вывел другой термин — национальный человеческий капитал (НЧК), где именно эти факторы играют ключевую роль¹.

Наконец, именно эти три фактора концентрируются в наибольшей степени в отраслях ВКО. Поэтому (и Р. Рейган, выдвигая в 1983 году программу СОИ, хорошо это понимал) любые усилия по развитию комплекса систем ВКО имеют не только военное, но и общенациональное значение.

Так, программы создания гиперзвукового оружия в США преследуют прежде всего цель разработать «прорывные» технологии. Именно поэтому определенные неудачи в области гиперзвуковых технологий не рассматриваются в США как катастрофические. «Как подчеркивают эксперты, в рамках нынешнего военного бюджета США и при наличии весьма жестких требований к выполнению заявленных НИОКР необходима прорывная концепция для привлечения заказчиков. Высокоскоростное гиперзвуковое оружие глобального радиуса действия как раз и является такой идеей. Здесь речь идет действительно о революционных достижениях науки, а не о различных технологических инновациях. Отказы в испытаниях являются неотъемлемой частью реализации концепций данного типа, поскольку база знаний, необходимых для достижения успеха, все еще находится в стадии формирования»².

И наоборот. Свертывание программ ВКО неизбежно ведет к замедлению в развитии этих факторов не только в военной, но и гражданской областях. Под каким предлогом это не происходило — отказа от «симметричного» ответа, как в 1980-е годы в СССР; «экономии средств», как у нынешних либералов; «перераспределения бюджета» в пользу социальных потребностей, как у финансистов — монетаристов.

С тех пор, когда вышла книга З. Бжезинского, ситуация, конечно, стремительно развивается. К сожалению, в опасном направлении. И хотя З. Бжезинский и его идеи уже не пользуются

¹ См.: Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО(У). Т. I; Т. II; Т. III. Изд-во МГИМО(У). 2011–2012 гг.

² Милованова Л. Гиперзвуковой прорыв ВВС США: Насколько обеспечен успех вновь разработанных планов по ударному оружию и средствам доставки? / Военно-промышленный курьер. 2013. 24 января / Цит по: <http://eurasian-defence.ru>

прежним влиянием, его прогнозы продолжают сбываться (хотя бы применительно к Евразии). Примеров множество, причем все они касаются так или иначе практически всех государств Евразии — от Сирии, Ирака и Афганистана, до стран Северо-Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии.

Так, в январе 2013 года США и Япония начали пересмотр руководящих принципов сотрудничества в области обороны впервые за 15 лет. Аргументом для этого явились заявления нового премьер-министра Японии Синдзо Абэ о территориальном споре с ядерным Китаем и ядерной Северной Кореей. Официально журналисты узнали от японского Минобороны лишь то, что токийские военные желают обсудить роль японских Сил самообороны и американских военных сил в перспективе на ближайшие 5, 10, 15 лет и на региональную безопасность в обозначенные периоды, которое объясняется резким изменением обстановки в области безопасности»¹, — отмечают российские исследователи. Некоторые из западных обозревателей даже предрекают войну Японии и США с Китаем уже в 2013 году².

Отдельно стоит вопрос о Центральной и Восточной Европе, где большинство стран ориентируются на США и НАТО, но, в то же время, уделяют внимание и своей безопасности. Так, военный бюджет Польши в 6 раз больше украинского, хотя их демографические и экономические потенциалы вполне сопоставимы³.

Вот почему интеграция Белоруссии и Украины с Россией в военно-политической области — вопрос огромной важности не только для России, но и для Украины и Белоруссии, по отношению к которым существуют территориальные претензии.

Но, если Белоруссия достаточно интегрирована с Россией, в т.ч. и в области ПВО и ПРО, то Украина не только не интегрирована, но и в течение многих лет серьезно отстает по важнейшим направлениям, определяющим национальную безопас-

¹ Чувакин О.
США и Япония:
война против Китая
в 2013 году /
Эл. ресурс «Военное
обозрение». 2013.
21 января /
<http://topwar.ru>

² Там же.

³ Украина
и современные ар-
мии Европы: амбиции
и угрозы / Эл. ресурс
«Военное обозрение»,
2013. 4 февраля /
<http://topwar.ru>.



ность. Сами украинские эксперты отмечают «...если подвести итог всему вышесказанному, то нужно отметить, что основные усилия большинства стран направлены в первую очередь на укрепление системы ПВО и формирование щита за счет боевых самолетов, зенитно-ракетных систем, ракет и военно-морских сил. Проводятся закупки и разработки ударных комплексов, систем обнаружения и обработки данных. Интенсивно проводится усиление мобильного компонента за счет закупок вертолетов и самолетов. Украина, которая до настоящего времени практически не занималась закупками нового вооружения и техники, к сожалению, является очевидным аутсайдером. А если принимать во внимание те обстоятельства, что государства, входящие в военно-политические блоки, интенсивно вооружаются и перевооружаются, а также отсутствие плана немедленного перевооружения, то становится вполне очевидным, что подобная политика крайне неосмотрительна и может быть даже опасной для безопасности государства»¹.

¹ Украина и современные армии Европы: амбиции и угрозы / Эл. ресурс «Военное обозрение», 2013. 4 февраля / <http://topwar.ru>

Как и по отношению ко всему процессу евразийской интеграции, США и Евросоюз любыми способами будут препятствовать военно-политической интеграции славянских государств. Применительно к этой проблеме, для внешней политики недопущение интеграции России и Украины является приоритетом № 1 для внешней политики США не только в Европе, но и во всей Евразии.

В этих условиях евразийская интеграция, пожалуй, единственно возможный ответ России в политической, экономической и военно-политической области, который может оказаться эффективным. И, прежде всего, в ее наиболее важной и чувствительной области — ВКО, которая будет не только производным результатом от уровня развития науки и технологий, и НЧК в целом, но и сама станет мощным импульсом для их развития. Важно, чтобы это понимали не только в США, но и в России и других евразийских государствах.

Сегодня не существует не только сколько-нибудь связанной системы евразийской безопасности по аналогии с той системой, которая складывалась в Европе с начала 70-х годов прошлого века, но пока даже такой идеи, концепции. Пока что на эту роль реально претендует только НАТО, которая так или иначе распространяет свое влияние на весь континент.

Существует несколько возможных сценариев формирования такой системы, которые, сводятся в конечном счете к следующему:

1. Создание системы евразийской безопасности (по аналогии с ОБСЕ), куда входили бы все государства от Ирландии до Филиппин, предусматривающей не только политические обязательства, но и механизмы их реализации.
2. Формирование коалиционных систем международной безопасности, в центре которой находились бы ведущие державы и союзы континента:
 - США и Евросоюз;



- только Евросоюз;
- Китай;
- Индия;
- Россия.

3. Развитие существующих и создание новых военно-политических союзов (коалиций): ОДКБ, ШОС и т.д.

Есть, конечно, и наиболее реалистичный, четвертый сценарий. Для Соединенных Штатов и НАТО любые интеграционные инициативы в Евразии не просто не нужны, но даже опасны. Поэтому они будут любыми способами противодействовать складыванию любой коалиции, ведь их вполне устраивает существование единственной — НАТО.

У них есть много инструментов для того, чтобы не допустить такого развития, когда двустороннее или многостороннее сотрудничество в отдельных областях перерастает в военно-политическую коалицию в Евразии. В том числе с участием стран Евросоюза. Они активно противодействуют и будут противодействовать этому.

Вопрос в том, хватит ли понимания и воли у евразийских государств противодействовать этому?



Новые угрозы для России и евразийской безопасности

Парадигма, выражающая геополитическое самоутверждение России, должна стать руководством к активному действию в ближайшие год–два¹

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

Глобальное развитие становится все более неравномерным. Вызревает почва для новых конфликтов экономического, геополитического, этнического характера²

*В. Путин,
Президент России*

¹ Торкунов А. В. Россия в изменяющейся геометрии современного мира / В сб. Научные проблемы национальной безопасности Российской Федерации. М. 2007. Вып. 4. С. 35.

² Путин В. В. Послание Президента Федеральному Собранию. 2012. 12 декабря / <http://президент.рф>

Во втором десятилетии XXI века резко усилился процесс роста военно-политической напряженности в Евразии, который все отчетливее приобретал черты военно-политического противостояния США и их союзников, с одной стороны, и России, Китая, целого ряда евразийских государств, с другой. В 2011–2012 годах, например, именно этот регион был признан США наиболее приоритетным с точки зрения безопасности США, оттеснив даже Ближний и Средний Восток.

Евразийская интеграция (как и политика противодействия интеграции), создание системы безопасности на континенте и развитие систем ВКО в Евразии — две важнейшие тенденции, которые начинают не только доминировать в международных отношениях, но и оказываются тесно связанными между собой. Причем на самых разных уровнях и относительно разных стран. Так, стремительно усиливая свой наступательный и оборонительный потенциал в АТР, направленный прежде всего против Китая и России, США не только формируют военно-политическую коалицию в Евразии, но и всячески развивают ВТС со своими нынешними и потенциальными союзниками. Ключевая роль в этой политике принадлежит сотрудничеству

в области ПВО и ПРО, которое во многом является не только следствием избранного политического курса тем или иным государством, но и само оказывает влияние на политические, в т.ч. интеграционные процессы.

Иногда явно недооценивается возможность евразийских государств в ядерной и воздушно-космической области.

Перечень государств обладающих баллистическими ракетами малой дальности¹

¹ Матвеев О.В. Противоракетная оборона как фактор российско-американских взаимоотношений. М.: Военный университет, 2011. С. 156.

№№	Страна	Название (дальность полета, км)
1	Индия	Агни 1 (800 км)
2	Индия	Шаурья (600–700 км)
3	Пакистан	Газнави (350 км)
4	Пакистан	Абдали (200 км)
5	КНР	ДунФен 11 (350 км)
6	Китай	ДунФен-15 (600 км)
7	Иран	Фатех-110 (250 км)
8	Израиль	Иерихон 1 (500 км)
9	Россия	Искандер (до 500 км)
10	Индия	Притхви I (150 км)
11	Индия	Притхви II (250–350 км)
12	Индия	Притхви III (350–750 км до 1000 при 250 кг ПН)
13	Иран	Шахаб-2 (700 км)
	Турция	J-600T Йылдырым I (150 км)
	Турция	J-600T Йылдырым II (300 км)
	Республика Корея	Hyunmoo-1 (180–250 км)
	Республика Корея	Hyunmoo-2 (300–500 км)
	США	ATACMS (180 км)

В настоящее время военно-технические и экономические возможности евразийских государств позволяют создавать не только системы ВТО, но и собственные системы стратегических наступательных и оборонительных вооружений, космические программы и собственную научно-техническую политику. Так, КНДР осуществляет уже не только собственную ядерную программу, но и проводит испытания МБР, выводит спутник в космос. Иран осуществляет широкий спектр разработок — от ядерных исследований и создания баллистических ракет до производства КР, беспилотников и других систем ВТО. Пакистан, Республика Корея, конечно, Япония и целый ряд других стран резко активизировали свою деятельность практически по всем направлениям. Все это говорит о том, что происходит не просто процесс расширения круга государств, приобретающих самое современное оружие, но и создание новой научно-технической и технологической базы современных ВВТ в Евразии.

Вместе с тем необходимо выделить качественно новые уже существующие и перспективные военно-политические угрозы для России, противодействовать которым нашей стране предстоит в ближайшие 20–30 лет. Это не просто тот срок, на который предлагал В. Путин «заглянуть за горизонт» с точки зрения ВВТ и в соответствии с периодом когда будет работать ВПК и Минобороны¹, но когда произойдут неизбежные тектонические сдвиги в мировой расстановке сил — экономических, политических, научно-технических и военных. Это будет безусловно, качественно новая ситуация в системе безопасности.

Появление в конце января 2013 года двух принципиально важных документов — плана обороны России и решения ВПК, что ГПВ-2025 будет базироваться на прогнозе угроз национальной безопасности — хотя и запоздалый, но, безусловно, крайне необходимый шаг, который еще недавно был абсолютно невоз-

¹ 30 января 2013 г. ВПК при Правительстве России постановила, что госпрограмма вооружений до 2025 года будет базироваться на прогнозе угроз национальной безопасности на тридцатилетний период. См.: ВПК определила правила подготовки гос-программы вооружений до 2025 года / ЦАМТ. 2013. 30 января / <http://armstrade.ru>



можен. И не только потому, что были крайне ограничены ресурсы, но прежде всего потому, что господство либеральной идеологии «экономизировало» всю общественно-политическую жизнь страны, отрицая не только госрегулирование, но и, как следствие, необходимость стратегических прогнозов и стратегического планирования.

Конечно, финансово-монетарные власти, продолжая во многом контролировать экономическую политику страны, будут и дальше влиять на формирование военной политики (и в части приватизации, и «менеджеризма» ВС), но следует признать, что на рубеже 2012–2013 годов в этой области произошел серьезный идеологический перелом: В. Путин и часть поддерживающей его элиты сумели внести новые элементы в политическую и экономическую жизнь государства, направленные на укрепление его суверенитета. Без такого поворота необходимость в стратегическом прогнозе и планировании были бы невозможны.

Если говорить очень коротко, то перечень наиболее приоритетных военно-политических угроз для России, формирующихся сегодня и, вероятно, сохраняющих свою актуальность до 2030 года, выглядит следующим образом:

1. Растущее отставание России в темпах развития и качестве национального человеческого капитала (НЧК) от ведущих стран мира неизбежно ведет в свою очередь к отставанию в:

- темпах роста, структуре и качестве ВВП, обрабатывающих отраслей в целом и ОПК, в частности;
- развитию наукоемких отраслей промышленности, современных технологий, включая военные, а в целом политике модернизации экономики страны;
- развитию государственных и общественных институтов, реализующих НЧП, включая неэффективность органов государственного и общественного управления;

- формировании «креативного класса», создающего основную часть национального богатства и ВВП страны;
 - качестве НЧК в ОПК и ВС России.
 - качестве и возможностях использовать «мягкую силу» в интересах обеспечения национальной безопасности.
2. **Депопуляция и деиндустриализация восточных регионов России (от Урала до Дальнего Востока).** Здесь находятся основные природные и минеральные ресурсы страны и максимально близко к новым, быстро растущим центрам силы в Евразии и АТР. Следствием дальнейшего развития этой тенденции с военно-политической точки зрения может быть:
- ослабление влияния России в АТР и Евразии, ее вытеснение — экономическое, политическое, военное — более сильными державами, прежде всего, США, Китаем и Японией;
 - потеря контроля над частью территории и ресурсами восточных регионов, которые могут стать предметом договоренностей между США, Японией и Китаем;
 - утрата политических и экономических позиций в Центральной Азии и Закавказье, переход этих государств под контроль других государств и появление военной угрозы с южного направления, дестабилизация ситуации на юге России и в Поволжье;
 - раскол в конечном счете страны на европейскую и азиатскую части при полной потере суверенитета над восточными и южными регионами России.
3. **Формирование военно-политической коалиции под контролем США в Центральной Азии и на Среднем Востоке, враждебной России,** что создает новый спектр угроз южного направления:
- создание военной инфраструктуры США, стран Евросоюза и их союзников в Центральной Азии и Закавказье, способной не только контролировать этот регион



Евразии, но и непосредственно угрожать Югу России, Западной Сибири, Уралу и Поволжью;

- приближение к центральным районам России сил и средств, способных к нанесению «обезглавливающего» и «обезоруживающих» ударов с помощью ВТО и неядерных стратегических вооружений;
- перенос политики «дестабилизации» политических режимов на территорию России, используя в этих целях национальные меньшинства, общественные, религиозные и иные общественные объединения.

4. Создание США и их союзниками ВТО и стратегических неядерных вооружений (КР, боевых ударных беспилотников, и бомб ракет класса «воздух–земля», ГЗЛА), способными:

- интегрировать наступательные, оборонительные и информационные ВВТ в единый комплекс, способный обеспечить быстрый и эффективный переход от невоенного насилия (информационного и кибервоздействия) к прямому применению вооружений и достижению военной победы;
- обеспечить угрозу применения военной силы в открытой (эксплицитной) или закрытой (имплицитной) форме для обеспечения интересов США и продвижения их системы ценностей в России;

5. Внедрение новых концепций применения военной силы, способных:

- вернуть ей качество «используемого» политического инструмента против России;
- формировать системы управления ВС и ВВТ, ставящей перед собой достижение геополитических целей с использованием коалиционной стратегии;
- создавать концепции информационного и кибернетического воздействия в качестве первой силовой фазы военных действий;

- объединять, прежде всего, в воздухе и космосе (от высот в несколько метров до сотен километров) информационных и огневых средств нападения и защиты;
 - создавать системы «сетевидного» управления вооруженными силами и ВВТ.
- 6. Потенциальная возможность раздела «сфер влияния» между США и их союзниками, с одной стороны, и КНР, с другой, в Евразии и АТР:**
- быстрое развитие нового центра силы в мире — Китая — неизбежно поставит вопрос о партнерстве (противодействие США и их союзникам, что может привести к разделу сфер влияния в Евразии: «отдавая» Северо-Восточную и Юго-Восточную Азию Китаю, США могут претендовать на Центральную Азию (включая Казахстан);
 - по мере развития США и Китая их военные возможности, которые уже превышают возможности любой коалиции, могут превратиться в доминирующую в мире военную силу;
 - компромиссом договоренностей США и Китая могут стать восточные районы России, включая не только их ресурсы и материальные активы, транспортные коридоры, но и территории.
- 7. Складывается устойчивое впечатление, что неравномерность в развитии отдельных государств и возникновение новых центров силы происходит параллельно с подготовительным этапом к более активным военным действиям, которые могут наступить после 2020 года:**
- неравномерность экономического, технологического и военно-технического развития создает предпосылки к изменению соотношения военных сил в мире, прежде всего в Евразии, что, в свою очередь, является прямым стимулом к применению военной силы;



- «подготовительный этап» отчетливо просматривается в тенденциях развития ВВТ в пользу ВТО неядерного авиационно-космического компонента;
- завершение «подготовительного этапа» можно прогнозировать также исходя из концепции отказа от ядерного сдерживания, создания концепций первого, «обезоруживающего» удара и сетецентрических войн.

Индия, например, ведет разработку региональной эшелонированной системы противоракетной обороны, где роль ближних (к обороняющейся стороне) оборонительных эшелонов будут играть элементы израильских систем «Хец» и «Железный купол» (или их аналоги, разрабатываемые совместно с Израилем с начала 2000-х годов). Кроме того, Индия приняла на вооружение баллистические ракеты семейства «Агни», способные поражать цели в глубине территории Китая¹.

В свою очередь, Китай, наблюдая за этими приготовлениями, и опасаясь ВМС США (которые в случае войны блокируют пути поставок энергоносителей по морю), создает свою систему экономической и региональной безопасности. В частности, планирует строительство, или строит газо- и нефтепроводы, железные дороги, шосейные трассы, логистическую инфраструктуру по маршрутам:

1. Китай — Киргизия — Узбекистан — Туркменистан — Иран;
2. Китай — Пакистан — Иран.

Главная задача этих путей сообщения — доставка энергоносителей в Китай, а также проецирование силы в регион бывшей советской Средней Азии (Центральной Азии — ЦА), и в регион Персидского залива. Причем работа уже кипит вовсю: строятся пути сообщения в Киргизии и Узбекистане, скупается все, что может иметь хоть какую-то ценность для Китая в ЦА, планируется строительство газопровода Иран — Пакистан»².

¹ Ракеты «Агни-5», впервые испытанные в 2012-м году, относятся к классу МБР и способны поражать цели на территории всего АТР, включая большую часть России. В 2013 г. успешно испытана модификация «Агни-3 SL», являющаяся БРПЛ, что теоретически позволяет рассматривать ее как оружие глобальной досягаемости.

² Воробьев А. Евразийский предел: Китай // Военное обозрение. 2013. 11 января / <http://topwar.ru>

Евразийская воздушно-космическая оборона



В этом евразийском котле противоречий особенная роль принадлежит двум сильнейшим мировым державам — США и Китаю, чьи военные расходы уже многократно превышают уровень других стран. США, например, в целях сдерживания Китая, планируют привлечь в АТР большую часть своего военно-морского потенциала (до 60%), создание широкого фронта стран — соседей Китая, опасаящихся подпасть под влияние, несовместимое с сохранением национального суверенитета. Особая роль в этом альянсе отводится Индии.

Важнейшее значение в этой связи приобретает евразийская военно-политическая интеграция и военно-техническое сотрудничество. Особенно в области ПВО–ПРО–ВКО.

Евразийская интеграция — тема, ставшая особенно популярной после известной статьи В. Путина, опубликованной 4 октября 2011 года в «Известиях», к сожалению, свелась пока практически к экономическому и таможенному сотрудничеству России, Казахстана и Белоруссии, хотя выдвигаются идеи усиления двухстороннего и многостороннего сотрудничества в ОДКБ, прежде всего, в наиболее чувствительной области —



ПВО–ПРО. В частности, Россия, Белоруссия и Казахстан (с января 2013 г.) находятся в процессе создания единой системы ВКО¹.

Этот акцент заведомо ограничивает масштаб и характер процесса интеграции узкоэкономическими «выгодами» и расчетами. За скобками дискуссии по интеграции остались такие ключевые проблемы, как единая ценностная система, внешняя и оборонная политика, которые являются приоритетными, например, в Евросоюзе. Станным образом эти ключевые проблемы пока что «выпали» из эпицентра «евразийского» дискурса. И напрасно, ведь именно они являются в действительности ключевым объяснением идеи евразийской интеграции. Хотят это признать правящие элиты или нет.

Надо признать, что постсоветским государствам, а также ряду других государств Евразии ещё предстоит более четкая самоидентификация в новых условиях. Прежде всего с точки зрения выбора внешнеполитической стратегии и военной доктрины. Этот выбор, в конечном счете, будет означать выбор между «разновекторностью», ложным пониманием суверенитета и ориентации на военно-политическую интеграцию с одним из центров силы в Евразии — США, Китаем, Россией или исламским миром. Такое самоопределение должно произойти неизбежно. «Маневрировать», совмещать разновекторность становится все труднее. Но для этого еще предстоит произвести переоценку ценностей внутри самих элит.

Этим национальным элитам еще предстоит так или иначе признать, что горбачевский развал СССР не принес их народам ничего — ни в экономике, ни в политике, ни в безопасности, — ради чего стоило бы цепляться за идеи суверенитета и «самостийности». Разваливая СЭВ и ОВД, в конечном счете СССР, элиты пошли вопреки доминирующим тенденциям мировой и региональной глобализации. Успешная интеграция, как показывает, пожалуй, единственный положительный

¹ Россия и Казахстан подписали соглашение о создании единой системы ПВО. Эл. ресурс «Евразийская оборона». 2013. 30 января / <http://eurasian-defence.ru>

пример в мире — Евросоюз — становится следствием не столько экономической выгоды (как почему-то общепринято считать), но и общности ценностей и интересов в области безопасности и военно-политического сотрудничества.

Такое утверждение становится еще более справедливым в начале XXI века, когда в мире наблюдаются процессы нарастания противоречий, конфликтности и резкого увеличения объема информации: во втором десятилетии нашего века ее удвоение происходило ежегодно, а еще в первой половине XX века — раз в 30 лет. Это сказывается на качестве управления, включая государственное, военное и общественное, что во многом предопределяет принятие эффективных политических и военных решений, ставит их в зависимость от способностей обрабатывать, систематизировать информацию, т. е. от качества информационных ресурсов государства. По этому поводу некоторые эксперты высказывают справедливое мнение, что «снижение качества управления оборачивается нарастанием хаоса и, как следствие, — военными угрозами передела сфер влияния, власти, собственности»¹. От качества информационных ресурсов в решающей степени зависит сегодня и качество ВВТ, и эффективность концепций их использования.

В силу этих и целого ряда политических, экономических и военных причин во втором десятилетии XXI века стремительно увеличивается значение воздушно-космических средств нападения и обороны, которые превращаются в главный военно-силовой компонент, способный решать как политические, так и собственно военные задачи. Это хорошо видно



¹ Затуливетер Ю.С., Семенов С.С. Ориентир — достаточная оборона // Национальная оборона. 2012. № 11 (80). С. 30.



на практическом примере вывода американских войск из Афганистана. Не только эксперты, но и сами военные из Афганистана говорят о том, что национальная армия окажется не боеспособной потому, что не имеет ни собственных ВВС, ни систем ПВО, ни артиллерии¹.

Прежде всего речь идёт, конечно, о современном военнополитическом значении ВКО, но в системе силового обеспечения американской внешней политики, которая откровенно ставит своей задачей сформировать новый мировой порядок. Как заметил президент США Б. Обама в очередной «Стратегии национальной безопасности США», «так же, как Америка помогла определить курс XX столетия, мы должны теперь построить источники американской силы и влияния, и сформировать мировой порядок, способный к преодолению проблем XXI столетия»².

Очевидная установка на использование «мягкой» и «жесткой» силы во внешней политике США означает насильственное продвижение системы ценностей в мире. Это невозможно без обеспечения такой политики соответствующим военным потенциалом. Сколько бы ни говорилось о невоенных формах влияния, фактом остается, что военная сила в последние два десятилетия используется чаще и в больших масштабах, чем в период военно-политического противостояния двух блоков. Да и «мягкая сила», как оказывается, бывает эффективной лишь в том случае, когда она подкреплена возможностями «жесткой силы». И прежде всего — возможностями воздушно-космического нападения. Об этом вполне определенно сказал, например, один из ведущих политологов и участник Проекта по реформе национальной безопасности Дж. С. Най: «...определение необходимой силы зависит от ресурсов, то есть от того, что позволяет получить желаемое поведение или, скорее, достижение желаемого результата от демонстрации силы»³.

¹ Сурков Н. Обама спешит свернуть войну в Афганистане // Независимая газета. 2013. 14 января. С. 8.

² Obama B. The National Security Strategy 2010. Wash., GPO, May, 2010. P. 3.

³ Discourse of Power / Post — war Watch. 2012. June 23 / www.postwarwatch.com/2012/06/23

Этот общий принцип современной политики США вполне конкретно проецируется на Евразию, где «... одним из оснований внедрения в регион была выдвинута концепция „Большой Центральной Азии“, в ко-



торую, помимо пяти новых независимых государств Центральной Азии, входили бы и другие, лояльные США азиатские государства, тем самым отдаляя бывшие советские республики Центральной Азии от России»,¹ — считают эксперты МГИМО(У).

¹ Земсков В. Н. Стратегия США в Центральной Азии / Аналитическая записка ИМИ МГИМО(У), 2013. Январь. С. 2.

Стратегические интересы США в Центрально-Азиатском регионе впервые были четко зафиксированы в апреле 1997 г. в специальном докладе, направленном в Конгресс Государственным департаментом США. В документе указывалось, что США, будучи крупнейшим в мире потребителем энергоносителей, заинтересованы в «расширении и диверсификации» мировых энергетических ресурсов. Более того, констатировалось, что по своему характеру американские интересы в этом регионе носят не только экономический, но и стратегический характер, т.к. «проблема непосредственно касается обеспечения безопасности Запада».

Кроме того, совершенно очевидно, что США стремятся не допустить восстановления стратегического присутствия России на этой территории, а также создания политического союза между Москвой, Пекином и Тегераном. Немаловажным остается и то, что для США Центральная Азия служит стратегически важным плацдармом на случай эвентуальной конфронтации США с Россией и Китаем в регионе².

² Там же.

Подобные политические установки подкрепляются созданием такого военного потенциала, который смог бы обеспе-



читать глобальное использование военной силы за рамками традиционных представлений о ядерном сдерживании, которое остается единственным атрибутом России как великой державы и компенсирует очевидное американское информационное, военно-техническое и экономическое превосходство. Тем более, подобные политические установки угрожают государствам, не способным самостоятельно противодействовать воздушно-космическому нападению. Как показал опыт последних лет, именно эта форма использования военной силы стала преобладающей в боевых операциях. Соответственно возможности, способные нейтрализовать такое нападение средствами ПРО–ПВО, становятся решающим политическим инструментом.

Применительно к России и другим ядерным державам Евразии ликвидация последних компонентов ядерного сдерживания, или их нейтрализация — очевидная цель, преследуемая США в развитии систем ПРО и массовом производстве ВТО, прежде всего систем стратегического неядерного наступательного потенциала. Эти тенденции в политике США и их союзников заставляют по-новому рассмотреть не только области вероятного военно-политического противостояния в Евразии, но и его последствия для развития международных отношений и глобальной геополитической ситуации. Прежде всего в Евразии, которая стала эпицентром военных конфликтов.



Евразийская безопасность: выбор России

Истинный защитник России —
это история; ею в течение трех столетий
неустанно разрешаются в пользу России все
испытания, которым подвергает она свою
таинственную судьбу¹

Ф. Тютчев

... достаточно сигналов, трубящих
об одном и том же: Россия не может
рассматривать свою территориальную
целостность как нечто само собой
разумеющееся²

В. Василец

¹ Цит. по: Торкунов А. В. Современная история России в международном контексте // Вестник МГИМО(У). 2012. № 6. С. 9.

² Василец В. Пришла эпоха великого передела мира / URL: Эл. ресурс «Евразийская оборона». 2013. 21 января / <http://eurasian-defence.ru>

В условиях резкого роста военного противостояния в Евразии, обострения территориальных конфликтов и стремительного роста военных потенциалов практически всех государств Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии, Ближнего и Среднего Востока, а также усиливающейся нестабильности в Центральной Азии, России предстоит не только скорректировать свою внешнюю политику, но и фактически разработать новую военную доктрину в отношении своих союзников и партнеров в Евразии, т.е. сделать политический выбор. Это будет во многом выбор между европейским вектором развития, «многовекторной неопределенностью» и сохранением того самобытного и уникального исторического опыта, который, по словам В. О. Ключевского, предопределял социальную историю нашей страны.

Сегодня в российской элите наметился очевидный раскол по этому вопросу. Прежде всего потому, что «европейский выбор» по большому счету неизбежно наносит ущерб национальной самоидентификации, безопасности и суверенитету страны. Но и в азиатскую державу Россия не превратится — она останется в любом случае европейской страной со своей



глубокой спецификой, которая будет противостоять «универсальным» либерально-протестанским ценностям.

У России, очевидно, другая роль: стать евразийским интегратором, продуцирующим в мире и в Евразии свою систему ценностей не только в культуре, духовности и экономике, но и в области международной безопасности. Для этого ей придется в еще большей степени, чем в последние годы акцентировать свою внешнюю и военную политику на южном и восточном направлениях. Тем более, что регионы «к востоку от Урала» становятся ее важнейшим политическим интересом.

Сегодня неизбежно должно произойти то же самое, что и в прежней истории России: она должна продвинуться на восток не только демографически и экономически, но и военно-политически. Она должна вернуть себе место и влияние в Евразии, без которых она превратится в Московское государство времен Ивана III.

Для этого нужна прежде всего смена политических приоритетов. Важнейшая часть этой новой доктрины в Евразии неизбежно будет относиться к обеспечению территориальной целостности, безопасности страны и ее союзников посредством создания и развертывания глобальной системы ВКО.

Евразийский выбор будет означать, кроме того, изменение характера отношений, приоритетов и средств влияния в отношении вероятных союзников и партнеров. Причем не только в ОДКБ и СНГ, но и по отношению к другим государствам Евразии и АТР.

Рассчитывать на то, что территориальную целостность, суверенитет и безопасность в Евразии удастся сохранить с помощью только международного права и международных институтов — наивность. Так же, как было наивно полагаться М. Горбачеву на «общечеловеческие ценности». Известно немало заявлений относительно того, что Россия не может «распоряжаться богатствами, скрытыми в недрах Сибири» или

¹ Василец В.
URL: Эл. ресурс
«Евразийская
оборона». 2013.
21 января /
[http://eurasian-
defence.ru](http://eurasian-defence.ru)

«бесконечно править такими огромными просторами с такими запасами полезных ископаемых» (М. Олбрайт, М. Тэтчер, З. Бжезинский)¹, которые прямо противоречат международным нормам. Как, впрочем, и откровенные попытки использовать силовое давление и «мягкую силу» против России. «Исправить» эту несправедливость можно, по мнению ряда политиков, только пересмотрев государственные границы Российской Федерации, что отнюдь не выглядит в глазах западных политиков невозможным.

В этих целях может быть реализовано множество сценариев, наиболее безопасный и «политкорректный» из которых — вынудить Россию под угрозой использования военной силы самой отказаться от контроля над транспортными коридорами, ресурсами, а затем и территориальной целостности. Сегодня такие расчеты действительно существуют. Более того, история показывает, что подобное развитие событий чаще бывает правилом, чем исключением. И не только в древней, но и новейшей истории, где последними примерами стали СССР и Югославия.

Приходится констатировать, что пока в России существует определенная недооценка этого вызова, который уже в среднесрочной перспективе может превратиться в прямую угрозу безопасности страны. Эта угроза воспринимается как нереальная, абстрактная, очередная конспирологическая версия. И прежде всего потому, что правящая элита страны до последнего времени не задумывалась ни о стратегическом прогнозе, ни о последствиях проводимой ею политики. Сигналом к переоценке стало «евразийское» выступление В. Путина осенью 2011 года и последующие шаги по ускорению экономической интеграции.

Принятие Плана обороны России в январе 2013 года, а до этого создание командования Воздушно-космической обороны (ВКО) в декабре 2011 года и информация осени 2012 года

о том, что новому руководству МО России «предстоит в течение полутора месяцев создать новую систему анализа и стратегического планирования в области противодействия угрозам национальной безопасности на период от 30 до 50 лет в интересах формирования госпрограмм вооружений»¹, приводит к мысли, что руководство страны проявило пусть запоздалую, но обеспокоенность развитием этих негативных тенденций на долгосрочную перспективу.



На эту же мысль наводят и решения, принятые на заседание глав государств СНГ 4–5 декабря 2012 г. в Ашхабаде (Туркменистан), где говорилось о развитии объединенной системы противовоздушной обороны государств-участников СНГ (ОС ПВО СНГ). В СМИ также активно обсуждаются перспективы создания на постсоветском пространстве так называемой объединенной Евразийской ПВО и даже единой ПРО. И не только на постсоветском пространстве, но и в сотрудничестве с другими евразийскими государствами. В этом могут быть заинтересованы, кстати, и другие государства, включая страны Западной и Центральной Европы.

Вместе с тем, история создания Объединенной системы противовоздушной обороны на постсоветском пространстве

¹ Мухин В. Владимир Путин опасается звездных войн // Независимая газета. 2012. 12 ноября. С. 1–2.

уходит в начало далеких 90-х годов. И ее нельзя назвать оптимистичной. Скорее даже наоборот. Нельзя игнорировать и те процессы, которые идут в евразийских государствах вразрез с интеграцией. Очевидно противоречие: основой и главным условием успешной интеграции в Евразии должно быть тесное военно-политическое и военно-техническое сотрудничество, которое идет вразрез с планами части национальных элит. Так, демарш Казахстана по поводу договора о космодроме «Байконур», срок аренды которого истекает только в 2050 году, ряд обозревателей прямо связывают со стремлением затормозить или даже избежать политической интеграции¹.

Но Казахстан и Белоруссия — ключевые звенья в евразийской военно-политической интеграции. Если допустить, что в результате внешнего и инспирированного извне внутреннего воздействия, эти государства станут подконтрольны другим странам, то положение России не просто ухудшится. Оно станет критическим. Коммуникации с Европой будут нарушены, а военно-политическая обстановка резко (радикально) ухудшена.

Еще хуже, если из процесса интеграции выпадет Казахстан. Россия не только перестанет фактически влиять на ситуацию в ЦА, но окажется в реальности разделенной на европейскую часть и регионы к востоку от Урала. Причем, если допустить враждебное использование территории Казахстана, под непосредственной угрозой окажутся Поволжье, Южный Урал и Западная Сибирь — регионы, где в советское время создан индустриальный и оборонный потенциал страны.

Фактически окажется похороненной и идея «транспортных коридоров» не только с севера на юг, но и с востока на запад, а, кроме того, Россия может лишиться регионов, где сосредоточены ее основные ресурсы.

Новая архитектура международной безопасности сегодня еще только в процессе обсуждения. Одной из ее главных задач является недопущение гонки вооружений в космическом

¹ Панфилова В.
Над «Байконуром» —
космическая напря-
женность // Незави-
симая газета. 2013.
29 января. С. 1.



пространстве, распространение оружия массового поражения и стратегических неядерных вооружений. В полной мере такая оценка применима к Евразии, которая стала эпицентром военных конфликтов, но в еще большей степени может им стать в будущем.

Пока что прогресс на этом направлении развивается медленно. Если говорить о региональной безопасности на постсоветском пространстве, то возникают вопросы соотношения между уже формально существующей ПВО–ПРО в рамках ОДКБ и решением о создании новой ОС ПВО СНГ. Ведь, как известно, в рамках ОДКБ уже давно создаются объединенные военные системы. Возможно, конечно, что на их основе будет строиться и новая, объединенная система ПВО СНГ, однако ясности — политической и концептуальной — пока нет.

Важно отметить, что на заседании Ашхабадского саммита нашло поддержку предложение России о том, чтобы в систему были интегрированы российские части и подразделения созданных в 2011 году войск Воздушно-космической обороны (ВВКО)¹. Это можно назвать первым шагом в направлении создания ЕвразВКО. На очереди — как интеграция в объединенную, а затем и единую ВКО постсоветских государств, так и привлечение других стран. В том числе через ВТС, достижение соглашений о взаимной обороне континента на пространстве от Ирландии до Владивостока и от Норвегии до Индии.

Пока что влияние этих новых вызовов находит свое понимание только в высшем политическом руководстве и военно-политических кругах некоторых стран, которые трезво оценивают новую ситуацию. Создание единой системы ПВО России, Беларуси и Казахстана — явно выраженная обеспокоенность руководства страны созданием системы ПРО по периметру границ России. Эти шаги могут быть расценены только как самая первая ответная реакция нашего государства. За ней неизбежно должны последовать соответствующие военно-

¹ Мехдиев Э. Т. Евразийская интеграция: шаги на пути к созданию единой ВКО / 25.12.2012. Евразийская оборона / <http://eurasian-defence.ru>

технические действия. В противном случае эта обеспокоенность останется политическим и дипломатическим демаршем.

Не секрет, что создание новых и модернизация существующих систем ПВО–ПРО требует не только огромных материальных, но и временных ресурсов. Как показывает практика, как минимум, нескольких лет (или даже десятков лет) и сотен миллиардов рублей. Ресурс времени и материальный ресурс в этом контексте становятся решающими, ведь от решения, какие страны будут объединены в единую ВКО, зависит не только скорость создания, но и производства всех элементов системы. Пока что такие возможности ограничены. Так, по оценке экспертов, к 2014 году в России будут построены два крупных завода по производству ЗРК С-400 «Триумф» и С-500 «Прометей», способных уничтожать боевые блоки баллистических ракет. Оба эти завода будут принадлежать ОАО «Концерн ПВО «Алмаз-Антей»¹. Сегодня их строительство идет полным ходом, но производство новых систем зависит не только от Концерна, но и от сотен смежников, и от финансирования, и от кадров, и многих других причин.

Но, в конечном счете, главным является политическое решение и воля, определяющие состав участников ВКО, формы участия, уровень сотрудничества, т.е. решений, от которых зависят и масштабы финансирования.

¹ Стоимость строительства двух заводов по производству новых ракет для ЗРС С-400 и С-500 обойдется в 81 млрд долл. 29 ноября 2012 г. / <http://www.armstrade.ru>





Ориентировочно, из программы ГОЗ-2020 на цели ВКО выделяется около 10%, что составляет порядка 2,0–2,5 трлн рублей (или около 80 млрд долл.) на 10 лет, т.е. 7–8 млрд долл. в год. Учитывая, что все российские военные расходы составляют примерно десятую часть военного бюджета США (700 млрд долл.), это означает, что Россия потратит на ВКО в ближайшее десятилетие практически 10% своих средств, выделяемых на оборону.

Много это или мало? Конечно, любые средства, отпущенные на оборону, — это деньги, оторванные в конечном счете от социально-экономических программ. И в последние годы развернулась широкая дискуссия в экспертном и даже политическом истеблишменте, целью которой нередко является свертывание оборонных расходов. Дискуссия, которая привела к расколу элиты и даже крупным отставкам. Дискуссия, которая отнюдь не закончилась, но которая, в случае очередной победы либерал-демократов (для которых, собственно и стараются некоторые эксперты) приведет не просто к сворачиванию оборонных программ, но и окончательному развалу ОПК. На самом острие этой дискуссии находится тема создания ВКО и реакция на действия США в области ПРО, СЯС и стратегических неядерных вооружений. Целью такой дискуссии, как правило, становится убеждение политической элиты в том, что создание российской (а, тем более, — евразийской) ВКО — бессмысленная трата ресурсов.

С самого начала следует оговориться, что никакие оборонные «сверхрасходы» Россию не ожидают. Сегодня ее расходы на оборону менее 3% от мировых, в то время как для США — более 40%, а их союзников — еще столько же. В реальных цифрах это выглядит следующим образом — см. таблицу.

Как видно, российские расходы **на национальную оборону** в первом десятилетии нынешнего века не поднимались выше 2,84 процента в ВВП и 18,63 процента в расходах госбюджета

Евразийская воздушно-космическая оборона

Таблица. ВВП, общие доходы и расходы госбюджета и расходы на обеспечение национальной обороны и национальной безопасности России

	1990 факт	2000 факт	2008 факт	2010 факт	2012 прогноз	2013 прогноз	2014 прогноз
ВВП (млрд руб.)		7306	41668	44939	58683,0	64803,0	72493,0
Доходы госбюджета (млрд руб.)	159,5	1132,1	9275	8303,8	?	?	?
Доля в ВВП (%)		15,49	22,26	18,48	20,07	19,60	19,44
Расходы госбюджета (млрд руб.)	151,0	1029,2	7570,9	10117,4	?	?	?
Доля в ВВП (%)		14,08	18,16	22,5	21,41	21,19	20,12
Общегосударственные расходы (млрд руб.)		25,0	839,4	887,8	?	?	?
Доля в ВВП/в расх. ГБ%		2,43	2,0/11,1	1,97/8,7	1,27/5,92	1,15/5,42	1,0/4,97
Национальная оборона (млрд руб.)		191,7	1040,9	1276,5	?	?	?
Доля в ВВП/в рас. ГБ%		2,63/18,63	2,5/13,74	2,84/12,6	1,61/7,51	1,51/7,12	1,36/6,74
Национальная безопасность (млрд руб.)		105,4	835,5	1085,4	?	?	?
Доля в ВВП/в рас. ГБ%		1,44/10,24	2,0/11,1	2,41/10,7	2,32/10,9	2,40/11,32	2,25/11,17
Национальная экономика (млрд руб.)			1025,0	1222,7	?	?	?
Доля в ВВП/в рас. ГБ%			2,5/13,54	2,72/12,1	2,9/13,9	2,56/12,07	2,17/10,81

и имели тенденцию к уменьшению, а расходы на национальную безопасность соответственно — 2,41 и 11,1 процента. В эти годы военные расходы США увеличились на 100% — с 350 до 700 млрд долларов. Только в 2013 году намечено некоторое сокращение военных расходов, которое на фоне их десятилетнего роста выглядит вполне символическим. Показатели первых лет нового десятилетия таким образом отнюдь не свидетельствуют об их росте¹, о чем так много говорят последние два года. При этом следует учитывать, что многие годы в России происходило катастрофическое недофинансирование ОПК. Как, впрочем, и сегодня.

¹ Пожаров А.
Экономика России
в начале XXI века /
Эл. ресурс «Военное
обозрение». 2013.
19 января /
<http://topwar.ru>



Станным образом Россию упрекают, что ее военные расходы превысили расходы Великобритании и Франции (71,9 млрд долл. и 62, 7 и 62,5 млрд долл. соответственно), хотя известно, что изношенность основных фондов ОПК превышает 70%, а доля новых ВВТ (по разным оценкам) колеблется от 10% до 15%. Хроническое недофинансирование последних десятилетий выражается в том числе и в этом. Для того, чтобы его компенсировать (чего не нужно делать ни США с их 700-миллиардными расходами, ни Великобритании и Франции, где расходы даже в период кризиса были стабильными) потребуется, как минимум, не менее 10 лет устойчивого роста расходов.

Более того, в последние два-три года обозначилась тенденция, когда развитие ОПК рассматривается в качестве инструмента модернизации обрабатывающих отраслей промышленности, что не осталось незамеченным¹. Это, безусловно, оправданно по нескольким причинам.

Во-первых, другие инструменты, прежде всего рыночно-финансовые, доказали свою неэффективность. Модернизация, как и «Стратегия социально-экономического развития России до 2020 года», по сути, провалились. Предложенные новые идеи, в том числе «Стратегия инновационного развития до 2020 года», — вполне аргументирована, но судя по всему, также не будут работать. Главная причина — мы научились формулировать идеи и цели, но не научились их реализовывать. Прежде всего из-за отсутствия механизмов и людей. Но в ОПК и первое, и второе есть.

Во-вторых, ОПК имеет ряд преимуществ по сравнению с другими отраслями, а именно:

- там сосредоточено более половины уцелевших российских ученых, конструкторов и технологов;
- наиболее высокий уровень НЧК;
- сохраняется возможность государственного контроля и нерыночных механизмов управления;

¹ Караваев А.
Оборонная Россия:
станут ли мечты ре-
альность? // Незави-
симая газета. 2013.
29 января. С. 5.

- наиболее технологичные и наукоемкие отрасли, особенно в ВКО, которые обладают международной конкурентоспособностью.

Что такое недофинансирование ОПК? Это может быть вынужденной мерой, следствием крайней ограниченности ресурсов. Но это может быть и способом, используемым коррупционерами для обогащения под видом обслуживания оборонных расходов. В такой ситуации военным финансистам приходится брать кредиты у частных банков по баснословным процентам. Расплачивается за них государство, обогащая олигархов и коррумпированных чиновников. То, как приходилось бороться с финансовыми махинациями на ниве недофинансирования оборонных расходов в 90-е годы прошлого века, убедительно показано в монографии бывшего начальника Главного ФЭУ МО генерал-полковника В. В. Воробьева (Воробьев В. В. «Финансово-экономическое обеспечение оборонной безопасности России: проблемы и пути решения». Санкт-Петербург, 2003).

Профессор А. Пожаров в своем труде, делает справедливый вывод: «Почти целое десятилетие существования ОПК в условиях недофинансирования и дробления в интересах приватизации его предприятий, утраты многого из того, что необходимо для обеспечения его адекватности угрозам и надежной конкурентоспособности, обусловили также и провал первых трех государственных программ вооружения в истекшем десятилетии. Это заставляет переосмыслить отношение к финансово-экономическим технологиям, понять их огромную как разрушительную, так и созидательную силу и уметь использовать ее для созидания»¹.

Но оборонные расходы — это не зря потраченные деньги, ведь те же социально-экономические программы зависят во многом от способности страны обеспечить свой суверенитет и благоприятные условия развития страны. В том числе и защитить свои рынки, и своих граждан, и свою территорию, и свои ресурсы, и интересы своей промышленности и торговли.

¹ Пожаров А.
Экономика России
в начале XXI века /
URL: Эл. ресурс
«Военное обозрение».
2013. 19 января /
<http://topwar.ru>



Более того, производство новейших образцов ВВТ, в частности, комплексов С-400, может быть ориентировано на экспорт. Сегодня уже ряд стран хотели бы приобрести С-400, а экспортные поставки, как известно, существенно компенсируют затраты на НИОКР и производство современных ВВТ. Более того, такие поставки могут давать существенную политическую и экономическую выгоду.

Но главное все-таки в другом, а именно: защитить Россию и ее суверенитет эффективнее всего на дальних подступах, вместе с союзниками, чья роль в мире будет неизбежно расти (что, кстати, хорошо понимают в США). Есть и военно-политические соображения: одной из важнейших характеристик эффективности ВКО является дальность обнаружения и поражения, а это означает, что чем дальше средства обнаружения и ЗРК будут размещены от центральных районов и позиционных районов, тем выше будет их эффективность.

Замедленная политическая реакция, тем более неудачи в области развития объединенной ВКО, уже не могут быть полностью компенсированы последующими действиями. Тем более, когда речь идет о таком сложном и долгом процессе, как международные договоренности, которые требуют, как показывает практика, многих лет или даже десятилетий. Поэтому важно, чтобы уже сегодня самые разные слои политической, экономической и интеллектуальной российской элиты страны определились и выработали четкую долгосрочную стратегию развития евразийского потенциала ВКО, рассчитанную на несколько будущих десятилетий.

Эта стратегия должна опираться на долгосрочный прогноз и стратегическое планирование, в минимальной степени зависящее от отдельных руководителей страны, Минобороны, Генштаба или Совбеза. Эта стратегия должна стать политической установкой для Правительства (Минфина, МИДа и др. министерств), всего ОПК, который не может эффективно разви-

ваться в условиях краткосрочной перспективы. Нужна, таким образом, долгосрочная программа развития, ориентированная на адекватную оценку не только современных, но и будущих угроз и реалий в мире, соотношения сил, а также потребностей и возможностей страны.

У политики есть своя история, без которой не может быть будущего. Это утверждение также верно и для военной политики. Многие современные ВВТ задумывались, создавались и производились десятилетия назад и еще какое-то время будут находиться на службе. Если говорить о СЯС и системах ВКО, то все они имеют свои школы и свою историю. Но надо понимать, что будущее системы ВКО должно опираться не только на историю их развития и сохраняющиеся школы, научно-технический и производственный потенциал, но и создаваться под новые задачи и угрозы, формируемые в новых исторических и материальных условиях.

Прежде всего, в условиях нового этапа военно-технической революции, особенности которого определяются «фазовым переходом» человечества, когда в том числе результаты НТР не могут четко прогнозироваться. Как заметил эксперт ЦВПИ МГИМО(У) В. Каберник, «...разработка новых доктрин, подразумевающих максимальную эксплуатацию технологического превосходства, столкнулась с рядом сложностей. Фактически, обозначенная трансформация как первый шаг в „революции в военном деле“ находится сегодня на начальном этапе. В то же время, исследования форм конфликтов будущего привели к осознанию принципиальных изменений в части расширения пространства конфликта, необходимости расширения операций в новые сферы. В этом свете отмечается необходимость „трансформации второго порядка“ — внесение изменений в доктрины, учитывающих возможности противостояния агрессии в комплексном измерении.

Таким образом, декларированная „революция в военном деле“, едва начавшись, выявила новый спектр проблем, кото-



рые, в свою очередь, также требуют революционных изменений в рассмотрении возможных конфликтов будущего и способов противостояния комплексным агрессиям (в том числе неуправляемым). Этой „второй революции“ только еще предстоит состояться»¹.

Довольно часто в последние десятилетия можно услышать от ведущих экспертов мысль о том, что «России-де никто не угрожает». Это прямое свидетельство идеологической борьбы, развернувшейся в российской элите, которую С. Караганов в беседе с корреспондентом «The New York Times» охарактеризовал весьма примечательным образом: «...сложность в построении патриотической идеологии (В. Путина) заключается в том, что моменты национального единства в российской истории всегда были связаны с противостоянием агрессору, а сейчас у России... попросту нет врагов...»².

Сразу же возражу своему давнему коллеге. Если у страны сегодня нет врагов, то это отнюдь не означает, что их не будет в будущем. И не через сто лет, а через несколько. В.О. Ключевский, говоря о законе, который можно было бы назвать «сменной национальной доминанты», приводил пример с Германией, которая в XVIII веке была «философской» страной, а в XIX превратилась в «угрозу воинственным галлам».

Можно привести и более близкие примеры, когда, например, воевавшая с фашисткой Германией Великобритания была готова направить экспедиционный корпус против СССР во время войны с Финляндией и т.д. Важно одно: политические намерения, «дружба» лидеров и «гуманистические ценности» меняются быстро, а военные потенциалы и вооруженные силы десятилетиями.

Наконец, можно спросить у С. Караганова: «Если у России нет врагов, то, рассуждая логически, зачем вообще нужна Армия и Флот? Может, оставить просто полицейские формирования? Но тогда зачем нужна система ПРО США, Польше?»³

¹ Каберник В. Революция в военном деле: возможные контуры конфликтов будущего // URL: Эл. ресурс «Евразийская безопасность». 2013. 25 января / <http://eurasian-defence.ru>

² Цит. по: Минин С. Западные СМИ: Путину брошен беспрецедентный вызов 2012. 21 ноября // http://www.ng.ru/newsng/2012-11-21/100_obzor

³ На создание национальной противоракетной обороны в Польше, например, ежегодно предполагается выделять до 1,6 млрд злотых. См.: Астровский Н. Старый свет на «щите ЕвроПРО» 12.27.2012 / Евразийская оборона / <http://eurasian-defence.ru>

Или Турции? Кто сегодня, используя выражение наших либералов, «собирается на них нападать»? А зачем вообще нужен Североатлантический блок? Почему за последние 10 лет расходы США на оборону выросли в два раза, достигнув почти 700 млрд долларов? И т.д., и т.п.

Пока что, как и в 80-е годы XX века, в российском обществе существуют самые разные оценки и подходы. От полного игнорирования угрозы, либо сведения ее только к одному сегменту — ЕвроПРО — до «призывов включения» ОПК (точнее, того, что от него осталось) на «полную катушку», которое неизбежно приведет к милитаризации экономики и негативно скажется на социально-экономическом развитии страны. В этой связи крайне важно найти ту «золотую середину», которая позволила бы как обеспечить надежную национальную безопасность России, так и не привести к излишней растрате ее ресурсов. Такая «середина» может быть найдена в логичной, научно-обоснованной военной политике и стратегии развития Вооруженных Сил страны, которая должна основываться на долгосрочном военно-политическом прогнозе и соответствующем стратегическом планировании.

При этом необходимо исходить из того безусловного факта, что новая геополитическая ситуация в Евразии неизбежно будет влиять на политику России в области ВКО. С политической точки зрения. Но также верно, что тенденции в развитии современных вооружений, прежде всего воздушно-космических, могут стать и мощным стимулом для евразийской интеграции. Безопасность едина, а интеграция — наиболее эффективный политический инструмент, способный обеспечить такую безопасность. И не только военно-политическую, но и научно-техническую, экономическую, образовательную и информационную. Может быть, нам стоит наконец последовать примеру Евросоюза, для которого военная интеграция стала реальным локомотивом интеграционного процесса?

2. **Геополитика** **и ВКО Евразии**





... на переговорах НАТО и России
по ПРО не удалось достигнуть
абсолютно никакого прогресса¹

*А. Расмуссен,
генсек НАТО*

... она (Россия. — *Авт.*) органичная
составляющая истории мировой, равно
истории Европы и истории Азии...²

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

Принципиально важно изначально определить значение ВКО для России и всей Евразии в новом столетии. Оно во многом предопределяется общим развитием геополитической ситуации в мире, которое формирует тревожный военно-политический контекст для развития стратегических наступательных и оборонительных вооружений.

Ситуация в Евразии в этой связи становится еще более опасной, конфликтной и напряженной, сопровождающаяся массированными военными приготовлениями, быстрыми темпами роста военных расходов и разработкой новых концепций использования военной силы в качестве внешнеполитического инструмента. В том числе в целях разрешения территориальных споров и конфликтов, о которых З. Бжезинский писал еще в 90-е годы XX века, но которые с тех пор имеют очевидную тенденцию к обострению. В частности, он выделял следующие проблемы³.

Раздел Кореи и нестабильность, присущая Северной Корее, которая приобретает ещё более опасный характер вследствие стремления Северной Кореи стать ядерной державой, создают опасность того, что внезапное столкновение может втянуть полуостров в войну, что, в свою очередь, вовлечет в конфликт Соединенные Штаты и косвенным образом Японию.

¹ Котляр В. Захочет ли Обама изменить ход истории // Независимая газета. 2012. 13 ноября. С. 3.

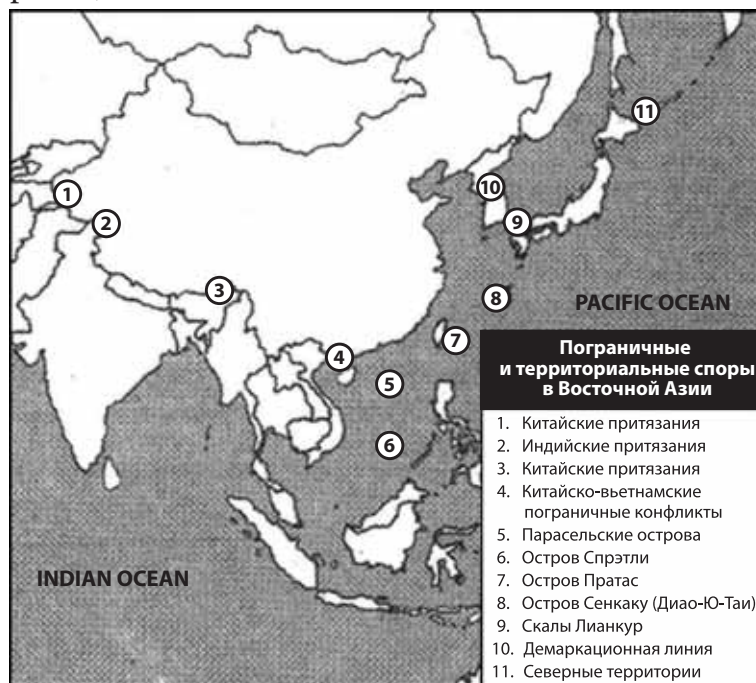
² Торкунов А. В. По дороге в будущее. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 181.

³ Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Международные отношения, 2010. С. 185.

Евразийская воздушно-космическая оборона

Вопрос самых южных островов Курильской гряды, возвращенных СССР в ходе Второй мировой войны, по-прежнему парализует и отравляет российско-японские отношения.

В число других скрытых территориально-этнических конфликтов входят русско-китайские, китайско-вьетнамские, китайско-японские, японо-корейские и китайско-индийские пограничные вопросы; этнические волнения в провинции Синьцзян, а также китайско-индонезийские разногласия по поводу океанских границ.



Существуют и определенные опасения, связанные с ростом военной мощи Китая, прежде всего его ВМФ, который предназначен для защиты экономических интересов за рубежом. В частности, по данным агентства Синьхуа, товарооборот между Китаем и Африкой увеличился с 5 млрд долл. США в 1995 году до 150 млрд долл. США в 2010 году и достиг рекордной отметки в 166 млрд долл. США в 2011 году. Общий объем инвестиций КНР

в Африку превысил 40 млрд долл. США, причём 14,7 млрд из них составили прямые инвестиции. В 2011 году Китай стал крупнейшим торговым партнером Африки, а Африка заняла четвертое место в списке основных объектов китайских инвестиций¹.



Китайская АПЛ класса Xia, вооруженная баллистическими ракетами

Складывается устойчивое впечатление, что такая масштабная концентрация военных усилий не случайна, что ряд ведущих государств сознательно готовятся к военному конфликту или даже войне не просто за влияние в Евразии, а за контроль над нею и устранение своих геополитических конкурентов. Объективно анализируя все возможности государств, неизбежно приходишь к выводу, что в среднесрочной перспективе назревает военный конфликт между США и Китаем, которых в той или иной степени будут поддерживать их союзники, где главными средствами вооруженной борьбы станут высокоточные средства воздушно-космического нападения, с одной стороны, и системы воздушно-космической обороны, объединенные в единый стратегический комплекс, с другой.

Этому способствовало то, что в начале XXI века в мире произошли тектонические, еще до конца не осознанные сдвиги. Их динамика заметно усилилась во втором десятилетии XXI века, когда политика основных игроков континента — США и Китая — приобрела отчетливо выраженные новые черты. Не всегда направленные на стабилизацию и ограничение военно-силовых методов реализации политических интересов.

¹ Зубрицкая Е. Зачем Китаю Аденский залив? // Мир и политика. 2012. Ноябрь. С. 173.



Скорее наоборот: мы наблюдаем одновременно как усиление давления США, так и усиление сопротивления этому давлению. Любопытно в этой связи оценка одно-

го из ведущих китайских экспертов итогов 2012 года относительно политики США и России: «Это год, когда единственная супердержава мира — США — по-прежнему придерживалась гегемонистских идей... Стратегический центр страны переместился на Восток, что усугубило вопрос с территориальными спорами отдельных стран, а США подчеркивали свое могущество и запугивали другие государства и районы»¹.

Безусловно, обращает на себя внимание и оценка китайским экспертом положения России: «Это год, когда Россия и другие страны с переходной экономикой в ключевой момент трансформации столкнулись с новыми трудностями. Так, путинская Россия встала перед лицом серьезного внешнего вмешательства, однако страна продолжала идти по пути становления сильного государства, развивая свои особенности»².

Эти перемены, на взгляд китайского эксперта, затронули и другие страны Евразии: «Это год, когда внутренние и внешние факторы слились воедино, нисколько не смягчив противоречия в горячих точках (Западная Азия и Северная Африка), больше осложнив ситуацию (Корейский полуостров), передавая сигналы тревоги (отношения между Израилем и Ираном)»³.

Подобных оценок во втором десятилетии нового столетия появилось немало. Они свидетельствуют о том, что растущее противостояние в мире концентрируется на Евразии. Причем с очевидным акцентом на регионах стран «Большого Востока», Центральной и Юго-Восточной Азии, где рост конфликтности постепенно приобретает черты противостояния между великими державами, прежде всего в области ВТО и ВКО.

¹ Центральная Евразия / <https://www.facebook.com>

² Ситуация в Евразии в 2012 году — взгляд из Китая / Жэньбинь Жибао. 21 декабря 2012 г. / <http://eurasian-defence.ru>

³ Там же.

Новая политическая и военная роль ВКО в мире

Продажа новейших комплексов ПВО
«Фаворит» вместо Ирана Азербайджану —
политический просчет, а точнее, геополитическая
ошибка Дмитрия Медведева¹

*Л. Ивашов,
Президент Академии геополитических
проблем, генерал-полковник запаса*

Можно спорить о том, действительно ли продажа и отказ продавать третий дивизион С-300 ПМУ2 были ошибкой, но то, что такие действия имеют огромные политические и военные последствия — бесспорно. Только за один месяц, в январе 2013 года мы наблюдаем взрыв активности ведущих государств мира в области испытания и производства систем ПРО–ПВО. Приведем лишь некоторые примеры, которые имели место за этот короткий период времени.

¹ Мухин В.
Карабахская
противовоздушная
рулетка // Незави-
симая газета. 2013.
30 января. С. 1–2.



Две батареи зенитно-ракетного комплекса (ЗРК) «Пэтриот» 28 января 2013 года были введены в эксплуатацию на территории Турции близ сирийской границы, сообщало агентство Рейтер со ссылкой на представителя немецких органов безопасности. Речь идет о батареях «Пэтриот», направленных Германией в район турецкого города Кахраманмараш, в 100 километрах к северу от сирийской границы.

НАТО направила в Турцию всего шесть батарей, по две от США, Германии и Нидерландов. Первые две батареи, поставленные Нидерландами, заступили на дежурство 26 января в районе города Адама. По данным Рейтер, две американские батареи прибыли в Турцию 30 января и были введены в эксплуатацию через несколько дней¹.

— Военные США успешно испытали ракету-перехватчик в ходе программы по созданию системы противоракетной обороны наземного базирования для перехвата баллистических ракет на среднем участке траектории².

¹ Две батареи ЗРК «Пэтриот» заступили на боевое дежурство в Турции / Эл. ресурс «Евразийская безопасность». 2013. 29 января / <http://eurasian-defence.ru>

² США успешно испытали противоракету / Эл. ресурс «Евразийская безопасность». 2013. 29 января / <http://eurasian-defence.ru>





— 27 января 2013 года Индия успешно провела испытания баллистической ракеты морского базирования средней дальности «К-15», способной нести ядерный боезаряд. Новую ракету планируется взять на вооружение атомной подводной лодкой «Арихант», которую в настоящее время строят индийские специалисты.

Согласно сообщениям индийских властей, огневые испытания новой баллистической ракеты, дальность полета которой составляет полторы тысячи километров, проводились накануне в водах Бенгальского залива. Об этом сообщил научный советник министра обороны Индии В. К. Сарасват. По его словам, ракета успешно поразила цель на расстоянии 700 километров, передает агентство «Синьхуа»¹.

— Китай провел испытание противоракеты, предназначенной для перехвата баллистических ракет на среднем участке их траектории. Как сообщают сегодня местные СМИ, состоявшийся тестовый запуск прошел успешно. «На территории Китая было осуществлено повторное испытание технологии перехвата баллистических ракет на среднем участке траектории с помощью противоракеты наземного базирования, цели испытания достигнуты», — говорится в официальном заявлении Министерства обороны КНР².

— Как сообщили «Известия», командование войск воздушно-космической обороны определило сроки испытаний новой системы противоракетной обороны А-235 «Самолет-М». Некий источник в командовании войск ВКО сообщил изданию, что основные испытательные работы пройдут в следующем году. При этом источник не смог определиться с точными сроками. По его словам, ракеты и сопутствующая аппаратура будут испытаны в последние недели весны 2013 года или осенью. Вскоре после пробных пусков система А-235 будет принята на вооружение³.

— Эти средства приобретают нарастающее политическое значение, когда любой предлог может быть использован для их

¹ Индия успешно провела огневые испытания баллистической ракеты морского базирования / Эл. ресурс «Евразийская безопасность». 2013. 28 января / <http://eurasian-defence.ru>

² Китай успешно провел испытание наземной системы ПРО / Эл. ресурс «Евразийская безопасность». 2013. 28 января / <http://eurasian-defence.ru>

³ О противоракетных системах, прессе и компетентности / Эл. ресурс 2012. 18 декабря / <http://topwar.ru>

Евразийская воздушно-космическая оборона

применения. Так, армия обороны Израиля разместила ракеты системы ПРО «Железный купол» на севере страны недалеко от границы с Сирией, сообщает израильская газета Jerusalem Post. Одна из батарей была развернута в районе города Хайфа, информирует издание.



Jerusalem Post отмечает, что военные пошли на такой шаг на фоне эскалации конфликта в Сирии и растущих опасений по поводу того, что сирийское химическое оружие может попасть в руки радикалов. Ранее вице-премьер Израиля Сильван Шалом заявил, что его страна нанесет удары по объектам в Сирии, если сирийское химическое оружие попадет в руки к исламистам, — передает «Интерфакс». «Такое развитие событий станет критическим моментом, который потребует другого подхода, в том числе превентивных операций, — сказал Шалом. — Концепция заключается в том, что это получение химического оружия исламистами не должно произойти. В тот момент, когда мы поймем, что это возможно, нам придется принимать решения», — подчеркнул израильский вице-премьер¹.

Не случайно, что эта активность в области ПРО–ПВО концентрируется на Евразии: совпадения географические и военно-технические говорят о многом.

¹ Израиль разместил ракеты рядом с сирийской границей / Эл. ресурс «Евразийская безопасность». 2013. 28 января / <http://eurasian-defence.ru>



В начале XXI века Евразия привлекла к себе внимание не только ведущих держав мира, но и целого ряда государств, расположенных как на этом континенте, так и за его пределами. Прежде всего, конечно, обострением ситуации в Афганистане, Ираке и Сирии. Палестино-израильская война ноября 2012 года, запуск спутника Северной Кореей¹, череда пограничных инцидентов вокруг Китая, «оранжевые революции» в республиках Средней Азии — все это говорит о том, что перенос «стратегического центра» в Евразию сопровождается явным ростом конфликтов и напряженностью.

На этом политическом фоне стали особенно актуальны проблемы обеспечения безопасности государств Евразии с точки зрения защиты от наиболее эффективного оружия — баллистических ракет и воздушно-космических систем —

¹ В начале 2013 года Южная Корея также запустила собственный спутник, используя ракету-носитель, созданную с участием российских специалистов. Таким образом, противостояние на корейском полуострове перешло в «ракетную» стадию: обе Кореи обладают баллистическими средствами доставки межконтинентальной досягаемости. При этом Южная Корея не заявляла пока о наличии ядерного оружия, но, несомненно, располагает научно-техническим потенциалом для его производства.

и, соответственно, создания эффективных систем ПВО и ПРО. Причем, для всех, без исключения, государств — от Сирии до КНДР. Это стало особенно заметно после силового свержения Каддафи именно с помощью использования ВТО. Как, впрочем, и взаимосвязь между этим военно-силовым инструментом, эффективностью ПВО и ролью России, которую незадолго до своего убийства бывший ливийский лидер сформулировал следующим образом: «Четыре месяца, — четыре месяца! — вы бомбите нашу страну, и все боятся даже сказать слова осуждения. Будь ещё в мире Россия, настоящая Россия, единая и великая Россия, защищавшая слабых, вы не посмели бы. Но её нет, её нет, и вы торжествуете. А зря. Вы забыли одно: жизнь умеет разворачиваться, и многое может случиться в будущем»¹.

Это предупреждение М. Каддафи не только точно отражает современные международные реалии и по-своему политически символично для других режимов (что подтверждают события в Сирии), но и подсказывает единственный вариант сохранения суверенитета — сотрудничество с Россией.

Кроме того, в этой оценке М. Каддафи есть и своего рода рекомендация тем, кто формирует стратегию России: без инициативы, возвращения себе лидерства, оставаясь обороняющейся державой, такая стратегия неизбежно окажется проигрышной. Нужно не пытаться реагировать каждый раз на действия США, а самостоятельно проявлять стратегическую инициативу. Как, впрочем, и во всякой войне или противоборстве. В данном случае такой долгосрочной инициативой может стать создание ЕвразВКО и расширение ВТС с евразийскими государствами. Важно точно определить политическую и военную роль и значение ВКО для России в мире и в Евразии. Так же, как, впрочем, и в отношениях с США. И не только на переговорах (на чем акцентируется внимание), но и в двухстороннем плане.

¹ Юртаев В.
Россия: безальтернативность будущего
/ Эл. ресурс «Военное обозрение». 2013.
15 января /
<http://topwar.ru>



И здесь есть, безусловно, поле для сотрудничества и компромиссов, которое хорошо известно и вполне четко очерчено. Как заявил в конце января 2013 года новый Госсекретарь США Дж. Керри, «Нам нужна помощь (из России). Россияне являются нашими партнерами, мы зависим или полагаемся на них во многих вопросах: Сирия, санкции против Ирана, разоружение, СНВ, КНДР, ВТО. И во многих вопросах их позиция крайне важна для нас»¹.

Таким образом, политическое и военное противоборство имеет не только конфронтационное содержание, но и определенное поле для диалога, которое, безусловно, надо использовать, четко определяя интересы России и ее союзников. Прежде всего в Евразии.

¹ Табак М.,
Ворошилов Д.
Сенат утвердил Джо-
на Керри на посту
госсекретаря США //
Риа Новости. 2013.
30 января.

Создание объединенной ВКО как наиболее актуальная евразийская проблема

... ближайшие годы будут решающими и, может быть, даже переломными, и не только для нас, а практически для всего мира...¹

В. Путин

... главным направлением внешней политики России и активности соответствующих российских структур должна стать именно масштабная интеграция интеллектуального капитала и совместного осмысления общих проблем (евразийских государств. — А. П.)...²

*В. Парамонов,
политолог, Узбекистан*

¹ Путин В. В. Послание Президента Федеральному Собранию. 2012. 12 декабря / Сайт Президента России / Президент РФ/ news.17118

² Панфилова В. Полный текст комментария Владимира Парамонова. 2013. 24 января / <http://eurasian-defence.org>

Формирование нескольких центров военной силы в Евразии ориентировано на создание потенциалов стратегических наступательных и оборонительных вооружений, и прежде всего авиационно-космических ВТО различного назначения, в т. ч. внеядерном оснащении. Это характерно прослеживается сегодня применительно к США, но также неизбежно втягивает в свою орбиту Россию, Китай, Индию и другие страны, которые обладают разными экономическими и военно-техническими возможностями. Складывается устойчивое впечатление, что в среднесрочной перспективе (до 2018–2020 гг.) ожидается завершение подготовительного этапа, в ходе которого будут созданы принципиально новые ВВТ и разработаны и апробированы концепции их использования. Вкупе с девальвацией идей «ядерного сдерживания» и ростом противоречий между новыми центрами силы это означает, что страны, обладающие таким новым военным потенциалом могут перейти к активной фазе его использования. Как справедливо заметил доктор военных наук К. Сивков, «Анализ динамики геополитических



процессов последних лет показывает, что интенсивность и напряженность межгосударственного противоборства имеет волнообразный характер — периоды высокой напряженности сменяются на относительно спокойные. Во время высокой интенсивности подобной конфронтации сторонами предпринимаются попытки решить, как правило, конкретные геополитические задачи. В предшествующие им относительно мирные отрезки страны готовятся к активным действиям»¹.

Другими словами, у России остается не более 5–7 лет до конца «подготовительного» этапа, после которого с высокой степенью вероятности может быть использована военная сила в Евразии ведущими государствами и формирующимися вокруг них военно-политическими коалициями. Поэтому крайне важно определить основные особенности этого «подготовительного» этапа с тем, чтобы попытаться представить себе характер и масштаб возможных военных действий. На мой взгляд, эти военно-политические особенности следующие:

- интеграция высокоточных неядерных средств воздушно-космического нападения, средств ВКО и информационных систем в единый наступательно-оборонительный комплекс, задачей которого будет нанесение «обезглавливающего» и «разоружающего» удара с последующим закреплением победы посредством использования спецподразделений и оккупации;
- достижение информационно-технологического превосходства, способного на первом этапе военных действий (до применения оружия) дестабилизировать ситуацию у противника, нарушить управление, дезорганизовать его вооруженные силы. Эта возможность прямо зависит от технологического превосходства и эффективности инструментов «мягкой силы»;
- создание военно-политической коалиции, в которой должен быть широкий круг участников, готовых к достижению единой военно-политической (геополитической) цели.

¹ Сивков К.

По новым правилам / Военно-промышленный курьер. 2013. 30 января. № 4 (472) / <http://vpk-news.ru>

При этом ни один из этих формирующихся центров силы не готов к реальному военно-политическому сотрудничеству с другими. США, объединяя вокруг себя потенциалы Японии и Евросоюза, очевидно, будут создавать систему, ориентированную исключительно на собственные национальные интересы, которые во многом противоречат интересам Китая, России и исламского мира. Этот же вывод справедлив и для КНР, и для Индии, и для России, у которой, однако, существует потенциал для сотрудничества на определенных условиях с Китаем, Индией и даже США. Вопрос только в том, есть ли такой потенциал и желание у других центров силы?

Остается Россия, которая может и должна привлечь к реализации идеи евразийской ВКО максимально широкий круг участников, среди которых могут быть не только ее союзники по СНГ и ОДКБ, но и другие страны, не исключая никаких стран евразийского континента. Как показывает анализ экономического и производственного потенциалов государства, Россия ограничена финансовыми ресурсами для создания всех компонентов ПРО. Решение этой задачи требует международного сотрудничества, подкрепленного соответствующими политическими усилиями. «Битва за Евразию», сама ее возможность и конечный результат будут зависеть от военно-технических возможностей стратегических наступательных и оборонительных вооружений и развития индустрии по производству их компонентов. Они же станут, таким образом, и главным аргументом в споре за то, кто будет контролировать и формировать новый мировой порядок.

Но изначально, необходимо, ясно определиться с целями интеграции вообще и военно-политической, в частности. Если экономические перспективы интеграции прописаны более или менее внятно, то военно-политические еще требуют проработки. Причем такой, которая стала бы убедительной для потенциальных союзников. Так, эксперт из Узбекистана



В. Парамонов спрашивает: «...какие общие экономические интересы защищает или призвана защищать интеграция в военной сфере в рамках того же ОДКБ?» И отвечает: «Пока таких интересов нет. Получается, что военная интеграция — это самоцель...»¹.

Действительно, о внешнеполитических и военно-политических целях евразийской интеграции и средствах их совместной реализации говорится крайне мало. Более того, из этого публичного процесса практически исключена общественность, эксперты и чиновники. Ряд дискуссий был организован, в т. ч. и по инициативе Председателя Госдумы С.Е. Нарышкина. И они демонстрируют свою полезность и эффективность, но таких дискуссий крайне мало и они не становятся приоритетом в освещении СМИ и деятельности политических партий, хотя опыт стран Евросоюза показывает, что на это нужно тратить в приоритетном порядке время, энергию и деньги.

Может быть поэтому актуальность евразийской ВКО, казалось бы, очевидная, не стала предметом дискуссии, оставаясь уделом узкого круга профессионалов внешнеполитических и оборонных ведомств.

Иначе говоря, с геополитической точки зрения к проблеме российской ВКО необходимо изначально подходить как к проблеме евразийской (а не только российской) безопасности. Вряд ли можно суживать идею участия в создании ВКО Евразии только до стран-участниц ОДКБ или даже СНГ, хотя пока что именно такая точка зрения преобладает. Более перспективно рассматривать ее в широком политическом и геополитическом контексте, не исключая ни одного европейского или азиатского государства: предложение должно быть сделано для всех потенциальных участников — от стран Евросоюза до КНДР, Ирана, Пакистана, а, тем более, Китая и Индии.

Нельзя сужать эту проблему и до рамок ЕвроПРО, что, к сожалению, часто делается экспертами в России и за рубежом.

¹ Панфилова В.
Полный текст комментария Владимира
Парамонова. 2013.
24 января /
<http://eurasian-defence.org>

■ Евразийская воздушно-космическая оборона

Этот подход прямо вытекает из политики США и НАТО, которые дезинформируют мировую общественность, говоря о региональном характере системы ПРО. Политические преимущества такого широкого подхода очевидны: российское предложение в конечном счете нацелено на создание евразийской системы безопасности, а не части континента.

Активизация военной политики США и НАТО в области стратегических обычных вооружений в Евразии имеет уже сегодня очевидные негативные военно-политические последствия для России. Как в широком военно-политическом контексте, так и в области ВКО, которая становится наиболее опасной сферой нарастающего соперничества на континенте и в прибрежных акваториях Мирового океана из-за размещаемых компонентов ПРО США морского базирования. Эта опасность, безусловно, осознается в российской элите, но еще до конца не осознана в европейских и азиатских странах.

Необходимо объяснять, что в военно-политическом контексте это означает стремление США вернуть военную силу



в качестве эффективного и используемого внешнеполитического инструмента, способность обеспечить широкий спектр экономических, политических и финансовых интересов США в Евразии в новых условиях.

«Ядерное сдерживание» для США становится обузой, а финансово-экономические интересы США в условиях кризиса должны быть обеспечены силовой поддержкой. Именно на новых условиях и особенностях использования военной силы, выдвигая инициативу по ЕвразВКО, следует остановиться подробнее, ибо они радикально отличаются даже от тех, которые существовали недавно. Так, например, выступая на XX Ассамблее СВОП, в конце 2012 года, известный американский



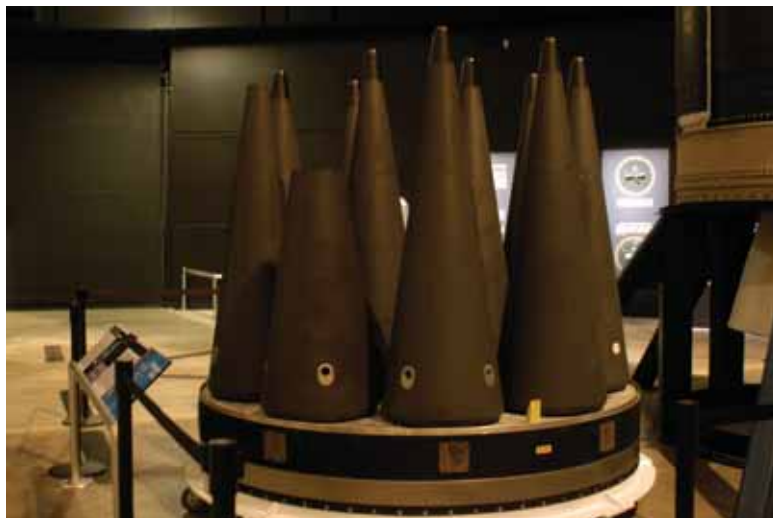
эксперт Р. Блэквилл откровенно заявил: «...государства (речь идет о США и их союзниках. — А. П.) неизбежно будут использовать военную силу ради политических целей, но вопрос сегодня заключается в критериях, в соответствии с которыми она будет использоваться». Далее он перечислил эти критерии, которые целиком можно отнести к принципам военной политики США в Евразии. По его мнению, они таковы:

- руководство страны должно четко понимать, что войну можно выиграть;
- руководство должно осознавать, что войну нужно выиграть быстро и решительно;
- военную силу необходимо рассматривать как последний внешнеполитический инструмент;
- применение военной силы должно сопровождаться параллельными мероприятиями по оказанию помощи обществу»¹.

Эти критерии, вероятно, являются в настоящее время вполне устоявшимися и являются своего рода правилами внешнеполитического поведения и нормами для использования военной силы. В частности, они отдают безусловный приоритет использованию воздушно-космических сил и ВТО, оставляя в истории проведение масштабных сухопутных операций, свойственных XX веку. Ясно, что наступил новый этап в использовании отдельных видов вооруженных сил, который объективно выводит на первый план стратегические высокоточные неядерные вооружения и ВКО.

Очевидно, что подобный подход США к использованию военной силы требует широкого обсуждения, включая международные форумы и дискуссию в СМИ между политиками и экспертами России, ее союзников и партнеров, проясняющие актуальность, даже неотложность решения этой проблемы. Как, впрочем, и возможных новых способов ведения военных действий, использования «мягкой силы» в Евразии.

¹ Выступление Р. Блэквилла на пленарном заседании Ассамблеи СВОП 1 декабря 2012 г. Запись.



Блок разведения боевых частей МБР LGM-118 Peacekeeper с 10-ю ядерными боеголовками индивидуального наведения

В этой связи обращает на себя внимание важное замечание Р. Блэквилла, который процитировал Б. Гейтса: «Использование крупных сухопутных сил возможно только после консультации у психиатра». Это важное признание означает ни что иное как фактическое признание того, что в соответствии с современными американскими критериями должны использоваться не сухопутные армии, а средства и силы другого рода. Эти средства и силы могут быть только высокоточными системами воздушно-космического нападения в неядерном оснащении. Не случайно в последние годы особое внимание в планах военного строительства уделялось массированному производству КР, БПЛА и другим видам ВТО. Причем — что характерно для Евразии — не только сухопутного, но прежде всего морского базирования. Именно в силу этой особенности резко возрастает значение ВКО (ПВО и ПРО) как главного инструмента противодействия использованию военной силы как в прямой форме — воздушно-космического нападения, — так и косвенной — политической угрозы такого нападения для до-



стижения самых различных целей: от «защиты» транспортных коридоров, до «демократизации».

Понятно, что если главным средством ведения войны в первой четверти XXI века становятся средства воздушно-космического нападения, то резко возрастает значение средств защиты от ответных ударов. Как ядерных, так и обычных. Это объективно, так как существует прямая взаимосвязь между «обезглавливающим» ударом по центрам военно-политического руководства и «разоружающим» ударом (средствам ответного удара), предназначенным для уничтожения уцелевших средств возмездия. Еще сохраняется точка зрения, в соответствии с которой мобильные МБР, защищенные ПУ МБР и БРПЛ обладают неуязвимостью от высокоточных ударов, однако оценки российских ученых показывают, что в ближайшем будущем эту проблему удастся решить с помощью ВТО.

Это объясняет также, почему создание эффективных средств ПРО–ПВО в США идет параллельно с развертыванием средств нападения. Так, например, создание по периметру российских границ — от Японии и Юго-Восточной Азии до Ближнего Востока и Западной Европы — средств ПВО–НПРО США и НАТО — это та геополитическая тенденция, которая во втором десятилетии XXI века стала реальностью. Если допустить (как планируют в США), что к 2018–2020 годам будет создан неядерный потенциал ВТО для нанесения первого удара, а к тому времени развернута глобальная эшелонированная система ПРО (что также планируется), то многое становится понятным. Если же добавить к этому, что примерно к тому же времени будет создан потенциал ведения кибер и сетецентрической войны, то сомнения окончательно исчезают. США, используя технологическое превосходство, закончат «подготовительный» период, который сделает военную силу вновь инструментом глобальной политики. Даже, если к этому времени произойдет модернизация СЯС других государств.

Важно также отметить, что создание глобальной системы ПРО Соединенными Штатами вкупе с потенциалом «разрушающего» удара предполагает опережающее развитие информационно-коммуникационных и иных передовых технологий, а также созданных на их основе ВВТ. На практике это означает установку на сохранение военно-технического превосходства, так как охватывает очень широкий спектр наземных, воздушных и космических систем. Это хорошо видно на примере, иллюстрирующем компоненты, составляющие уже сегодня систему ПРО США.

Развертывание глобальной ПРО требует высокой степени военно-политического и военно-технического сотрудничества (а часто внешнеполитического давления на «партнеров»), что неизбежно ведет к созданию формальной (или полужформальной) военно-политической коалиции. Такая коалиция сегодня существует, это НАТО, — однако не исключается, что она может быть расширена за счет потенциальных союзников США в Евразии.

Процесс расширения сотрудничества США и их союзников в области ПРО идет одновременно и во многом как следствие смены внешнеполитических приоритетов США, в центре которых становятся государства Евразии. Геополитические тенденции в этом смысле смыкаются с военно-стратегическими концепциями и развертыванием средств нападения и защиты. Более того, они взаимно дополняют и усиливают друг друга, что позволяет добиться синергетического эффекта.

Такая политика в конечном счете имеет антироссийскую направленность. Но не только. Фактическими заложниками этой стратегии становятся все государства Евразии, причем не только азиатские, но и европейские. Развертывание позиционных районов ПРО на территории государств Европы автоматически делает именно их целью первого контрудара в глобальном противостоянии. Однако главная мишень — все-таки Россия, которая становится основным препятствием между



возможными компромиссами и договоренностями США и Китая о разделе сфер влияния в Евразии за счет третьих стран. Так, известный французский эксперт Ж.-Б. Пинатель полагает, что «...Китай и США уже работают негласно совместно, чтобы поделить мир и не допустить появления третьего игрока»¹ (России — Евросоюза. — А. П.)

Понятно, что Китай пока что занимает осторожную позицию, продемонстрированную в очередной раз в ноябре 2012 года на XVIII съезде КПК. Для Китая сегодня мирное развитие, даже сотрудничество с Россией — важнейшая тактическая задача, — которая предназначена для стабилизации ситуации в стране и на континенте. Даже прагматическая. Насколько эта тактика сохранится в будущем, никто точно ответить не сможет. Китайский эксперт по этому поводу замечает: «На этом пространстве США представляются относительно слабой силой, однако наступательной, Россия же — сравнительно сильная в регионе, но стоит в обороне. Соперничество этих двух стран будет продолжительным. С точки зрения российско-китайско-американских связей в этом регионе, очевидна роль китайско-российских отношений всестороннего стратегического взаимодействия и партнерства, Китай в большинстве случаев является вспомогательной силой России, а отношение Пекина и Москвы к США в значительной степени зависят от американской политики»².

Иными словами, понимая всю сложность ситуации, пока что Пекин будет пытаться выстраивать стратегические отношения с Россией, осознавая, что без нее он останется «один на один» с США, которые фактически, поддерживают его противников. И это создает хорошие предпосылки для сотрудничества в области ВКО по линии Москва — Пекин. В частности, речь идет о закупке КНР современных ВВТ у России, предназначенных для систем ПРО Китая. Причем, как свидетельствует практика, эти закупки ведут впоследствии к самостоятельному производству и даже экспорту ВВТ под китайскими брендами.

¹ Пинатель Ж.-Б.
Россия — Европа:
жизненно важный
союз / перев. с франц.
Д. Х. Халиллуллиной.
М.: Книжный клуб 36.3,
2012. С. 10

² Ситуация в Евразии
в 2012 году — взгляд
из Китая / Жэньбинь
Жибао.
21 декабря 2012 г. /
<http://eurasian-defence.ru>

Но не только для целей защиты от СЯС США. Особое значение для Китая приобретают сегодня усилия для создания эффективной системы ВКО против стратегических неядерных вооружений. По оценкам некоторых экспертов, уже сегодня США могут уничтожить до 100% сил ответного удара КНР с помощью высокоточного оружия, а по мере наращивания потенциала ВТО на ВМС США в непосредственной близости от китайских границ, такая возможность будет сохраняться, несмотря на все усилия КНР.

Пока что совершенно не изучена взаимосвязь неядерных стратегических вооружений и политики «мягкой силы». Между тем она, безусловно, существует. ВТО создает благоприятный политический фон для активных политических мероприятий. Прежде всего для политического и психологического давления на местные правящие элиты, которые хорошо помнят, чем закончили С. Хусейн и М. Каддафи и каким оружием они были уничтожены (для справки: во второй кампании в Ираке и в Ливии 100% налетов было совершено с использованием ВТО). Это, естественно, не остается незамеченным в экспертном сообществе. Так, российские эксперты справедливо отмечают, что «...очевидно выдавливание нас с традиционных территорий, рост военной угрозы нашей стране, а также попытки любой ценой наращивать свое присутствие на постсоветском пространстве. К примеру, сегодня одна из стратегических целей НАТО на постсоветском пространстве — установление военного присутствия на Каспии и в Средней Азии. Регионах, богатых природными ресурсами. Ради этого Запад пытается купить местные элиты, привлекая их выгодными нефтегазовыми контрактами. Потом этих князьков можно скинуть и переформатировать местное государственное устройство. Для размещения своих баз на Каспии альянс найдет поводы — как нашел он их при вторжении в Ирак и Ливию»¹.

Таким образом, продвижение американских ценностей и интересов в Евразии обеспечивается по сути шантажом по-

¹ Михеев С. Планы США и НАТО в Каспийском регионе и Средней Азии и следствия для Евразийского проекта России / В кн.: НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИНВИС-СИН, 2012. С. 108.



литических элит, которым может угрожать массированный удар с применением высокоточного оружия. Как показал опыт войны между Израилем и ХАМАС в ноябре 2012 года, такой удар может уничтожить в течение часа половину военно-политического руководства страны и практически все наступательные вооружения.

Иногда полагают, что международные институты не позволят реализовать этот план. Не стоит заблуждаться о потенциале ООН и других международных организаций. Опыт Югославии, Ирака, Ливии, Сирии и других стран показывает, что пропагандистская война против этих стран может быть не только быстро выиграна, но и создает все условия для поддержки «мирового общественного мнения». По сути информационная война и кибервойна становятся **первым этапом военных операций**.

Создание эффективной системы глобальной (под эгидой ООН) или евразийской безопасности (под эгидой аналога ОБСЕ) в нынешних условиях становится скорее ритуальным процессом и декларацией о намерениях, а не реальной политикой, хотя некоторые исследователи и полагают, что не стоит противопоставлять процесс конкретному результату, а следует рассматривать их как «два параллельных подхода»¹.

К сожалению, пока что в реальности реализуется один, односторонний подход обеспечения безопасности западноевропейской части евразийского континента с помощью военной коалиции — НАТО — и за счет безопасности остальных евразийских государств. Как следствие — остальные евразийские государства могут рассчитывать либо на повышение надежности национальных систем безопасности (прежде всего в области ВКО), либо на региональные объединения, где существуют общие мотивы и геополитические предпосылки. Но приходится признать, что и такие международные объединения без надежных военно-технических и современных средств малоэффективны.

¹ Towards a Euro-Atlantic and Eurasian Security Community. From Vision to Reality. Hamburg, Paris, Moscow, Warsaw 2012. P. 5.

Пока что только страны НАТО и Евросоюза доказали свою способность к совместной военно-политической стратегии, оставляя «за скобками» интересы безопасности других государств Евразии, которые не смогли реализовать собственные региональные модели обеспечения безопасности, либо находятся лишь в самом начале этого пути (как, например, страны СНГ и ОДКБ). Не случайно именно страны НАТО доказали свою способность и готовность к созданию современных ВТО и средств защиты от него.

Необходимость создания и развития новых концепций и моделей обеспечения региональной безопасности, в основе которого лежат решения в области ВКО, становится в силу ряда причин все более очевидной и актуальной. И, прежде всего, в силу того, что «процесс» формирования единой модели глобальной и общеевропейской безопасности может так и остаться всего лишь процессом, не дав сколько-нибудь конкретного результата. Соответственно такие модели совместно могут стать рабочими только при долгосрочном прогнозировании и военно-политическом планировании этих государств. В частности, при долгосрочном совместном планировании (например, в рамках СНГ) можно было бы исходить из строительства дополнительных мощностей, включая участие в их финансировании, подготовке кадров, сервисов и т.д. по производству современных ЗРК С-400 и работе над ЗРК С-500, предназначенных для обороны всей Евразии. Сегодня, как известно, Концерном «Алмаз-Антей» успешно строятся два завода, которые выйдут на полную мощность после 2015 году, а ведь могло бы быть и три, четыре, пять, если будет такая потребность у союзников России. Для этого нужна прежде всего политическая воля и готовность к совместным долгосрочным действиям. При этом надо исходить не только из существующей сегодняшней ситуации, а понимания того, что может быть в будущем, через 20–30 лет. В том числе и в случае появления самого «плохого сценария».



В этом смысле евразийская военно-политическая интеграция — долгосрочный процесс, который должен учитывать множество неопределенностей. Простая макроэкономическая экстраполяция, к которой привыкли авторы экономических прогнозов непригодна. Нужна системная оценка будущих угроз и вызовов, которая возможна при использовании нескольких методик. Учитывая, что она затрагивает области военного искусства, такая оценка и прогнозы должны готовиться широким спектром экспертов — от, естественно, специалистов в области ВВТ и НТР до социологов, международныхников, экономистов и политологов. Как справедливо заметил российский эксперт В. Захаров, «...военно-политический прогноз, который мог бы лежать в основе создания международных систем безопасности, становится больше искусством, чем наукой, так как отсутствуют проверенные и научно обоснованные методы его оценки, и решающее значение приобретает человеческий фактор. Поэтому значительное внимание сейчас уделяется принципиально новой ситуации, в которой военно-политическое сотрудничество ориентируется на неопределенность (в современном политическом лексиконе неопределенность фактически является синонимом понятий „опасность“

и „угроза“). Подобная ориентация стала чрезвычайно важным доктринальным новшеством, поскольку концепция „реагирования на неопределенность“, в отличие от конкретно ориентированных концепций „баланса сил“, „сдерживания“ или „устрашения“, не только значительно расширяет систему военных опасностей и угроз, но и не позволяет предопределять необходимую реакцию на них, что исключает системный характер военно-политической интеграции»¹.

На первом плане должны быть уже не только оценки военно-технических прорывов и возможностей, но и оценки систем ценностей, геополитических интересов. Действительно, если прежде военно-политическая безопасность определялась прежде всего соотношением экономических и военных сил, то сегодня на первый план выходит конкуренция государств и союзов в продвижении политических приоритетов и ценностей, где достижение компромиссов гораздо сложнее, если вообще возможно. Так, в странах Евросоюза и США подход, ориентированный на единую систему ценностей, а не на национальные интересы, уже фактически вытеснил последний, точнее, превратил его в политико-ценностной подход. Что откровенно признается западными экспертами: «...государства обладают различными взглядами на то, что нужно сделать (для предотвращения войны)... Некоторые концентрируются на военно-политическом „жестком“ подходе к вопросам безопасности, а некоторые — подчеркивают приоритетную важность „создания общей системы ценностей“»².

В настоящее время мы наблюдаем четыре потенциальные цивилизационно-ценностные системы:

- либерально-западную, реально опирающуюся на экономическую и военную мощь НАТО;
- социально-конфуцианскую, обладающую огромным потенциалом развития и будущего влияния на мировые дела;

¹ Захаров В.
Евразийский проект
// Национальная
оборона. 2012.
Август. № 8.

² Towards a Euro-Atlantic and Eurasian Security Community. From Vision to Reality. Hamburg, Paris, Moscow, Warsaw, 2012. P. 5.

- исламскую, как наиболее пассионарную, быстро интегрирующую усилия отдельных государств, организаций и течений;
- индийскую, имеющую большой потенциал роста и сегодня трудно прогнозируемые военно-политические последствия.



К сожалению, пока что не активна российско-евразийская ценностная система, которая еще только находится в стадии формирования, но имеющая огромный, вполне конкурентоспособный потенциал, историческое, культурно-социальное и интеллектуальное наследие. Активизация этого потенциала может превратить его в мощный фактор обеспечения международной и евразийской безопасности.

Разница в подходах к обеспечению безопасности, основанная на национальных интересах или системе ценностей, становится все более очевидна. Если компромиссы в области обеспечения национальных интересов достижимы, то в конкуренции ценностных систем — маловероятны. Как очевидно и то, что западное сообщество фактически навязывает (в том числе и силой) остальным странам свою систему ценностей, которая (что важно) подкреплена единой системой обеспечения безопасности, точнее — военной силой, а прежде всего средствами воздушно-космического высокоточного поражения. Понятно,

что государствам, оставшимся за пределами такой ценностной и военно-политической общности, предстоит либо войти в нее (лишившись идентичности), либо создать свою. И ценностную, и военно-политическую.

Это надо хорошо понимать. Причем, уже сегодня. Если вы выбираете западную систему ценностей и готовы расстаться с национальной идентичностью и суверенитетом (а таковых в России среди либералов не так уж и мало), то вам незачем гарантировать свой суверенитет новыми военно-техническими возможностями. Они есть у тех, кто вас интегрировал насильно. В этом случае все разговоры о том, «кто на вас собирается нападать?» — имеют смысл.

И, наоборот, если вы собираетесь сохранить свою систему ценностей, суверенитет и идентичность, то практически остается единственное решение — обеспечить такую решимость посредством создания современного ВВТ. Лучше всего вместе с союзниками. Даже если эти союзники пока что до конца и не понимают масштаба угрозы. А это для России можно сделать сегодня только в условиях евразийской интеграции. Поэтому усилия по формированию евразийской идентичности как альтернативы другим ценностным системам должны сопровождаться созданием средств защиты такой идентичности. Это две важнейшие задачи, стоящие перед Россией в Евразии. «Военно-политические интеграционные процессы сегодня связываются не столько с парированием плохо формулируемых вызовов и угроз, сколько с ценностной ориентацией. В этой ситуации Россия, претендуя на роль лидера на постсоветском пространстве, кроме демонстрации своих политических, экономических, военных и прочих возможностей, должна сформулировать для стран-партнеров систему общих ценностей, не разделяя проблемы идентичности и безопасности», — справедливо отмечает российский исследователь в военно-политической области В. Захаров¹.

¹ Захаров В.
Евразийский
проект //
Национальная
оборона. 2012.
Август. № 8.

Россия как центр формирования евразийской ВКО

В мире XXI века на фоне новой расстановки экономических, цивилизационных, военных сил Россия должна быть суверенной и влиятельной страной¹

*В. Путин,
Президент России*

Логика развития глобальных процессов в современном мире ставит на повестку дня вопрос о необходимости объединения усилий стран, противостоящих экспансии Запада и создания ими системы военно-политических союзов²

М. Маринов

Укрепление военно-политического союза, во главе которого стоят США, как и глобальное распространение ответственности такого союза, в т.ч. на всю Евразию, — очевидный факт. Судя по имеющейся информации, этот процесс будет развиваться и в будущем, втягивая в свою орбиту новые государства. Так как в Европе таковых фактически не осталось, то можно допустить, что ими будут развитые страны Евразии и АТР. Собственно это и рассматривается США в качестве основной гарантии безопасности в Евразии.

В этой связи возникает вопрос, какой союз может быть создан и кто станет ядром такого союза в Евразии? Это, теоретически, может быть Индия, но она слишком втянута в интересы США и Великобритании. Это может быть Китай, но он ориентирован на модель национально-цивилизационного развития, предполагающую не союзы, а сотрудничество. Остается только Россия, которая не только территориально, но и исторически играла роль ядра Евразии.

Рассуждения о глобализации и универсализации не должны вводить в заблуждение: России никуда не деться в новых

¹ Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию. 2012. 12 декабря / Сайт Президента России / Президент РФ/news.17118

² Маринов М. Российско-китайская ось евразийства / Эл. ресурс «Евразия», 2012. 27 июля / <http://evrazia.org>

геополитических условиях ни от политического, ни от идеологического лидерства. Так, как было всегда в ее истории. И что, кстати, не раз спасало мир и Европу от агрессии — степных захватчиков, крестоносцев, французской и немецкой экспансии.

Видимо, России предстоит вновь выполнять свою роль евразийского защитительного ядра. Об этом сегодня достаточно много говорят. И не только в России, что встречает, естественно, очень резкую реакцию — как положительную, так и отрицательную. Например, М. Маринов полагает, что «Процесс, связывающий социально-историческую среду с географической обстановкой, есть процесс двусторонний. Евразийское месторазвитие, на основе которого сформировалась евразийская цивилизация, включает Восточно-Европейскую, Западно-Сибирскую и Туркестанскую равнины вместе с возвышенностями, отделяющими друг от друга (Уральские горы и так называемый Арало-Иртышский водораздел) и окаймляющими их с востока, юго-востока и юга (горы русского Дальнего Востока, Восточной Сибири, Средней Азии, Персии, Кавказ, Малой Азии), и представляет собой особый мир, единый в себе и географически отличный как от стран, лежащих к западу, так и от стран, лежащих к юго-востоку и к югу от него.

Таким образом, внешние контуры Евразии в основном совпадают с границами „Великой степи“, протянувшейся от Паннонии до Маньчжурии, где Россия занимает основное пространство земель Евразии. На этом громадном пространстве, на особом евразийском материке формировалась особая русская культура, в которую органически вплетены элементы нескольких культурных традиций: византийской, оказавшей наибольшее воздействие на русскую культуру в X–XII веках; „степной“, оставившей глубокий след в истории России, особенно в XIII–XV веках; и наконец, европейской, пик влияния которой приходится на XVIII век и которое длится по настоящее время»¹.

¹ Маринов М.
Российско-китайская
ось евразийства /
Эл. ресурс «Евразия».
2012. 27 июля /
<http://evrazia.org>

Именно православно-славянская идентичность лежала в основе удивительных способностей нашей нации побеждать более сильного противника. И сегодня наша страна должна предложить Евразии не только энергоресурсы, производства и мощности отечественного ОПК, но и привлекательную евразийскую идею, и модель интеграции в области безопасности. Практической моделью такой ценностной, интеллектуальной и военной интеграции может стать создание объединенной системы ВКО Евразии. Так же, как в середине первого тысячелетия военные союзы славян, которые успешно противостояли натиску Византийской империи.

Понятно, что такое предложение во внутривнутриполитическом плане встретит серьезное сопротивление самых разных элит и потребует проявления политической воли в выборе пути развития. Собственно в России, СНГ, да и других государствах, не входящих в систему ценностей НАТО и военно-политическую систему безопасности. Надо признать, что в России и СНГ существуют нередко противостоящие друг другу элиты, которые ориентированы на разные способы решения проблемы евразийской безопасности — либо ориентированные на вхождение и фактическую ассимиляцию в западную систему ценностей и безопасности, либо на укрепление и создание собственной, национальной. История в очередной раз повторяется.

Иногда этот выбор приобретает характер отношения к России и русским. Причем не только у неславянских народов, но, как ни странно, и у славян. Русофобство становится идеологическим обоснованием политического выбора. И наоборот. При этом очень быстро местные элиты стирают историческую



память у своих народов, что в конечном счете становится идеологической и политической основой «равноудаленности» и «разновекторности». Как точно заметил армянский экономист В. Авагян, «Не знаю, как украинец, но любой нормальный армянин с молоком матери получает простую мысль: сперва думай о России, а уже потом о себе. И это не какие-то тонкие материи, а простой расчет: не станет России — пыли не останется и от Армении, и от армянства. Слова «Россия» и «Жизнь» на протяжении многих веков нашей истории были для нас синонимами. Можно сказать — «живем», а можно сказать — «есть Великая Россия» безо всякого ущерба для смысла...

Верность России — не только священный долг евразийских народов, но и банальное условие их выживания¹.

Противоборство различных групп национальных элит, борьба между русофилами и русофобами в международной жизни проявляется в таком популярном в Евразии политическом явлении как «многовекторность». В ее основе лежит также и экономический прагматизм, стремление воспользоваться ресурсами других государств, что, в конечном счете приводит к недальновидной внешней политике, военно-политической неопределенности и неизбежно наносит ущерб суверенитету и национальной безопасности. Ярким примером экономического ущерба такой политики для постсоветских государств является Украина, чей ОПК, по оценке представителя Минобороны А. Артющенко, «загружен военными заказами всего на три–четыре процента»², что заставляет его работать исключительно на экспорт.

Борьба этих групп национальных элит сегодня в России, например, четко прослеживается во влиянии как на выбор политического курса, так и в отношении к ВКО и ЕвроПРО. Более того, практически по всем вопросам, где затрагивается суверенитет и национальная идентичность, — от отношения к РПЦ, истории страны до отношения к пресловутой группе

¹ Вазген А.
Верность России — не только священный долг евразийских народов, но и банальное условие их выживания / Эл. ресурс «Военное обозрение», 2013. 7 февраля / <http://topwar.ru>

² Фланговый удар по российскому ОПК / Эл. ресурс «Военное обозрение», 2013. 5 марта / <http://topwar.ru>



«Пусси райот», или возможности экспортировать собственных детей за границу. Таким образом политический выбор вектора развития предопределяется идеологическим и ценностным выбором.

В сложившейся ситуации для местных элит нередко оказывается выгодной позиция, нацеленная на сохранение неопределенного внешнеполитического статус-кво любыми усилиями. Даже если такая неопределенность фиксируется в документах как достижение «национальной многовекторной» политики. Отказ от неопределенности требует изменений во внешнеполитическом курсе, что дается с трудом. Примечательно, что ни страны СНГ, ни ОДКБ не выразили внятной политической поддержки России, в ходе грузино-осетинского конфликта 2008 года, что невозможно даже представить в отношении стран-членов НАТО. Этот отказ — надо признать честно и, может быть, не очень дипломатично — чаще всего продиктован желанием элит сохранить сложившуюся систему сдержек и противовесов, придерживаясь максимально бесконфликтного курса с возможностью при случае переметнуться под крыло НАТО. Проблема, для них, однако, заключается в том, что вступление в блок не вызывает никакой заинтересованности у контрагентов.

Вместе с тем стремительно теряется время на создание системы ВКО, которое сжато до ближнесрочного периода в несколько лет. Адекватная схема военно-технического сотрудничества в области ВКО должна предусматривать большой комплекс мероприятий, а не просто закупку ВВТ: строительство сети базирования вооруженных сил, подготовку кадров и т.д., что является долгосрочным проектом. Это — общее правило, — тем более справедливо для систем ВКО, ввод которых в эксплуатацию может занимать десятилетия. Предельно важно поэтому донести до национальных лидеров критичность этой ситуации — «сейчас или никогда», — поскольку позднее

вступление какого-либо государства, региона в оборонительный союз приведет лишь к бессмысленному росту расходов без получения каких-либо ощутимых выгод как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе.

Рост политической конфликтности и противостояния систем ценностей в Евразии стремительно ускоряется ростом неопределенностей в развитии военных технологий и военного искусства (новых способов использования этих возможностей). Это в полной мере и прежде всего относится к области ВКО, где усиливается историческое соперничество между наступательными и оборонительными системами ВВТ. Уже сегодня ученые спорят и пытаются прогнозировать не только новые политические и экономические конфликты, но и их будущие формы, вытекающие из революционных изменений в гражданских и военных технологиях. Для евразийских государств, не объединенных в военно-политический союз, категорически невозможно будет в одиночку противостоять этим вызовам.

Пока уже ясно, что:

- происходит новый этап военно-технической революции, который закончится в 2020-е годы полной сменой ВВТ, ставшими устаревшими и неэффективными;
- радикально, революционно меняются все области военного искусства, делая устаревшими все прежние представления о ведении военных действий;
- выдержать в этой технологической гонке можно только опираясь на опережающее развитие национального человеческого капитала (НЧК), фундаментальной науки, НИОКР, образования, производственных информационных технологий;
- решающим качеством в таком соревновании окажется такое качество человеческого потенциала, как эффективность в области государственного, национального и обще-



ственного управления, создании и развитии институтов реализации НЧК;

- критически важным будет развитие творческих социальных групп людей, получивших название «креативного класса», которые сегодня создают основную долю ВВП.

Естественно, что в более частной, военной области эти закономерности будут проявляться по-разному. Так, сотрудник Центра военно-политических исследований МГИМО(У) В. Каберник, например, делает следующие выводы:

1. Широкое распространение технологий двойного назначения приводит к сглаживанию технологического отрыва в военной сфере развитых государств от государств «второго эшелона».
2. Высокотехнологичные системы и компоненты непрерывно дешевеют и уже в среднесрочной перспективе будут доступны заинтересованным акторам, как минимум, в варианте кустарных аналогов продвинутых боевых систем со сравнимыми характеристиками.
3. Стоимость комплексных НИОКР в военной сфере непрерывно растет, что является элементом стратегии удержания военно-технического превосходства. В то же время ряд таких проектов оказывается чрезвычайно дорогостоящим для внедрения даже в развитых государствах¹.
4. Целый спектр таких сверхдорогостоящих НИОКР является по своей сути «защитным», не столько нацеленным на внедрение, сколько предназначенным для создания непреодолимого научно-технологического отрыва.

Очевидно, что развитие этих технологических тенденций не может не внести своего дестабилизирующего элемента в конфронтацию систем ценностей и военно-политической безопасности в Евразии в сторону усиления их неопределенности. Так, сказанное выше означает, например, что создание эффективной ВКО евразийской территории возможно только

¹ Каберник В.
Революция в военном деле: возможные контуры конфликтов будущего 2012.
3 октября / Эл. ресурс <http://eurasian-oborona.ru>

совместными усилиями нескольких или даже многих государств. Пока что единственные российские войска ВКО сформированы в 2009–2012 годах на базе Московского округа ПВО. В декабре 2011 года было создано Командование ВКО, а в декабре 2012 года — принято решение о создании Единой системы Командования ВКО, куда включаются системы ПВО Белоруссии и Казахстана, а, возможно, и Армении. Сегодня таким образом для этого уже существует организационная и политическая основа, на которой может развиваться ВКО Евразии.

В данный момент ВКО контролирует воздушное пространство над центральным промышленным районом России и отвечает за противовоздушную оборону Москвы. Войска прикрывают в общей сложности свыше 140 объектов государственного управления, промышленности и энергетики, транспортных коммуникаций, а также атомные электростанции. Это — та реальность, которая существует сегодня. Она отражает современные, но не будущие реалии¹.

В будущем можно ожидать, что развитие системы ВКО произойдет не только на территории России, но и стран-участниц ОДКБ, а, может быть, и других государств Евразии, которые либо самостоятельно ведут работы в области ПРО и ПВО (как Китай, Индия, Иран и другие страны), либо приобретают эти системы в рамках ВТС с США, Россией, Францией и Израилем. Надо понимать, что создание ВКО Евразии потребует производства значительного числа ВВТ, в частности, ЗРК С-400 и С-500, а также высокоскоростных ракет-перехватчиков и ЗРК малой и средней дальности.

Если будет политическое решение, то создание ЕвразВКО это всего лишь экономическая задача, которую способна решить наша промышленность в течение нескольких лет. Как, впрочем, и создание других оборонительных систем — космического, морского, наземного базирования. Ничего технически не решаемого в перспективе в этой задаче нет. Может быть толь-

¹ Путин подчеркнул важность сил Воздушно-космической обороны для России. 26 июля 2012 г. / URL: <http://www.km.ru/v-rossii/2012/07/26/category/tegi/vladimir-putin/putin-podcherknul-vazhnost-sil-vozdushno-kosmichesk>

ко создание системы ПРО–ПВО против КР и других систем ВТО для всей территории страны и союзников, которая, впрочем также не представляется неразрешимой. Многие технические задачи успешно решены уже на современном этапе, другие — решаются, а главной целью сегодня является налаживание производства и создание эффективных технологических цепочек, утраченных с распадом СССР, формирование системы сотрудничества с другими государствами Евопы и Азии.

Уже сегодня накоплен определенный опыт. Так, на учениях «Чистое небо–2012» и «Нерушимое братство–2012» отрабатывались вопросы взаимодействия государств-участников ОДКБ «по отражению массированных ракетно-авиационных ударов условного противника».



Самолет ДРЛО А-50 российских ВВС на учениях Чистое Небо-2012

Таким образом, ЕвразВКО может быть использована как защита против внешних — политических и военных — угроз, актуальность которых после событий в Югославии, Ираке, Ливии и других странах уже не ставится под сомнение, так и против попыток дестабилизировать ситуацию, как это происходило в 2012 году в Ливии и Сирии, которые опирались бы на внешнюю информационную и авиационную поддержку.

Не случайно в Ливии решение о бесполетной зоне (no-flight zone) фактически означало применение высокоточных вооружений и средств РЭБ по сути дела по незащитным центрам политического и военного управления. Даже руководитель страны М. Каддафи был обнаружен и ликвидирован с их помощью. Пример для евразийских государств очень нагляден.

Пока что трудно прогнозировать, для какого района или государства Евразии угроза «сетцентрической войны» и воздушно-космического нападения станет актуальной, но общая тенденция развития ВВТ такова, что акцент в военном строительстве и военном искусстве все более переносится на информационные средства и средства ВТО воздушно-космического нападения, а сухопутные силы по сути превращаются в полицейские или оккупационные формирования. Это особенно актуально для тех государств Евразии, которые не имеют выхода к морю, а сухопутные операции трудноосуществимы в силу географических, климатических и иных условий. Таких, например, как Афганистан.

По существу сегодня мы наблюдаем устойчивую тенденцию переноса боевых действий в воздушно-космическое пространство, где интеграция наступательных, оборонительных и информационных систем позволяет по-новому подойти к проблеме использования военной силы в международных отношениях. Это — очень важный новый геополитический аспект.

На этом фоне важным становится развертывание группировок ПРО и ПВО на потенциальных ТВД. Нападающая сторона, используя ВТО, должна гарантировать свои ударные авианосные группировки и морские платформы от возможной ответной реакции. Не случайно общей тенденцией в политике США становится развертывание морских ПРО в отдельных регионах, либо создание таких возможностей совместно с союзниками. Это видно особенно отчетливо на фоне целенаправленной и очень активной деятельности США



Батарея ЗРК Patriot PAC-3, имеющих возможности выполнения функций ПРО

в области ПРО, которые выделили только на развитие систем ПРО на 2013 ф.г. 7750 млрд долл. Агентству по противоракетной обороне страны¹. Всего же за 1985–2012 годы на эти цели уже истрачено 149,5 млрд долл.². Это примерно вдвое больше ежегодных оборонных расходов России. А если допустить, что почти все эти средства шли на НИОКР, то в 20 раз больше. Возникает вопрос: почему вкладываются такие огромные средства? Кто угрожает США? Хорошо бы, чтобы российские противники военных расходов аргументированно ответили на эти вопросы.

В этой связи утверждения некоторых российских экспертов, которые рассматривают эти траты и угрозы в качестве «пропагандистских мифов», а тем более, как «некомпетентные», «алармистские» и т.д.,³ очень напоминают их позицию в 80-х годах прошлого века, которая в конечном счете привела к развалу ОВД и СССР, деградации ОПК и фактической остановке перспективных НИОКР в области ВКО. Особенно, если учесть, что расходы на ВКО США и НАТО за эти годы выросли в 6 раз.

¹ US Department of Defense Missile Defense Agency (MDA). Fiscal Year 2013 Budget Outline / <http://www.mda.mil/global/documents/pdf/>

² US Department of Defense, Missile Defense Agency, Historical Funding for MDA FY 85-12, млрд долл. США. Fiscal Year 2013 Budget Outline / <http://www.mda.mil/global/documents/pdf/histfunds.pdf>

³ Десять лет без Договора по ПРО. Проблема противоракетной обороны в российско-американских отношениях / РСМД. 2012. № 5. С. 62.

Евразийская воздушно-космическая оборона

Из таблицы видно, что в некоторые финансовые годы происходило снижение и даже падение роста расходов, но в целом они практически всегда обеспечивали выполнение планов НИОКР, а усилия в этой области были вполне последовательными.

История финансирования Агентства по ПРО*

Fiscal Year (FY) \$ in Billions

	FY 85	FY 86	FY 87	FY 88	FY 89	FY 90	FY 91	FY 92	FY 93	FY 94	FY 95	FY 96	FY 97	FY 98	FY 99	FY 00	FY 01	FY 02	FY 03	FY 04	FY 05	FY 06	FY 07	FY 08	FY 09	FY 10	FY 11	FY 12
President's Request	1.8	3.7	4.8	5.2	4.5	4.6	4.5	5.2	5.4	3.8	3.2	2.9	2.8	2.6	3.6	3.3	4.5	8.3	6.7	7.7	9.2	7.8	9.3	8.9	9.3	7.8	8.4	8.6
House Authorization	1.4	2.5	2.9	3.1	3.5	3.1	2.3	3.5	4.3	2.7	2.8	3.5	3.5	3.8	3.7	3.7	5.2	7.9	6.9	7.8	8.9	7.9	9.1	8.3	8.6	7.8	8.6	8.9
Senate Authorization	1.6	3.0	3.9	4.5	4.5	4.5	3.6	4.6	4.3	2.8	2.8	3.4	3.7	3.6	3.5	3.7	4.7	5.8	5.9	8.2	9.0	7.8	9.4	8.6	8.9	7.8	8.6	8.4
House Appropriations	1.1	2.5	3.1	3.1	3.2	3.1	2.3	3.5	4.3	2.8	2.8	3.5	3.5	3.7	3.4	3.6	4.6	7.9	7.4	7.5	8.7	7.6	8.9	8.6	8.4	7.8	8.6	8.6
Senate Appropriations	1.6	3.0	3.4	3.6	3.1	4.3	3.6	4.6	3.8	2.8	2.8	3.4	3.7	3.6	3.4	3.9	4.8	6.3	6.2	8.2	9.2	7.9	9.4	8.7	9.0	7.8	8.4	8.4
Authorization Passed	1.6	2.8	3.2	3.6	3.7	3.6	2.9	4.1	4.1	2.8	2.8	3.5	3.7	3.7	3.5	3.7	4.8	8.4	6.6	7.7	8.9	7.8	9.3	8.5	8.9	7.8		8.5
Appropriation Passed	1.4	2.8	3.2	3.6	3.7	4.0	2.9	4.1	3.8	2.8	2.8	3.4	3.7	3.8	3.5	3.6	4.8	7.8	7.4	7.7	9.0	7.8	9.4	8.7	9.0	7.9	8.5	8.4

* Historical Funding levels are for SDIO, BMDO, and MDA

Критикам оборонных НИОКР в области ВКО в России следовало бы ответить, что за те же годы такие программы в нашей стране были радикально сокращены, либо вообще свернуты. Исчезли целые научные школы, КБ, а предприятия приватизированы и перепрофилированы. Сегодня трудно сказать точно, как сказалось хроническое недофинансирование на возможностях ОПК, — оценки от «деградации» до «разрухи». Важно, однако, отметить, что часть потенциала удалось сохранить и,



как показывает опыт ОАО «Государственного Обуховского завода» ОАО «Концерн ПВО «Алмаз-Антей» — в короткие сроки даже вывести на прибыль.

Важно отметить, что создание мощной евразийской ВКО с военно-технической точки зрения возможно при выполнении всего лишь нескольких условий. Необходимо:

- вернуться к практике создания передовых отечественных технологий, которая делала внешние заимствования исключением;
- полное финансирование гособоронзаказа;
- вернуть активы ОПК;
- главное, воспитать новое поколение кадров, без которого невозможно реализовать никакие планы.

Понятно, что основой евразийской ВКО в ближайшие годы может быть только российская система, хотя уже сегодня некоторые европейские и азиатские страны — Польша, Франция и Германия, с одной стороны, Индия, Япония и Китай — с другой, обсуждают вопрос о создании собственной системы ВКО. В настоящее время эффективная система ВКО предполагает наличие десятков головных КБ и предприятий, которые кооперируются с сотнями других предприятий и КБ разного уровня. Важно только, чтобы процесс выздоровления ОПК России не затянулся, чтобы решения принимались своевременно и точно. А это уже проблема качества управления, которое во многом зависит от правительства и Минобороны.

Фактическое интегрирование стратегических наступательных и оборонительных вооружений в единый комплекс, с одной стороны, и превращение неядерных вооружений в стратегические, объединение в этот комплекс космических и информационных систем возможно только на базе ОПК двух стран — США и России, — да и то (как в случае с Японией и странами Евросоюза) при кооперации с другими странами.

Ни одна страна не может сделать этого в одиночку. Так, например, внешнеполитическое ведомство США выступало за принятие японским правительством «стратегического решения» в отношении поставок совместно разработанного с США блока «2-Эй» (2A) корабельной противоракеты «Standard SM3», что «позволило бы связать отдельные региональные части ПРО в глобальную систему». Кроме того, власти США и Японии договорились о размещении еще одного американского радара раннего оповещения о пусках ракет, действующего в сантиметровом диапазоне в дополнение к уже действующей РЛС в префектуре Аомори¹.

Нужна широкая международная кооперация. В данном случае евразийская. Не избежать обсуждения этой проблемы и евразийским государствам, в частности, Вьетнаму, Мьянме, Сингапуру, Малайзии, Индонезии, обеим Кореям². В любом случае эта проблема становится актуальнее с каждым годом в силу логики развития наступательных и оборонительных воздушно-космических ВВТ и способов их использования.

Можно даже сказать, что будущее того или иного государства в Евразии будет преимущественно обеспечиваться эффективностью национальных воздушно-космических средств нападения и обороны. Наземные, морские и даже традиционные воздушные средства ведения войны будут в возрастающей степени зависеть от воздушно-космического потенциала и систем боевого управления, связи, разведки.

Более того, судя по существующим тенденциям, классические пространства для военных действий — суша, вода, воздух безусловно уступают место интегрированному на основе новейших информационных технологий и концепций ведения войны воздушно-космическому пространству, победа (или поражение), в котором предопределяет политические результаты военных действий. Такая новая роль стратегических вооружений предопределяет и роль ВКО.

¹ Пановкин Д.
Японский «ядерный зонтик» для США // ИА «Росбалт», 18 сентября 2012 г. / <http://rus.ruvr.ru>

² Дисунковский В. Т.
Республика Мьянма (бывшая Бирма) — на распутье выбора военно-политического и социально-экономического развития / Эл. ресурс «Евразийская оборона». 2012. 13 ноября / <http://eurasian-defence.ru>



Мобильная морская РЛС X-Band, используемая в решении задач оповещения о запусках в интересах ПРО США

Геополитически Евразия, таким образом, становится не только единой территорией суши, но и воздушно-космического пространства, где полностью исчезают границы, а суверенитет государства во все большей степени зависит от отношений с соседями по воздушно-космическому пространству. Создается новая геополитическая реальность. Уже не на суше, а в воздухе и космосе.

Соответственно способность эффективной защиты в этом пространстве означает уже не только возможность избежать поражения, но и способность противостоять политическому шантажу и способность сохранить суверенитет и национальную идентичность. В борьбе этносов на пространстве Евразии это имеет решающее значение. Поэтому, говоря о системе безопасности Евразии будущего, геополитических реалиях наций и этносов, можно сказать, что их судьба будет предопределена возможностью их национальных, региональных и евразийских систем ВКО.

3. **ВКО как инструмент евразийской безопасности и интеграции**





... сохранение культурного ядра русской, российской цивилизации должно быть решающим аргументом при выборе тех или иных инструментов и ценностей современной модернизации России¹

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

... известны планы провоцирования развала России посредством дальней дестабилизации обстановки в регионах Средней Азии, Кавказа и Поволжья, отделения от РФ Сибири и Дальнего Востока²

*С. Небренчин,
профессор*

Эффективное обеспечение национальной безопасности зависит от многих факторов, но, главное — от реальных возможностей (ресурсов) государства или коалиции государств, влияющих на соотношение сил в мире или регионе. Это общее правило не является исключением для Евразии, как, впрочем, и то, что источниками такой силы выступает целый ряд факторов. Среди основных из них один из мировых лидеров в политологии Дж. С. Най выделяет военную мощь, экономическую успешность и «мягкую силу»³.



¹ Торкунов А. В. Современная история России в международном контексте // Вестник МГИМО(У). 2012. № 6 (27). С. 8.

² НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИНВИССИН, 2012. С. 115.

³ Discourse of Power / Post — war Watch. 2012. June 23 / www.postwarwatch.com/2012/06/23

Есть все основания согласиться с таким утверждением, что позволяет выделить особую роль, принадлежащую ВКО как в первом «источнике силы», так и в двух других. Более того, добавить, что евразийская интеграция, опирающаяся только на идеи Таможенного союза или ЕвраАзЭС, представляется по большому счету малоперспективным проектом для Евразии. По четырем основным (хотя есть и много других) причинам.

Во-первых, потому, что идеи «многовекторной» политики и дипломатии бывших советских республик остаются их национальной стратегией. Правящие элиты будут и впредь пытаться играть на противоречиях великих держав, прежде всего России, США, Китая и стран Евросоюза, стараясь получить выгоду, ничем не пожертвовав взамен. Собственно пример Узбекистана, вышедшего в разгар обсуждения идеи евразийской интеграции из ОДКБ, — показателен, хотя в том или ином виде эта политика характерна даже для Казахстана и Белоруссии. Тем более, что она находится среди приоритетов США и стран Евросоюза.

Во-вторых, сами национальные элиты заняты не только удержанием политической и экономической власти (о чем говорят все), но и формированием национальной идентичности (о чем говорят мало), изначально враждебной России и общему имперско-советскому наследию. За исключением Белоруссии и, отчасти Армении, во всех государствах — от Украины до Киргизии — сознательно, целеустремленно и планомерно проводится антироссийская политика в области образования и культуры. Тем самым закладывается не просто антироссийский фундамент, но и мина под евразийский интеграционный процесс, который сводится к простой торгово-экономической выгоде.

В-третьих, глобальная политика США и стран Евросоюза по большому счету направлена на дестабилизацию, прежде всего военно-политическую, в Евразии и других странах.



Поэтому не только экономическая интеграция, но и военно-политическое сотрудничество в Евразии будут первоочередными и наиболее приоритетными мишенями такой политики. Что, собственно, демонстрирует опыт этой политики в странах Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока последних лет. Как справедливо признает В. Воробьев, «...Евросоюз вместе с США не собирается учиться на собственных ошибках. Наоборот, эти „ошибки“ они вписывают в рассчитанные на десятилетия стратегии укрепления своего глобального влияния. Иными словами, Северная Африка явно не станет последним полем битвы западной цивилизации с все более дерзкими ячейками „Аль-Каиды“ и других террористических организаций. С террористами ведь можно бороться до бесконечности, если сначала называть их „революционерами“ и раздавать тоннами оружие. Возможно, как раз на это и рассчитывают вашингтонские стратеги»¹.

Иными словами, на интеграционные процессы в Евразии США и страны Евросоюза будут реагировать негативно в политическом и экономическом аспектах своей глобальной стратегии, что, собственно говоря, и не особенно скрывается. Более того, совершенно не исключается, что эти страны перенесут акценты своей политики дестабилизации с «Большого Ближнего Востока» на Центральную и Юго-Восточную Азию, где к такой политике могут присоединиться и другие страны. И не только Япония и Австралия, но и те союзники США, которых попытаются «активизировать».

Этой усиливающейся тенденции может противостоять только другая — военно-политическое сотрудничество и интеграция. Прежде всего в наиболее приоритетной области, воздушно-космическая оборона. Вот почему проблема интеграции в Евразии должна рассматриваться не только существенно шире, чем сегодня, но и подкрепляться совершенно конкретными программами, наполненными военно-политическим

¹ Воробьев В.
Вооружай и властвуй
// Российская газета.
2013. 18 января. С. 8.

■ Евразийская воздушно-космическая оборона

и военно-техническим содержанием. Наиболее перспективной из них представляется создание зоны евразийской безопасности, обеспеченной объединенной евразийской ВКО.

Наконец, в-четвертых, у России, Китая, Индии и государств на постсоветском пространстве есть общая и основная экономическая проблема создания передовых и конкурентоспособных отраслей обрабатывающей промышленности, изменение качества роста их ВВП. Во многом эта проблема решается, если у евразийских стран появится некая общая программа изменения структуры их экономик, в основе которой могла бы быть программа развития национальных ОПК и кооперации в этой области. Эта четкая программа развития наукоемких отраслей могла бы дать мощный импульс развитию, изменению структуры экономики, в котором нуждается не только Россия (о чем не раз говорилось в последнее время¹), но и другие страны Евразии.

¹ Куликов С.
Власти ищут тормоз
экономики //
Независимая газета.
2013. 17 января.
С. 1, 4.

Евразийская безопасность и ВКО

... События последних двух десятилетий и задачи созидания новой России поставили наше общество перед необходимостью определения новой российской идентичности¹

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

Без политической и военной интеграции евразийских государств, обеспеченной сознательной информационной и культурно-образовательной (идеологической) политикой, проект евразийской интеграции превратится со временем в простое соглашение о торговле.

Между тем, в силу разного рода объективных и субъективных причин вопросы безопасности в Евразии станут в ближайшие годы наиболее приоритетной проблемой, которую возможно решить исключительно с помощью евразийской интеграции. И не только экономической и торговой — о чем много говорится, — но и военно-политической. Прежде всего, в области ПВО, а в перспективе — ВКО. Альтернативы этому процессу с точки зрения обеспечения безопасности государств Евразии нет.

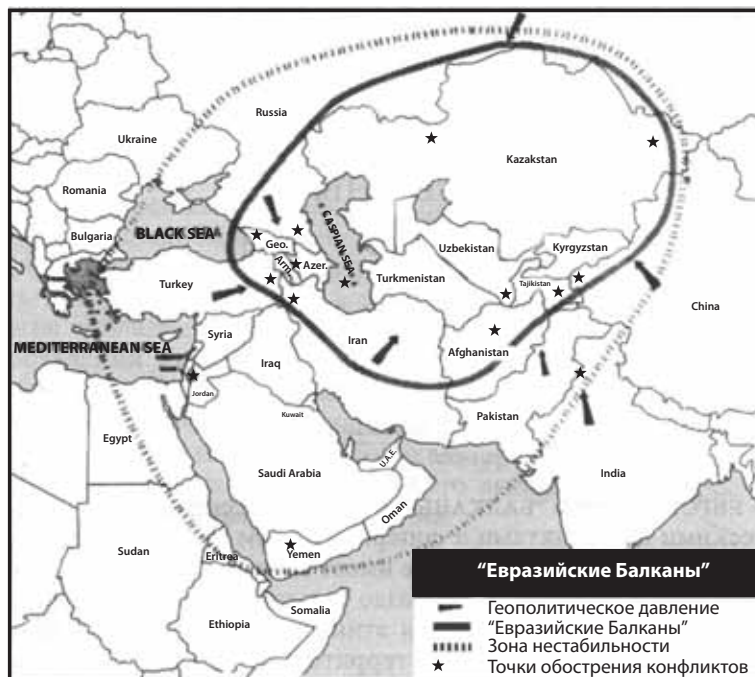
Таких важнейших причин несколько. И связаны они с изменением в соотношении мировых сил, новой ролью Евразии, развитием ВВТ и новейших технологий, радикальными изменениями основных грузопотоков и мировой торговли. Но главной причиной остается геополитическая ситуация в мире, где роль Евразии вообще и региона, который З. Бжезинский называл «Европейскими Балканами», стремительно возрастает. Можно по-разному относиться к З. Бжезинскому, в том числе

¹ Торкунов А. В. Современная история России в международном контексте // Вестник МГИМО(У). 2012. № 6 (27). С. 8.

Евразийская воздушно-космическая оборона

полагая, что его взгляды устарели и не отражают современного понимания американской элитой международных реалий, но представляется, что именно он лучше других показал роль этого региона в современном мире, откровенно и ясно изложив существующую, а не декларативную американскую стратегию в Евразии.

В частности, в своей известной книге, название которой политологи часто приводят не полностью, — «Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы» — он откровенно писал: ... «Евразийские Балканы» гораздо больше по своим размерам, еще более густо населены и этнически неоднородны. Они расположены на огромной территории, которая разграничивает центральную зону глобальной нестабильности, ... и включает районы Юго-Восточной Европы, Средней Азии и части Южной Азии, района Персидского залива и Ближнего Востока.





«Евразийские Балканы» составляют внутреннее ядро огромной территории, имеющей удлинённую форму (см. карту), и имеют весьма серьёзное отличие от внешней окружающей зоны: они представляют собой силовой вакуум. Хотя в большинстве государств, расположенных в районе Персидского залива и Ближнего Востока, отсутствует стабильность, последним арбитром в этом регионе является американская сила. Нестабильный регион внешней зоны является, таким образом, районом гегемонии единственной силы и сдерживается этой гегемонией...

...«Евразийские Балканы», расположенные по обе стороны неизбежно возникающей транспортной сети, которая должна соединить по более правильной прямой самые богатые районы Евразии и самые промышленно развитые районы Запада с крайними точками на Востоке, также имеют важное значение с геополитической точки зрения. Более того, «Евразийские Балканы» имеют важное значение с точки зрения исторических амбиций и амбиций безопасности, по крайней мере, трех самых непосредственных и наиболее мощных соседей, а именно России, Турции и Ирана, причем Китай также дает знать о своем возрастающем политическом интересе к региону. Однако «Евразийские Балканы» гораздо более важны как потенциальный экономический выигрыш: в регионе помимо важных полезных ископаемых, включая золото, сосредоточены огромные запасы природного газа и нефти»¹.

Примечательно, что к «зоне нестабильности» З. Бжезинский относит не только страны Северной Африки и Ближнего и Среднего Востока, но и часть европейских районов России (Поволжье) и восточные области Украины. Эпицентром же этого турбулентного региона он справедливо выделяет Казахстан, Киргизию, Таджикистан и Узбекистан.

Другая причина, объективно способствующая заинтересованности евразийских государств в создании ВКО, —

¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Международные отношения, 2010. С. 149–150.

изменение удельного веса в экономике, торговле и политике стран Евразии и АТР. В том числе и для России. В. Никонов считает, например, что «...в ближайшие пять–десять лет доля рынков стран АТР в России будет как минимум сопоставима с европейской, на которую сейчас приходится половина нашей внешней торговли»¹. Подобные радикальные сдвиги не могут не отразиться на всем комплексе военно-политических отношений в Евразии, отдельные регионы которой уже объявлены приоритетными для национальной безопасности России, США и других государств. Не случайно именно в этом контексте можно рассматривать идею ЕвроПРО. Как пишет академик А. Арбатов, «...очевидно, что ЕвроПРО НАТО, запланированная без участия России и вопреки ее возражениям, не является базой для сотрудничества... А российская ВКО ... будет плохо совмещаться с общей (или сопряженной) системой ЕвроПРО России — НАТО»².

Эти процессы происходят на фоне активизации военной политики практически всех евразийских государств и, в более широком контексте, стран АТР, где военные расходы за последнее десятилетие выросли на 100%. Стремительно меняются ВВТ и концепции их использования, растут риски и стратегические неопределенности, усиливается конфликтность практически на всем континенте — от Центральной до Юго-Восточной Азии.

Объективно процесс евразийской интеграции противостоит двум влиятельным существующим в мире военно-политическим реалиям. Во-первых, очевидному военно-технологическому превосходству США в XXI веке, которое правящие круги этой страны рассматривают как условие существования этого государства в мире. «Сегодня у Соединенных Штатов нет равных в военной мощи...», — заявил в «Стратегии национальной безопасности США»³ в 2002 году Дж. Буш. Надо сказать, что сохранение технологического и военного превос-

¹ Никонов В. А.
Стена больше не
нужна // Российская
газета. 2012.
14 ноября. С. 9.

² Арбатов А. Г.
Противоракетные
дебаты: в поисках
согласия //
Воздушно-космиче-
ская оборона. 2012.
№ 4(65). С. 22

³ National Security
Council. The National
Security Strategy
of the United State
of America. Wash,
DC.: USGPO, 2002,
September, P. 1.



ходства США в мире никем не ставится под сомнение в правящей элите страны. Ни демократами, ни республиканцами. Споры идут о том, каким образом развить это превосходство, на каких направлениях, и с какой эффективностью. И в этом суть научно-технической политики страны, где приоритеты НИОКР и технологий уже многие десятилетия остаются главными приоритетами.

Во-вторых, США осуществили формирование военно-политической коалиции в Евразии с участием широкого круга государств, обеспечили стремительный рост поставок ВВТ в эти страны, создание объединенной системы ПРО от Австралии до Аляски. США стремятся вовлечь в свою политику (естественно, на своих условиях) многие государства — от Японии и Филиппин до Вьетнама и Монголии, создавая благоприятные условия для проекции своей военной силы на континенте. В частности, как отмечает профессор С. Небренчин, «...переход к постиндустриальной экономике знаний знаменует начало азиатского цикла накопления капитала, а это означает новый виток геополитического противоборства вокруг Евразии, где уже сейчас протекает около 80% войн и вооруженных конфликтов. При этом в эпицентре столкновения глобальных интересов оказывается все постсоветское пространство»¹.

Этот процесс развивается стремительно, а его последствия (в т.ч. военно-политические) проявляются достаточно быстро. Динамика изменений измеряется годами, а не десятилетиями. Так, по оценке китайских экспертов, например, «в 2012 году политико-экономическая ситуация в АТР претерпела глубокие изменения, что существенно сказалось на глобальной политической, экономической, дипломатической обстановке и в сфере безопасности. Судя по ситуации в этом регионе, мир, процветание и сотрудничество остаются главной тенденцией развития, но во внутренней и внешней политике ряда стран внутри и вне региона произошли некоторые изменения,

¹ Небренчин С. Иран в евразийском контексте внешней политики России / НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИНВИССИН, 2012. С. 111.

¹ Взгляд из Китая: глубокие изменения в политико-экономической обстановке АТР в 2012 году // «Жэньшинь Жибао». 2012. 28 декабря / Эл. ресурс «Евразийская оборона» / <http://eurasian-defence.ru>

² Китайский аналитик Ли Шэньмин: о глобальной роли США в обозримой перспективе 2012. 20 сентября / Эл. ресурс «Евразийская оборона» / <http://eurasian-defence.ru>

в результате чего обстановка в регионе стала усложняться, а неопределенности — увеличиваться»¹.

Похоже, что стремительное развитие событий в Евразии и АТР намного опережает прежние оценки, подход к которым формировался в предыдущие десятилетия. Возможно, что правящие элиты евразийских государств просто не успевают осознавать то, что происходит в мире, оставаясь в плену инерции мышления. К сожалению, это относится не только к экономическому аспекту отношений, но и к военно-политическому. Известный китайский эксперт Ли Шэньминь по этому поводу написал в конце 2012 года: «США в слепой самоуверенности направили острые атаки против двух держав — России и Китая. Однако в ближайшие годы Америка как государство-империя будет слабеть, и для замедления этого процесса ей придется все больше опираться на Европу, Японию и другие страны. Пока сложно предсказать, каким окажется через 20–30 лет результат сотрудничества, конкуренции, игр и борьбы между крупнейшими государствами и группировками мира, однако уже сейчас ясно одно: с момента начала мирового финансового кризиса и до 20–30-х годов нынешнего века, а возможно и до его середины, мировая архитектура будет находиться в состоянии сильной турбулентности и даже потрясений»².

Средства воздушно-космического нападения в новых геополитических условиях становятся главным инструментом военной политики, а концепции их использования — новыми направлениями в развитии военного искусства. Это — характерная черта, ставшая реальностью еще при ведении военных действий в Югославии и Ираке, но она особенно отчетливо проявилась в войне против Ливии, где основными средствами поражения стали авианалеты и крылатые ракеты морского базирования.

В силу этого средства ПРО и ПВО стали основой потенциалов обороняющихся держав, от качества которых зависело,



сможет ли тот или иной режим защитить себя и суверенитет страны. Наличие или отсутствие таких средств изначально рассматривается в качестве главного условия обеспечения безопасности государства. Сильная ПВО Сирии, в отличие от слабой ПВО Ливии, позволила ей сопротивляться внешнему давлению не несколько недель, а более двух лет. Сильная ПРО Израиля позволила ему нейтрализовать потенциал ХАМАСа в течение нескольких дней, фактически сведя на нет политические расчеты на террористические пуски.

Эта же тенденция превращает средства ВКО в политический инструмент и предмет переговоров. Причем в политический инструмент евразийской интеграции. Так же, как в свое время в Европе ядерное оружие и базы США стали главным политическим инструментом при создании НАТО. Учитывая, что удельный вес воздушно-космических средств нападения и обороны в общих военных потенциалах замещает в ряде случаев традиционные средства, можно сделать вывод: они неизбежно станут предметом обсуждения не только на экспертном, но и на самом высоком политическом и военном уровнях. Речь, конечно, идет не только о проблематике ЕвроПРО, но и в целом о ВКО как в евразийском, так и двусторонних аспектах.

Причем не только в традиционном понимании — ограничение ВВТ, — но и в широком контексте, а именно: создание системы региональной безопасности, военно-политического и военно-технического сотрудничества, возможного формирования новых коалиций и союзов, например, в области создания объединенных или даже единых систем ПВО и ПРО. Наравне с набирающими силу в Евразии интеграционными процессами, военно-политическая интеграция в области ВКО может стать главным интеграционным стимулом, оттеснив на второй план даже соображения экономической выгоды.

Возможные переговоры по проблематике ВКО можно условно разделить на функциональные, — посвященные отдельным

видам наступательных и оборонительных вооружений, например, стратегическим неядерным крылатым ракетами (СКР) или гиперзвуковым летательным аппаратам, а также роли ядерного оружия вообще, в частности, нестратегического, — и на двусторонние — посвященные развитию или ограничению ВТС с отдельными государствами Евразии. Классический пример — отказ России от поставок в Иран ЗРК С-300, закупка систем ПВО Сирией, Вьетнамом и другими странами. Это уже признается на Западе. Как отмечает Федерация американских ученых в своем докладе, посвященном обзору позиции «НАТО в области сдерживания и обороны (DDPR)», нестратегические ядерные силы не являются ни причиной, ни решением вопроса европейской безопасности, однако недостаток политического руководства ведет к тому, что эти системы обладают легитимностью, которой они не должны обладать»¹.

«Недостаток политического руководства» выражается в том, что отсутствует сам предмет переговоров — ограничение неядерных стратегических вооружений, — что, в свою очередь, неизбежно ведет к тому, что другие страны начинают (или усиливают) собственное производство таких систем. Так, в течение ряда лет в России фактически не велись работы по ГЗЛА и ударным БЛА, однако, учитывая действия США, руководство страны было вынуждено, например, принять решение о создании холдинга, который будет заниматься разработками гиперзвуковых технологий, в том числе и в сотрудничестве с Индией².

Эти тенденции практически иллюстрируются тем, что сегодня в США реализуется, например, проект создания высокоточных неядерных систем вооружений, при помощи которых можно поражать любую точку земного шара в течение одного часа (Prompt Global Strike) после получения приказа. Понятно, что создать ВКО всей территории страны (стран) или континента для защиты от десятков тысяч высокоточных КР и ЛА

¹ Non-Strategic Nuclear Weapons. FAS Special Report. №3 / Эл. Ресурс Федерации американских ученых / <http://www.fas.org/pubs/>

² Развитие отечественного гиперзвука — реальность / Эл. ресурс «Военное обозрение 2012. 7 ноября / <http://topwar.ru>



будет малореально, и Россия будет вынуждена отвечать своими СНВ, что, собственно, и было отражено в новой редакции Военной доктрины страны 2012 года.

Важно подчеркнуть, что растущая активность США в военной области вообще, и в области ВКО в Евразии, в частности, являются частью их общей евразийской стратегии дестабилизации и дезинтеграции стран Евразии, которая прикрывается рассуждениями о внедрении в этих странах американской системы ценностей. Так, в докладе помощника Госсекретаря США по вопросам Южной и Центральной Азии Р.О. Блейка-младшего говорится: «Расширение нашего взаимодействия с правительствами стран Центральной Азии направлено не только на безопасность и экономические вопросы, но неизменно включает в себя откровенные и открытые дискуссии о необходимости политической либерализации, предоставления большей свободы гражданскому обществу, а также о необходимости уважать общепризнанные права человека»¹.

Процесс евразийской интеграции в узком понимании — как торгово-экономическая интеграция трех стран (плюс, возможно, Киргизии и Таджикистана) — пока что обходит вниманием проблему создания единой системы воздушно-космической обороны (ВКО) на всей Евразии (ограничиваясь на данном этапе созданием объединенной системы ПВО СНГ), либо, хотя бы, на первом этапе, — на территории постсоветских государств. Между тем, реалии таковы.

С экономической точки зрения адекватные военные усилия каждого из евразийских государств по отдельности невозможны, так как их потенциалы несопоставимы с возможностями США и их союзников. Это хорошо иллюстрирует сравнение военных расходов США и других стран в 2011 году, из которого, например, видно, что в абсолютных величинах военно-экономические возможности России сопоставимы с возможностями Франции, Великобритании или Японии (71,9 млрд

¹ Помощник Госсекретаря США Роберт Блейк — о концепции присутствия США в Центральной Азии. 27 июля 2012 г. Эл. ресурс «Фергана» / <http://www.fergananews.com>

Евразийская воздушно-космическая оборона

долл. — Россия; 62,5 млрд — Франция; 62,7 млрд долл. — Великобритания и 59,3 млрд долл. — Япония), при том, что относительно ВВП расходы этих государств ниже, чем российские.

SIPRI Yearbook 2011 - World's top 15 military spenders

Rank	Country	Spending (\$ Bn.) ^[1]	% of GDP	World Share (%)	Spending (\$ Bn. PPP) ^[2]
—	World Total	1,630	2.6	100	1562.3
1	United States	711.0	4.7	41	711
2	China ³	143.0	2.0	8.2	228
3	Russia ³	71.9	3.9	4.1	93.7
4	United Kingdom	62.7	2.6	3.6	57.5
5	France	62.5	2.3	3.6	50.1
6	Japan	59.3	1.0	3.4	44.7
7	Saudi Arabia ²	48.2	8.7	2.8	58.8
8	India	46.8	2.5	2.7	112
9	Germany ³	46.7	1.3	2.7	40.4
10	Brazil	35.4	1.5	2.0	33.8
11	Italy ³	34.5	1.6	2.0	28.5
12	South Korea	30.8	2.7	1.8	42.1
13	Australia	26.7	1.8	1.5	16.6
14	Canada ³	24.7	1.4	1.4	19.9
15	Turkey ³	17.9	2.3	1.0	25.2

Безусловными мировыми лидерами по военным расходам являются США (711 млрд долл.) и Китай (143,0 млрд долл.), чьи доли в мире составляют 41% и 8,2% соответственно. Если же учесть военные расходы других союзников США — Германии, Саудовской Аравии, Италии, Южной Кореи, Канады и Турции, — то становится ясно, что военные возможности России (даже с учетом расходов КНР) никогда не будут в ближайшие годы даже сопоставимы с расходами ведущих развитых государств¹.

Пытаться соревноваться, имея соотношение в экономических и военных силах 10:1, в принципе бессмысленно. Безопасность будет необходимо обеспечивать асимметричными мерами по наиболее приоритетным направлениям. Таковым направлением, безусловно, является создание ВКО, способное нейтрализовать как ядерный, так и неядерный стратегический наступательный потенциал. Доля расходов на ВКО в общих расходах на оборону может составлять 15–20%.

¹ U.S. Military Expenditures US. Other Countries // <http://images.yandex.ru>



С геополитической точки зрения, очевиден растущий потенциал военного присутствия США и НАТО в Центральной Азии, Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии. Учитывая удаленность от США, а также создание новых систем воздушно-космического нападения, этот потенциал все больше приобретает черты наступательно-оборонительного стратегического потенциала, используемого в воздушном и космическом пространстве. Этот потенциал — главный ресурс в силовом геополитическом противостоянии в Евразии. Традиционные сухопутные и морские силы в такой стратегии малоэффективны, а геополитические амбиции США столь сильны, что их реализация без угрозы использования военной силы маловероятна. Причем эти амбиции сформулированы не только в концептуальных наработках ученых и экспертов типа З. Бжезинского, но и в официальных документах. Как отмечают эксперты, «... идея „Шёлкового пути“ не только существовала, но и была оформлена в проект закона ещё в 1997 г. — задолго до начала войны США в Афганистане. В 1999 г. палата представителей США приняла „Закон о стратегии Шёлкового пути“, и сенат включил его в бюджетный „Закон по зарубежным операциям, экспортному финансированию и связанными с этим программами“ на 2000 финансовый год. (FY 2000 Foreign Operations, Export Financing, and Related Programs Appropriations Act)»¹.

В целом на всех потенциальных ТВД для России сложилось крайне неблагоприятное соотношение сил, когда военные возможности отмечаются не в разы, а на порядки. Это означает, что должна быть избрана такая военная доктрина и военная стратегия, которые соответствовали бы этим реалиям. Соответственно, из такой военной доктрины должны исходить и планы военного строительства, которых, по признанию авторитетных экспертов, сегодня нет². В частности, необходимо выделить два наиболее приоритетных направления военного

¹ Крашенинникова В., Росс А. В Стамбуле: «Новый шёлковый шампур» для Ирана, России и Китая / В кн.: НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИНВИССИН, 2012. С. 133–134.

² Рукшин А. Некоторые итоги реформы Вооружённых Сил // Эл. ресурс «Евразийская оборона» / <http://eurasian-defence.ru>

■ Евразийская воздушно-космическая оборона

строительства — создание эффективной системы ВКО территории страны (и союзников) и развития СЯС. Эти направления должны быть основой обеспечения безопасности России, ОДКБ, СНГ и, возможно, других стран. И в их пользу необходимо перераспределить национальные ресурсы, понимая, что Сухопутные силы, ВМФ, ВВС, ВДВ и другие виды войск становятся вспомогательными видами объединенной ВКО и СЯС.

В этой связи обращает на себя внимание политическая логика руководства США в отношении Евразии, которая наглядно просматривается, например, в подходе главного информационно-консультативного органа правительства страны — Центрального разведывательного управления (ЦРУ). На официальном сайте этого ведомства Россия вместе с постсоветскими государствами Средней Азии представлена как эпицентр Евразии, «за скобками» которого остается европейская часть континента и восточные регионы (Восточная Сибирь и Дальний Восток).





Такое представление о России и Евразии не случайно. Если исходить из приоритетного внимания США к среднеазиатским постсоветским республикам, то подразумевается, что их дестабилизация (особенно Казахстана) приведет к распаду России на европейскую и азиатскую часть (у З. Бжезинского — Поволжья). При этом наиболее развитые районы Южного Урала и Западной Сибири и коммуникации, которые проходят с запада на восток и с севера на юг по Челябинской, Омской, Новосибирской и другим областям, окажутся под непосредственной угрозой. «Транспортные коридоры» — как идея транзита из Европы в страны АТР — также окажутся под фактическим контролем, впрочем, как и основные российские запасы природных ресурсов¹.

Собственно экономическое значение ЦА невелико. В том числе и для России. И не стоит его переоценивать с точки зрения евразийской интеграции. Как отмечают исследователи МГИМО(У), «Пять Центрально-Азиатских государств создают всего около 11,1% от общего ВВП СНГ, в каждом из них насчитывается не менее трети убыточных предприятий, и каждое обременено международными долговыми обязательствами. В целом, фактически только российское сотрудничество с Казахстаном обеспечено по-настоящему рентабельными проектами, а в других случаях рентабельность взаимодействия носит условный характер»².

И, опять же, возвращаясь к карте З. Бжезинского, удивляешься ее совпадению с представлениями ЦРУ о роли транспортных коридоров и транзита — сырьевого и промышленного — из Европы в страны АТР.

Это подтверждается и другими изображениями политических карт Европы и Азии, на которых Евразия четко делится на две политические части — европейскую и азиатскую³, в центре которой находятся государства ЦА.

Так, в представлении западных геополитиков Европа и ее безопасность ограничиваются безопасностью государств Запад-

¹ Информационный ресурс: «Официальный сайт ЦРУ «The World Factbook» / <http://www.cia.gov/library/>

² Боришполец К.П. Перспективы экономического развития государств Центральной Азии. Аналитические записки ИМИ МГИМО(У). 2012. Ноябрь. С. 8.

³ Информационный ресурс: «Официальный сайт ЦРУ «The World Factbook» // <http://www.cia.gov/library/>

Евразийская воздушно-космическая оборона

ной, Центральной и частью Восточной Европы (включая страны Прибалтики, Белоруссию и Украину), а также Турцией. «За скобками» этой архитектуры безопасности находится российская часть Восточной Европы, Поволжья, страны ЦА и Сибирь.



Возвращаясь к ВКО, точнее, к ее политическим аспектам, во главе угла которых находится формирование коалиции в Евразии, обнаруживаешь, что в настоящее время сотрудничают с США или ведут переговоры о создании и размещении компонентов ПРО следующие страны:



- **Великобритания** — производит системы радиоразведки и РЭБ, поставляет компоненты для ПРО США (а также не исключает возможное размещение ПРО США на ее территории);
- **Ирландия** — поставляет компоненты для ПРО США (поддерживает развёртывание ПРО США в Европе и Японии);
- **Германия и Франция** — поставляют сложное коммуникационное оборудование для ПРО США (также не исключают возможное размещение ПРО США на своей территории);
- **Польша** — ПРО США уже строится;
- **Эстония, Литва, Чехия** — ведутся переговоры по размещению ПРО США;
- **Дания** — поставляет компоненты для ПРО США (Дания также не исключает, что на ее территории появится ПРО США);
- **Финляндия и Швеция** — поставляют компоненты для ПРО США (также ведутся переговоры о размещении РЛС);
- **Южная Корея** — поставляет сложные и наукоемкие микросхемы для ПРО США (также Корея не исключает, что ПРО США появится и на Корейском полуострове);
- **Сингапур и Малайзия** — ведутся переговоры о размещении ПРО США;
- **Канада** — ведёт переговоры с США по размещению ПРО США и интегрирование ПРО Канады в систему ПРО США;
- **Япония** — поставляет самые сложные компоненты для ПРО США, размещает РЛС, производит ракеты, а также скоро будут размещены ПРО США с ядерными установками в Японии (Хоккайдо);
- **Мексика** — ведутся переговоры о вступлении Мексики в систему ПРО США;
- **Монголия** — ведутся переговоры о размещении ПРО США;
- **Азербайджан** — ведутся переговоры о размещении ПРО США;

Евразийская воздушно-космическая оборона

- **Румыния** — поставляет компоненты для ПРО США (также ведутся переговоры о размещении ПРО США в Румынии);
- **Грузия** — ведутся переговоры о размещении ПРО США в Грузии;
- **Австралия** — строится РЛС США с интегрированной системой «ПРО США — Новая Зеландия — Сингапур — Япония»;
- **Словакия** — ведутся переговоры о строительстве ПРО США;
- **Италия** — поставляет ОС для ПРО США (также не исключает возможность строительства ПРО США в Италии);
- **Норвегия** — поставляет детали и ОС для ПРО США¹.
- **Вьетнам** — планируются переговоры по размещению ПРО США.

¹ Противоракетная оборона США / <http://ru.wikipedia.org/>

Это свидетельствует, безусловно, не просто о сотрудничестве, но о формировании крупной военно-политической коалиции, которая (пока что) не имеет ни четких целей, ни участников, но ясно демонстрирует нарастающую тенденцию, в которой особое место отводится Евразии, точнее, странам АТР и Евразии, а в узком контексте — России и Китаю.

Возвращаясь к законодательному обеспечению геополитической стратегии США, эксперты отмечают: «Этот закон обязал исполнительную власть США прилагать все необходимые усилия для построения в регионах Средней Азии и Южного Кавказа „открытых демократических систем“ и „открытых рыночных экономик“. „Открытый“, в терминологии США, значит доступный для американского проникновения. Белому дому было предписано „активно продвигать участие американских компаний и инвесторов в планировании, финансировании и строительстве инфраструктуры коммуникаций, транспорта, включая воздушные сообщения, автодороги, железные дороги, порты, морские перевозки, банки, страхование, телекоммуникационные сети, газовые и нефтяные трубопроводы“. Проекты должны реализовываться силами частного капитала, что подразумевает приватизацию местных ресурсов и инфраструктуры»².

² Крашенинникова В., Росс А. В Стамбуле: «Новый шёлковый шампур» для Ирана, России и Китая / В кн.: НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИНВИССИН, 2012. С. 134.

При этом особое значение придается дестабилизации режимов в Казахстане и других странах бывшей советской Средней Азии, но, прежде всего, все-таки Казахстана, который (как видно из карты ЦРУ) занимает ключевое место в американской геополитике. Не трудно заметить, судя по этой карте, что важнейшие районы Поволжья, Южного Урала и Западной Сибири (т.е. по сути индустриальный и логистический центр России) находятся в непосредственной близости от Казахстана, а транспортные коридоры — «запад–восток» и «север–юг» — проходят через его территорию.



В этой связи понятна и адекватная реакция правительства Казахстана, которое осенью 2012 года закрыло восемь газет, телеканал «К+» и 23 интернет-ресурса за разжигание экстремизма¹.

В мае 2006 г. с учётом военных реалий «Закон о стратегии Шёлкового пути» был основательно обновлён и дополнен.

¹ Прокуратура Алма-Аты подала иски в суд в отношении ряда казахстанских и зарубежных СМИ / Эл. ресурс «Казах-информ. 12 ноября 2012 г. // <http://www.inform.ru/>

В частности, США взяли на себя обязательство по «развитию внутреннего оборонного потенциала и обеспечению безопасности границ» государств «Шёлкового пути»¹.

Как объясняют исследователи из вашингтонского Центра стратегических и международных исследований (CSIS), «Современный Шёлковый путь» является «частью противоповстанческой стратегии США в регионе». Как и Северная сеть доставки (NDN) — пути снабжения оккупационных войск США и НАТО в Афганистане, проходящие через Россию, которую в Вашингтоне считают первым шагом к реализации «Шёлкового пути»².

Таким образом, «Новый Шёлковый путь» продолжает американскую стратегию Большой Центральной Азии и преследует массу важных целей одновременно: 1) освоение природных ресурсов Афганистана, оцененных Геологической службой США в один триллион долларов; 2) получение доступа к рынкам, насчитывающим более двух миллиардов человек — почти четверть населения планеты; 3) строительство капитализма в регионе, многие районы которого находятся на феодальной стадии развития; 4) получение предлога для расширения военного присутствия и размещения военных баз — «для защиты трубопроводов»; 5) перенаправление природных ресурсов региона от Китая в Индию и Пакистан; 6) наконец, создание региональной организации «государств Шёлкового пути» в противовес ШОС и ОДКБ.

Что касается России, то она незримо присутствует в законе 2006 г., где ставится целью «предотвращение установления любой другой страной монополии на энергоресурсы или энергетическую транспортную инфраструктуру в странах Центральной Азии и Южного Кавказа, которая бы ограничила доступ США к энергоресурсам»³. Другими словами, США и их союзники недвусмысленно заявляют о своих претензиях на контроль над значительной частью Евразии, являющейся в том числе и частью территории России.

¹ Крашенинникова В., Росс А. В Стамбуле: «Новый Шёлковый шампур» для Ирана, России и Китая / В кн.: НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИНВИСИН, 2012. С. 134.

² Там же.

³ Там же.

ЕвразВКО как инструмент обеспечения безопасности

... ведущие страны мира стали заметно чаще и откровеннее прибегать к силе и угрозе ее применения¹

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

Очевидное нарастание конфликтности и готовности ведущих мировых держав использовать военную силу в Евразии сопровождалось последнее десятилетие стремительным ростом военных потенциалов. Это было видно из фактически удвоения военных расходов за 10 лет, которое произошло практически во всех странах АТР, но, прежде всего, в США, чья доля в мировых расходах на военные цели превысила 40%. Значительная часть этих средств шла на развитие возможностей использования военной силы в Евразии. Так, из запрошенных Б. Обамой на 2013 год финансовых средств (более 650 млрд долл.) почти 80 млрд специально выделялось на обеспечение действий в Афганистане.

В этой связи наиболее актуальной угрозой в Евразии стала угроза воздушно-космического нападения, возможные сценарии которой были уже апробированы США в Ираке и Ливии. Понятно, что единственным реальным средством противодействия становятся средства ВКО. Они же, будучи оформлены в адекватную военную доктрину, могут стать и главным инструментом военно-политической интеграции.

Вот почему необходимо рассмотреть аргументы в пользу этой идеи. Идея, которая может стать главным инструментом интеграции и лечь в основу общей военной доктрины и планов военного строительства.

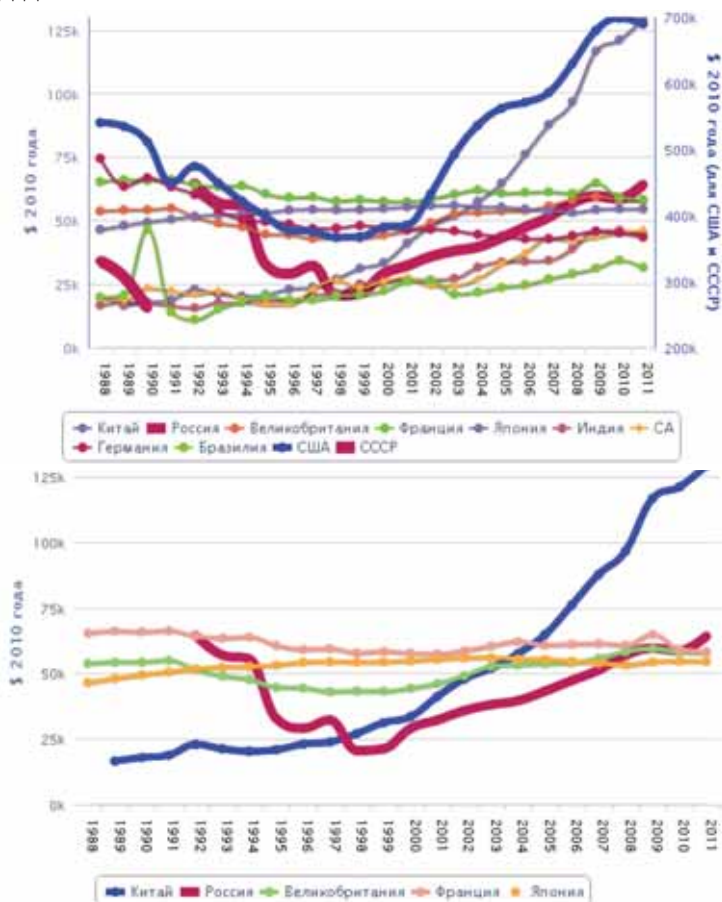
¹ Торкунов А. Российская модель демократии и современное глобальное управление // Международные процессы. 2006. Январь–апрель. Т. 4. № 1(10).

Евразийская воздушно-космическая оборона

1. Ни одна из стран СНГ, в силу финансовых проблем, не способна обеспечить ВКО своей территории самостоятельно, без сотрудничества с Россией и другими государствами СНГ и Евразии.

Уровень такого сотрудничества определяется уровнем военно-политического сотрудничества, общностью системы ценностей и пониманием необходимости усиления позиций в конкуренции этносов в Евразии. Простой пример. За последнее десятилетие военные расходы США выросли с 300 до 700 млрд долл., а расходы на разведывательную деятельность — 80 млрд долл.¹.

¹ Alfergood D.
Intelligence Spending
Drops for a Second Year.
October 31st, 2012. /
<http://www.fas.org/libeary/2012/10>



Другие союзники США — Япония, Великобритания, Франция, Германия — тратят на военные цели примерно столько же, сколько Россия, а Канада, Саудовская Аравия, Южная Корея — несколько меньше. В целом же военные расходы США и их союзников примерно в 20 раз превышают российские, что делает военное соревнование по всем направлениям военного строительства бессмысленным. Неизбежно придется выбирать и концентрироваться на одном-двух направлениях. Вероятнее всего, на ВКО и СЯС, которые во все большей степени превращаются в единый стратегический комплекс.

Вместе с тем евразийская кооперация может позволить странам не только создать национальные системы ПВО и ПРО, но и объединенную систему ВКО Евразии.



Другими словами, потенциально у Евразии есть организационная и промышленная структура, способная при определенных условиях решить задачу евразийской ВКО.

2. Последние 20 лет продемонстрировали, что военная сила развитых государств, активно использовавшаяся США и их союзниками против Югославии, Ирака, Ливии и других государств, представляет собой прежде всего способность к нанесению высокоточных ударов авиацией и крылатыми ракетами (КР), а ее нейтрализация зависит от развитой системы ВКО.

В последние годы этот потенциал пополняется новыми типами ВТО, чья скорость и дальность существенно увеличены. Эти новые типы и системы оружия, разрабатываемые в рамках концепции «Быстрого глобального удара», например, гиперзвуковые аппараты и КРМБ, позволяют наносить неядерные высокоточные удары по любой точке планеты в течение часа¹.

Важно отметить, что эти программы переходят из стадии разработок и испытаний в стадию полномасштабного развертывания, которая уже измеряется не десятилетиями, а годами. Иначе — формирование потенциала для воздушно-космического нападения и защиты от уцелевших средств противника перешло в заключительную фазу.

¹ Пентагон испытал гиперзвуковую бомбу ANW. 2011. 18 ноября / <http://www.infox.ru>



Аргументы о том, что эти системы направлены против Ирана, не выдерживают критики. По признанию представителей Пентагона, ракетные потенциалы Тегерана надежно нейтрализованы 24 батареями системы ПВО/ПРО «Пэтриот», размещенными в шести государствах Персидского залива (это от 96 до 384 ракет в зависимости от их типа); корабельными ракетами-перехватчиками ВМС США SM-3 с БИУС «Иджис», расположенными в его зоне (боекомплект до 300 ракет, поскольку



ку в Аравийском море постоянно находятся несколько таких кораблей), а также эффективными средствами ПРО Израиля. «Возражай, не возражай против такой мощной противоракетной инфраструктуры — она все равно уже развернута»¹, — считает В. Козин.

К этому надо добавить еще две батареи противоракетной системы THAAD (в общей сложности 96 ракет-перехватчиков с двумя РЛС), которые США решили в конце декабря 2011 года поставить ОАЭ на сумму 3,48 млрд долл. В 2011 году Вашингтон дал добро на продажу Кувейту 209 ракет «Пэтриот» повышенной точности GEM-T-104E, а также на замену ракет «Пэтриот» РАС-2 на РАС-3 в Саудовской Аравии. О потенциальных возможностях Пентагона по сдерживанию «иранской ракетной угрозы» говорит также тот факт, что в период войны против Ирака в 2003 году Соединенные Штаты сконцентрировали в зоне конфликта в общей сложности 1015 ракет-перехватчиков ЗРК «Пэтриот» РАС-2 и 54 ракеты РАС-3².

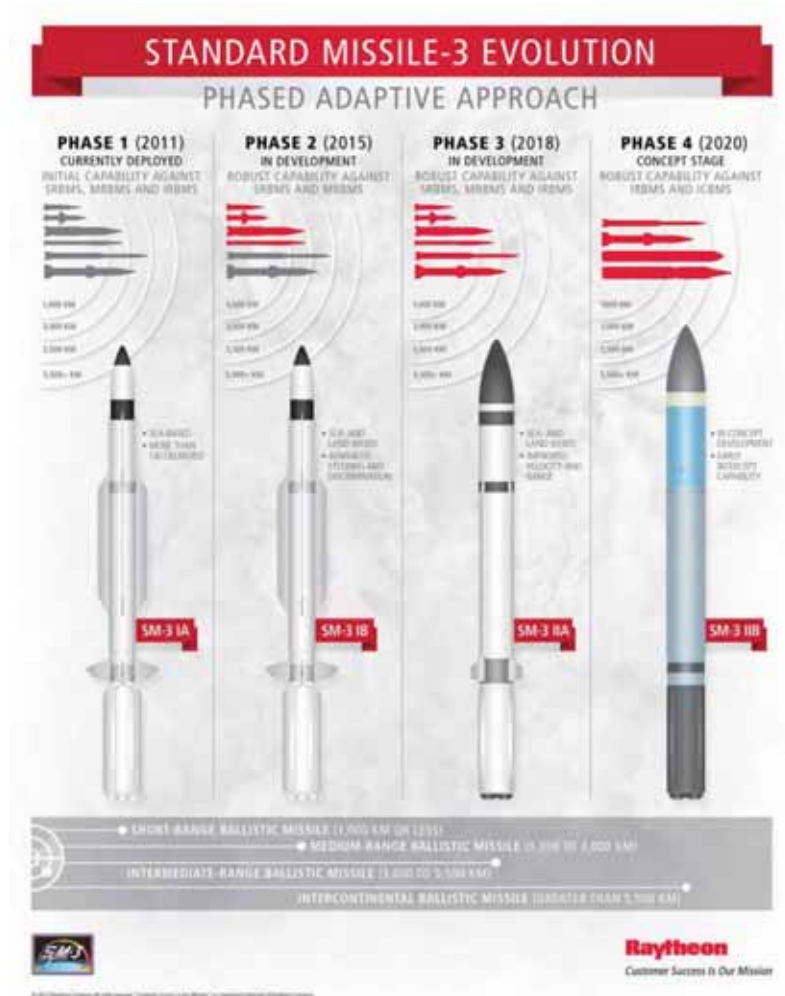
Особенно дестабилизирующими станут новые типы противоракет SM-3 IIB, которые будут предназначены для перехвата баллистических ракет. Как показали слушания в Конгрессе США в феврале 2013 года, эти ракеты «будут обладать значительно большими возможностями, чем предыдущие типы SM-3»³. Обращает на себя внимание и то, что в ходе доклада отмечается, что наиболее эффективной дислокацией этих ракет признается размещение на судах ВМС США в Северном море, что абсолютно дезавуирует идею «иранской угрозы» с юга.

Собственно в создании интегрированного — наступательного и оборонительного потенциала в Евразии и по периметру ее границ — аккумулируются сегодня основные усилия США. Причем этот потенциал переходит в плоскость возможности его практического использования. Осенние учения 2012 года успешно продемонстрировали возможности США по отражению ракетной угрозы, состоящей одновременно из пяти целей

¹ Козин В.П. ЕвроПРО — это установка на первый ядерный удар // Независимая газета. 2012. 27 января. С. 3.

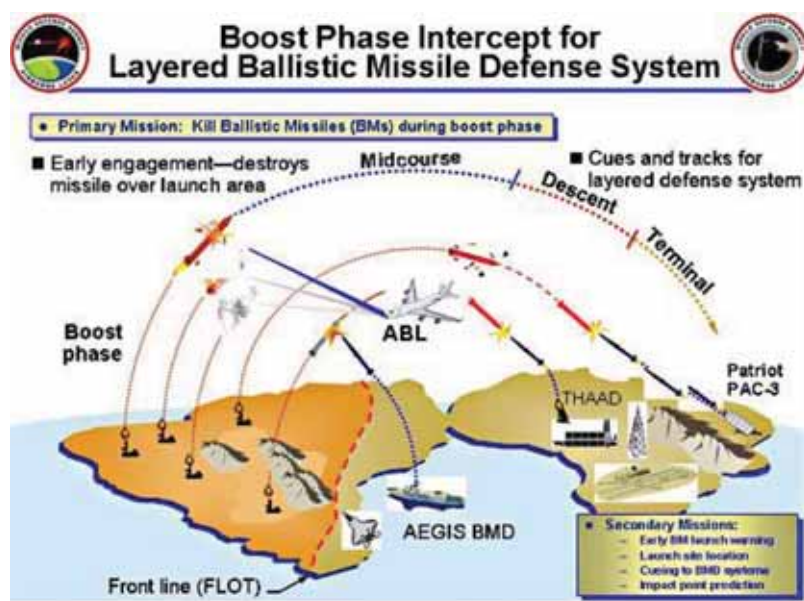
² Там же.

³ Standard Missile-3 Block IIB Analysis of Alternatives / GAO report, February, 11, 2013.



Эволюция противоракеты SM-3. RIM-161 Standard Missile 3 (SM-3) — американская зенитная управляемая ракета семейства «Стандарт». Находится на вооружении ВМС США, устанавливаются на крейсера и эсминцы. Кинетическая боевая часть имеет собственный двигатель. Наведение производится автоматически с помощью матричной инфракрасной головки самонаведения, имеющей высокое разрешение. Предназначены для уничтожения воздушных целей, в том числе баллистических ракет и боеголовок на заатмосферных высотах.

и ракет различного радиуса действия. Эти испытания укладываются во второй раунд создания глобальной системы ВКО США и заключаются в отработке всех систем региональной ПРО, которая будет реализовываться сначала в Европе и Юго-Восточной Азии. Так как система имеет значительную мобильность, то возможности ее использования не ограничиваются только этими регионами, и она может быть развернута практически в любой точке мира. Практически это означает, что по периметру Евразии формируется глобальная система ВКО США.



Впервые установки типа THAAD отразили угрозу удара ракетами средней дальности (MRB), комплекс Patriot Advanced Capability-3 (PAC-3) уничтожил крылатую ракету малой дальности (SRBM), двигавшейся на предельно малой высоте вдоль водной поверхности.

Демонстрация боевых возможностей региональной системы ВКО была проведена в районе атолла Кваджалейн и прилегающей к нему западной части Тихого океана, что позволило

¹ Гебеков М.

План мероприятий по созданию глобальной системы ВКО США продолжается / Эл. ресурс «Евразийская оборона». 2012. 15 ноября / <http://eurasian-defence.ru>

отработать действия комплекса ПРО морского базирования (Aegis Ballistic Missile Defense (BMD)), а также системы THAAD и PATRIOT на островах и мобильных морских платформах¹.

Это означает, что в ближайшие 3–5 лет у США и их союзников появится военно-техническая возможность использования военной силы в Евразии в любой точке по своему усмотрению в любое время и против любого противника. Иран, КНДР или Афганистан, конечно, не являются главными целями такой политики. Уже имеющихся у США в настоящее время средств вполне достаточно, чтобы решить эти задачи. Главной целью являются Россия и Китай, точнее, их возможность контролировать ситуацию в Евразии и АТР.

Единственным практическим средством нейтрализации угрозы воздушно-космического нападения становится создание объединенной системы ВКО евразийских государств, если, конечно, исходить из того, что эти страны хотят сохранить свой суверенитет во внутренней и внешней политике.

3. В последнее десятилетие складывается ситуация, когда США фактически создают единую систему ПРО вокруг и в самой Евразии, состоящую из отдельных территориальных систем в Европе, на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии. Предположительное завершение создания единой системы ПРО к 2020 году может привести к такой ситуации, когда США смогут без особого риска использовать во всей Евразии высокоточные системы наступательных вооружений, превратив их фактически в потенциал первого, «разоружающего» удара. Традиционное ядерное сдерживание перестанет существовать, а вместе с ним и последний атрибут великой державы для России. Вместе с тем, ряд экспертов, например, академик А. Арбатов, полагают, что имеющиеся у России комплексы средств преодоления ПРО (КСП ПРО) уже сегодня «на порядок более эффективны..., чем запланированная к 2020 году система США/НАТО»².

² Арбатов А. Г.

Противоракетные дебаты: в поисках согласия // Воздушно-космическая оборона. 2012. № 4(65). С. 20.



Думается, что эти оценки излишне оптимистичны. Проблема в том, что они не учитывают важнейшей характеристики средств ПРО: буферности системы. Предположим, что оценка верна, и вероятность поражения баллистической цели одной ракетой действительно стала на порядок хуже, то есть 0.09 вместо 0.9. Таким образом, для доведения вероятности поражения до приемлемой величины потребуется на порядок больше ракет. В США прекрасно осознают эту потребность, и количество противоракет уже сегодня превышает количество перехватываемых целей более чем в 3 раза. При сложившемся темпе наращивания численности перехватчиков одновременно с ростом их потенциала декларируемое «превосходство на порядок» будет сведено к нулю через 10–12 лет по самым пессимистичным оценкам. А с учетом слабой вариативности траекторий боевых блоков и повышенного потенциала перехватчиков класса GBI, размещенных на основных направлениях возможного удара, превосходство даже самых передовых

Евразийская воздушно-космическая оборона

боевых частей будет нивелировано на этих направлениях за 5–7 лет. Реальность такова: мы стоим на пороге того периода, когда ядерное сдерживание перестает быть эффективным, а само ядерное оружие становится бесполезным. Более того, его могут объявить «вне закона» не только применительно к Ирану, КНДР, но и к другим странам.

4. Под угрозой находится стратегическая стабильность, сложившаяся в последние пять десятилетий. Утеря Россией возможности ядерного сдерживания неизбежно отразится не только на ее военных возможностях, но и на внешнеполитических позициях и прочности суверенитета, а также на позициях ее союзников по ОДКБ, более того, на всей ситуации в Евразии. Фактически большинство этих государств могут оказаться объектом для шантажа населения с применением массированного воздушного удара по всей своей территории. Пример с Ливией очень показателен: война была выиграна с помощью КР и авиационных ударов без наземной операции.





При этом главной угрозой стратегической стабильности становится развертывание глобальной системы ВКО США.

Сегодня наблюдается системное и достаточно быстрое, заранее спланированное наступление на стратегическую стабильность. Так, за 2011 год модернизированы:

- система обнаружения и слежения (UEWR) различных видов ракет, которая направлена на околоземное пространство, РЛС раннего предупреждения ракетного пуска;
- три комплекса наземных пусковых установок в Форт Грейли;
- установлено улучшенное программное обеспечение по управлению системы перехватчиков (GMD Fire Control) и новый узел контроля управления системой слежения и выявления целей FGA;
- закончено строительство основных конструкций Missile Field-2.

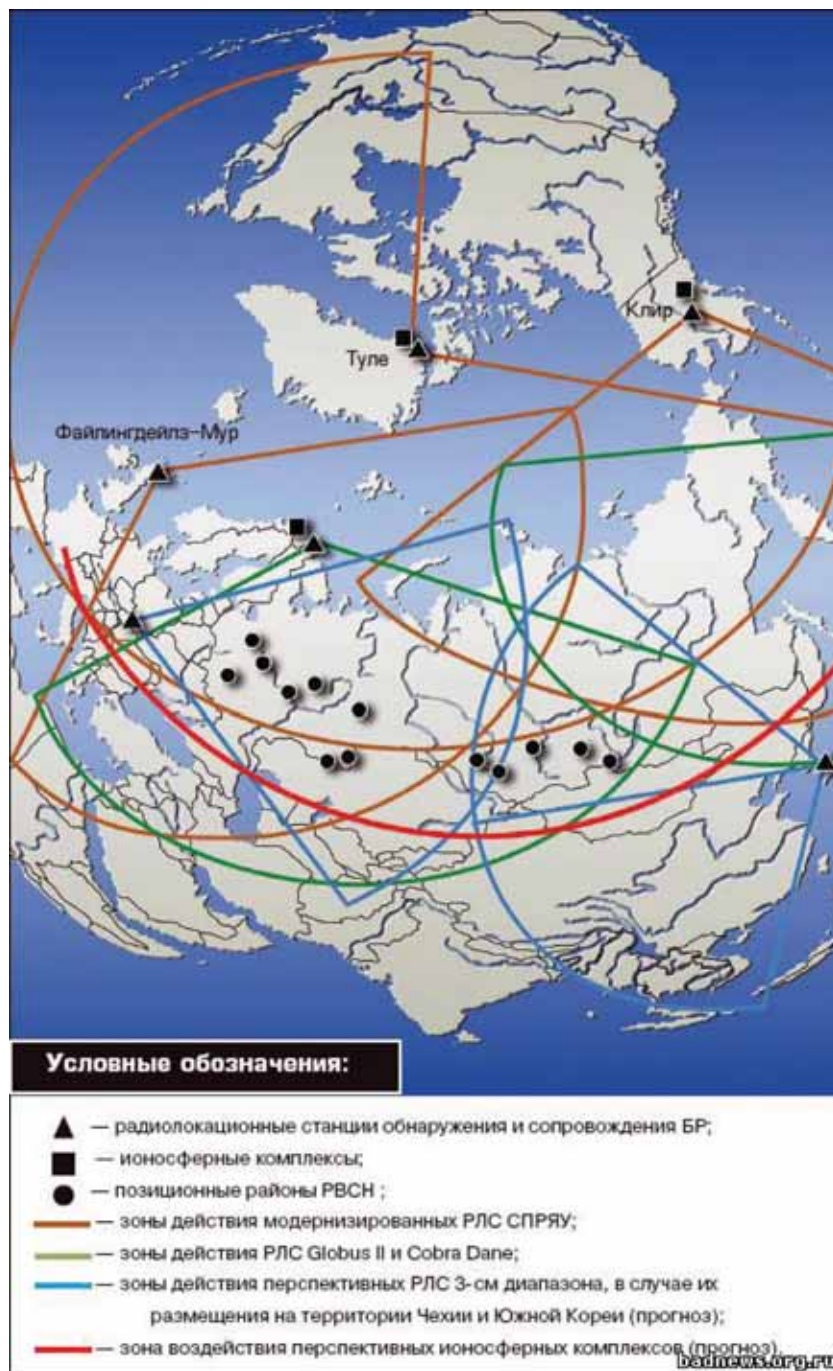
К началу 2012 года ВКО США состояла из:

- 30 наземных комплексов (GBI) ПРО от Аляски до Калифорнии;
- 23 комплексов морского базирования (BMD), рассчитанных на противодействие ракетам малой и средней дальности и для выполнения операций по наблюдению и слежению за ракетами дальнего радиуса действия (LRS&T);
- 87 комплексов ракет перехватчиков SM-3 и 72 комплекса SM-2 морского базирования;
- двух систем THAAD;
- шести радаров типа AN/TPY-2;
- 903 ракет типа PATRIOT (PAC)-3 новой модификации;
- 56 узлов огневой поддержки типа PAC-3¹.

5. Рост конфликтности в Евразии — очевидный факт, имеющий прямое отношение не только к Центральной Азии, но и к Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии, где территориальные и экономические проблемы становятся все более острыми, а готовность к их разрешению снижается. В немалой

¹ Цит. по: Гебеков М. План мероприятий по созданию глобальной системы ВКО США продолжается / Эл. ресурс «Евразийская оборона». 2012. 15 ноября / <http://eurasian-defence.ru>

Евразийская воздушно-космическая оборона





степени этому способствует и растущая конкуренция в мире, борьба за ресурсы и влияние.

Сказанное говорит о том, что проблема создания эффективной ВКО — это отнюдь не только российская, а евразийская проблема, в решении которой должны быть заинтересованы по большому счету все государства континента. Но и для России, следует подчеркнуть, необходимо решительнее выходить за рамки идеи создания национальной ВКО, которая не может быть реализованной только ресурсами нашего государства. Тем более такая система ВКО не может «разорвать» решение проблемы евразийской безопасности на сугубо «российскую» и «остальную». Как справедливо заметил академик А. Торкунов, «При рассмотрении любого исторического феномена необходима своеобразная шкала мер, элемент сопоставления. Российскую государственность, степень консолидации российского суверенитета можно понять только на общем фоне международных отношений конкретного периода, только в сопоставлении с состоянием дел у ближайших соседей и лидеров мирового порядка»¹.

6. В этой связи важно подчеркнуть тезис, который постоянно пытаются игнорировать в последние десятилетия: в международных отношениях военная сила остается (порой, решающим) инструментом внешней политики, несмотря на рост влияния «мягкой силы» и экономических средств воздействия, несмотря на все процессы глобализации и «гуманизации». При этом важно понимать, что военная сила по-прежнему, как и в XX веке, реализуется в двух формах — политико-психологической (давление, шантаж) и прямой, военной. Для того, чтобы политико-психологическая (в т.ч. «эмоциональная») форма была эффективна, нужно, чтобы угроза использования военной силы выглядела абсолютно реальной. Здесь играют главную роль не намерения («intentions»), а возможности («capabilities»).

¹ Торкунов А.В. Россия в системе международных отношений (ретроспективный взгляд) // Вестник МГИМО(У). 2012. № 5 (26). С. 46.

Поэтому, когда мы рассуждаем об изменении соотношения военных сил и неприемлемом ущербе использования военной силы, необходимо иметь в виду, что стремление ведущих государств обеспечить себе силовые позиции неизбежно должны быть обеспечены материальными возможностями — соответствующими вооружениями, военной техникой, вооруженными силами и концепциями их использования. Сегодня речь идет прежде всего о высокотехнологических и высокоточных системах наступательных и оборонительных вооружений, которые (вкуче с информационными и коммуникационными) средствами составляют единый наступательно-оборонительный комплекс. Эти средства, как видно из рисунка, стремительно развивались в последние 20 лет, что отражает очевидную тенденцию создания все более совершенных средств ведения войны. Прежде всего в области ВТО, ВКО и систем боевого управления ими.



Ложные рассуждения о «недопустимости войны», ее «невозможности», «аморальности» и «бесчеловечности» не имеют ничего общего с реальной политикой. Политические декларации имеют некоторый смысл лишь до определенной степени. В действительности мы наблюдаем стремительное и бесконтрольное развитие ВВТ по всем направлениям, ко-

торые достаточно четко определяются военно-политическим руководством ведущих государств. Что видно из простого подсчета появления новых систем оружия, проведенного экспертами¹.

7. Главной целью в Евразии в среднесрочной перспективе становятся Казахстан, Киргизия и Таджикистан, против которых ведется системная и последовательная политика, направленная на дестабилизацию. Центром военной активности США в Средней Азии, помимо Киргизии, стал Таджикистан, отмечается в пресс-релизе армии США. В Таджикистане Центральное командование ежегодно проводит от 50 до 60 программ и мероприятий в сфере безопасности (в 2011 г. — более 70)². В частности, закончено строительство Национального центра боевой подготовки, создаются системы межведомственной связи для правительства Таджикистана, построен мост через реку Пяндж с пограничным

¹ Вооруженные силы Российской Федерации: модернизация и перспективы развития / под ред. И. Коротченко. М.: Национальная оборона, 2010. С. 27.

² CENTCOM, Tajikistan expand security partnership. U.S. Central Command press-release. June 29, 2010. <http://www.centcom.mil/press-releases/centcom-tajikistan-expand-security-partnership>



Евразийская воздушно-космическая оборона

¹ CENTCOM, Tajikistan expand security partnership. U.S. Central Command press-release. June 29, 2010. <http://www.centcom.mil/press-releases/centcom-tajikistan-expand-security-partnership>

² Tajikistan: US Government rebuilds border guard facilities in Shurobod // Fergana News Information Agency. June 30, 2011. <http://enews.fergananews.com/news.php?id=2108>.

и таможенным постами на таджикско-афганской границе — комплекс, который «способствует увеличению коммерческого обмена, укрепляющего связи Таджикистана с его южным соседом»¹.

Проникновение США в Евразию идет по всем направлениям. Так, институт иностранных языков Министерства обороны США провел два 16-недельных курса английского языка для таджиков, закончена реконструкция Академии МВД Таджикистана, оказывается содействие в обучении кадров. Построены пограничные заставы в Шурабаде и Яхчи-пуне, на открытие которых в июне 2011 г. приезжал сам Браунфилд — там даже установлены «полы с обогревом»²! Военный партнер



Таджикистана — Национальная гвардия штата Вирджиния — также расширяет военное сотрудничество: проведение боевой подготовки и обмен информацией в 2011 г. дополнены формированием «миротворческого подразделения», подготовкой «ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций» и военно-гражданской медицинской готовности¹ — отмечает российский эксперт Г. Бородин. Отчасти именно эти тенденции ведут к росту «привлекательности» ядерного оружия, которое стремительно расползается по Евразии.

8. Думается, что полагаться в очередной раз на «асимметричный ответ», развивая СЯС России, уже нельзя. Реальность такова, как она описывается серьезными исследователями в области ядерной стратегии. Как отмечают эксперты, в 1998 году из 6 тыс. ЯБЗ российских СЯС гарантированно достигли бы США не более 600 (т. е. 10%). Но на самом деле ситуация выглядит еще сложнее. Как отмечают эксперты, «Выполнение планов ядерной войны обеспечивается поддержанием в ВС США

¹ НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИНВИССИН, 2012. С. 157.



Евразийская воздушно-космическая оборона

боезапаса около 5000 ядерных боезарядов (ЯБЗ), а во Франции, Великобритании и Китае ядерного боезапаса по 200–300 ЯБЗ у каждой страны. К югу от РФ, в Азии, находятся все остальные ядерные страны мира, осуществляющие качественное и количественное наращивание ядерных вооружений (сначала ближней, затем средней, и потом большой дальности) — Израиль, Индия, КНДР, Пакистан. С завершением создания в Иране шиитской ядерной бомбы вокруг РФ почти замкнется дуга из ядерных стран»¹.

¹ Маркелл Ф.Б.
Калькулятор стратегического сдерживания // Независимая газета. 2012. 31 августа.

В этих условиях дальнейшее сокращение СЯС России и США становится все более проблематичным, тем более, что это сокращение не затрагивает ядерные потенциалы союзников США и не связано, как прежде, с ограничениями по развертыванию НПРО. Тем более такие сокращения не связываются с массовым производством стратегических неядерных вооружений.





Не случайно, США категорически отказываются вести переговоры об ограничении неядерных стратегических вооружений. Так, «при обсуждении п. 2 ст. V ДСНВ американская сторона заявила, что новые виды неядерных вооружений, обладающие стратегической дальностью, не будут ею рассматриваться в качестве «новых видов СНВ», подлежащих ограничению нового договора. Тем самым она дала понять, что программы, развиваемые в рамках концепции БГУ, не будут ограничиваться новым Договором.

К настоящему времени США находятся на этапе НИ-ОКР по программам БГУ, решения о том, какие именно системы будут развернуты, пока окончательно не принято. Вместе с тем, можно предположить, что новый Договор СНВ не будет создавать каких-либо препятствий для развития или ограничений на развертывание в отношении следующих перспективных типов стратегических неядерных вооружений:

- тяжелых бомбардировщиков (ТБ), переоборудованных в носители неядерных вооружений, включая неядерные баллистические ракеты «воздух — земля» (БРВЗ) и неядерные КРВБ большой дальности. В частности, Договор не будет запрещать развертывание неядерных КРВБ большой дальности на ТБ В-1В.
- Новых ТБ, оснащенных для неядерных вооружений, включая неядерные БРВЗ и неядерные КРВБ большой дальности.
- Боевых самолетов, не являющихся ТБ (дальность менее 8000 км), но вооруженных неядерными КРВБ большой дальности.
- Крылатых ракет наземного и морского базирования с дальностью более 5500 км в неядерном оснащении¹.

Понятно, что в России анализируют ситуацию и предпринимают действия по ее нейтрализации. В том числе в области

¹ Мясников Е.
О взаимосвязи
стратегических
ядерных и неядерных
вооружений в новом
Договоре СНВ.
2010. 16 июля /
[http://www.
armscontrol.ru](http://www.armscontrol.ru)

ВКО. Конкретно речь идет о программе воздушно-космической обороны (ВКО), являющейся приоритетом Государственной программы вооружения до 2020 года (ГПВ-2020). Но вопрос заключается в том, насколько быстро и эффективно эта программа может быть реализована.

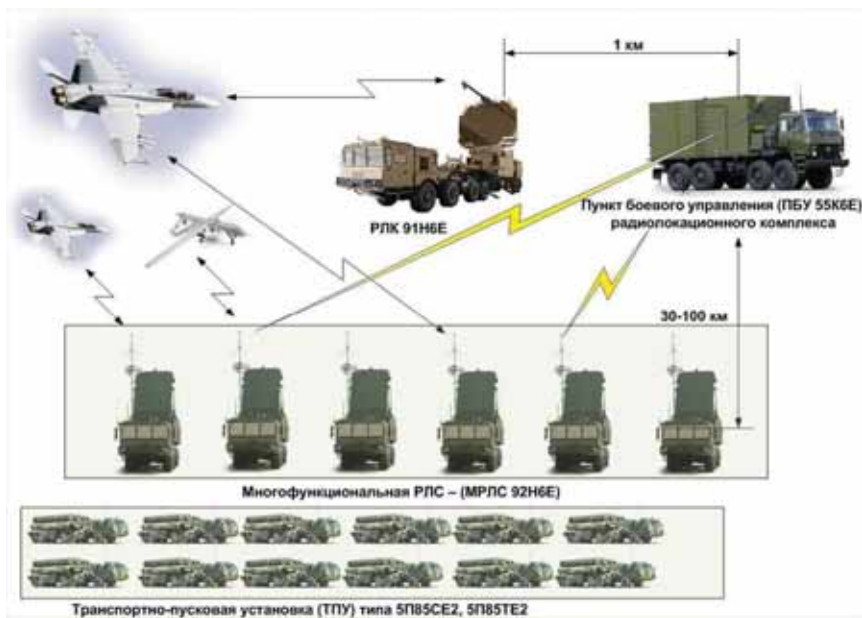
Другая проблема — создание объединенной ВКО ОДКБ или СНГ.

В 2011 году на базе Космических войск был сформирован новый род войск — войска ВКО. В ГПВ-2020 на программу выделено порядка 20% всех средств — около четырех триллионов рублей (примерно 130 млрд долл.), что в принципе сопоставимо с затратами США на глобальную ПРО. Помимо модернизации существующих и создания новых элементов системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН), планируются массовая закупка зенитных ракетных комплексов С-400 «Триумф» и С-500, модернизация Московской системы ПРО (А-135), а также главное — создание интегрированной информационно-управляющей системы ВКО¹. Предусматривается, что система управления создается в рамках ряда ОКР, система уничтожения МБР, КР и ВТО — С-500.

Вместе с тем остаются без ответа два главных вопроса: создание единого командования и системы управления всеми силами и средствами ВКО России, а в перспективе — ОДКБ и других государств, а также создание системы, способной уничтожать ВТО, неядерные стратегические вооружения, МБР, БРПЛ стратегических сил возможных агрессоров. Решение этих задач представляется неизбежным и будет необходимым еще до 2020 года. На доктринальном, политическом и военно-техническом уровне эти задачи должны решаться уже сегодня, ибо от того, как они будут решены, зависит реализация всей идеи ВКО и обеспечение безопасности Евразии.

¹ Арбатов А. Г. Противоракетные дебаты: в поисках согласия // Воздушно-космическая оборона. 2012. № 4(65). С. 21.

ВКО как инструмент евразийской безопасности и интеграции



4.

**«Ядерное сдерживание»
или ВКО Евразии?**

4

... обе структуры (СНГ и ОДКБ) являются скорее имиджевыми, нежели реально функционирующими...¹

*А. Дубнов,
обозреватель «Московских новостей»*

Традиционная концепция стратегической стабильности, ... состоит в том, что ... безопасность обеих сторон обеспечивается их обоюдной возможностью причинить друг другу неприемлемый ущерб в ответном ударе, даже приняв на себя первый удар противника²

*А. Арбатов,
академик РАН*

То, что на протяжении десятилетий предотвращало глобальную войну, — «ядерное сдерживание» или возможность взаимного гарантированного уничтожения (MAD), — похоже, в начале XXI века уже перестает существовать. К сожалению, это произошло в период нарастания нестабильности в мире и стремительного роста военно-политического противостояния. «Остатки» сдерживания уже не гарантируют от начала войны в период резкого обострения. Новые реалии XXI века, в особенности мировой системный кризис 2008–2012 годов, показали, что мир стоит на пороге радикальных изменений в экономической и социально-политических областях, которые не могут не отразиться на военно-политической области.

Сегодня влияние этой области, в том числе и на интеграционные процессы, недооценивается, хотя, по сути, успех европейской интеграции объясняется не столько экономическими мотивами, сколько интересами безопасности и военно-политического сотрудничества в Европе. В этой связи ключевым вопросом является вопрос о том, насколько лет еще хватит «остатков» сдерживания. Ясно, что речь идет не о десятилетиях, а о годах, но... все-таки.

¹ Дубнов А.
Ташкент ушел,
проблемы остались /
Россия в глобальной
политике. 2012. Т. 10.
№ 4. С. 72.

² Арбатов А. Г.
Противоракетные
дебаты: в поисках
согласия //
Воздушно-космиче-
ская оборона. 2012.
№ 4(65). С. 21.



Стратегическое неядерное оружие как главная угроза «ядерному сдерживанию»

Единство, целостность
и суверенитет России безусловно¹

*В. Путин,
Президент России*

¹ Путин В. В.
Послание Президента
Федеральному Собра-
нию. 2012. 12 декабря /
Сайт Президента
России /
[http://президент.рф/
news.17118](http://президент.рф/news.17118)

Опасна продолжающаяся недооценка значения военно-политических аспектов евразийской интеграции, способных укрепить «ядерное сдерживание». Девальвация «ядерного сдерживания» разрушает и саму идею евразийской интеграции, а с ней и ведущую роль России в мире и в Евразии. Это противоречие с неизбежностью ставит вопрос о формировании нового внешнеполитического и военно-политического курса евразийских держав. По этому поводу ректор МГИМО(У) А. Торкунов справедливо заметил: «Россия — „срединный континент“» (между Китаем, Тибетом и «западным полуостровом» — Европой), «сухопутный океан, пространство российской цивилизации..., называемой Евразией, оказалась перед необходимостью выработки нового внешнеполитического курса...»².

Концепция «ЕвразВКО» определенно исходит не только из необходимости укрепления режима ядерного сдерживания и недопущения понижения порога использования ядерного оружия и распространения ядерного сдерживания за пределы традиционно ядерных государств — США, России, КНР, Великобритании и Франции, а также включения в понятие «ядерное сдерживание» неядерного компонента и ВКО.

Представление о ядерном сдерживании в XXI веке должно формироваться с учетом появления и массового распростра-

² Торкунов А. В.
Россия в системе
международных
отношений (ретро-
спективный взгляд)
// Вестник МГИМО(У).
2012. № 5 (26). С. 48.

«Ядерное сдерживание» или ВКО Евразии?

нения неядерных стратегических вооружений и, видимо, неизбежном массовом распространении систем ВКО не только в ядерных государствах, но и повсеместно в других странах.



Гиперзвуковой модуль, разрабатываемый в рамках программы Prompt Global Strike, неядерное оружие стратегической досягаемости

Еще в 2003 году, описывая возможные сценарии будущей войны, И. Капитанец писал: «В основе замысла вероятного начала агрессии заложена идея о возможности одновременного уничтожения Стратегических ядерных сил (СЯС) РФ обычными боезарядами крылатых ракет (КР) в первом «обезоруживающем ударе». Цель первого удара достигается применением высокоточных крылатых ракет большой дальности преимущественно морского базирования. Этим оружием в первом, массированном, одновременном, «обезоруживающем» ударе подавляются: командные пункты (КП) и грунтовые пусковые установки (ГПУ) РВСН, объекты ПВО, аэродромы, командные пункты армии, системы управления и связи, выводятся из строя важнейшие военные объекты и информационные центры.

По мнению американских аналитиков, первый удар США может считаться достаточным и эффективным только в случае, если будут гарантированно уничтожены более 85% сил СЯС РФ (от численности ЯБЗ РФ в 2010 г. по договору СНВ-3 2003 г.)¹.

¹ Несложно посчитать, что в этом случае потенциал ответного удара в рамках договоренностей по развернутым боевым блокам СНВ-3 составит не более 230 боеголовок, запускаемых с использованием порядка 50 МБР. Согласно стратегическим оценкам экспертов, для уверенного уничтожения военно-промышленного потенциала США требуется от 700 боевых частей. Таким образом, даже если игнорировать фактор ПРО, ответный удар окажется заведомо недостаточным для гарантированного возмездия.

В этом случае США удастся избежать невосполнимого ущерба для своей территории, так как американская ПРО будет в состоянии уничтожить все баллистические ракеты РФ (или большую их часть), запущенные в ответном ударе¹.

После выхода США из договора по ограничению ПРО в 2002 г. противоракетная оборона США непрерывно развивается и совершенствуется. В случае успешности работ по совершенствованию ПРО США к 2020 г. процент допустимо не уничтоженных сил СЯС РФ может повыситься до 30–25. Носителями высокоточных крылатых ракет с обычными боезарядами являются крейсера УРО, эсминцы УРО, подводные лодки и стратегические бомбардировщики и (что возможно, хотя и запрещено действующими договоренностями) грунтовые ракетные установки (ГПУ КР)².

Соответственно, по мере увеличения дальности КР и появление ГЗЛА, районы, из которых потенциально могут наноситься удары, значительно расширяются. Что и происходит сегодня.

Важен и другой аспект: реализация планов возможного использования неядерного ВТО в стратегических целях возможна только в том случае, если будет развернута глобальная система ПРО, гарантирующая защиту от уцелевших СЯС ответного удара со стороны России.

И, наоборот, — невозможность нанесения «разоружающего» удара может быть обеспечена только посредством создания эффективной системы ВКО страны (либо значительного числа объектов), либо... нанесения упреждающего удара по ПУ КР и местам сосредоточения ВМФ США и ПЛА. Выбор — политический и заведомо невыигрышный для России, если она будет делать ставку на упреждающий удар³. Но, с другой стороны, она уже поставлена перед фактом возможного «разоружающего» удара со стороны США с помощью КР разных типов базирования. В этом ударе СЯС США играют второстепенную роль, а создающаяся система ПРО — основную. И чем глубже будут

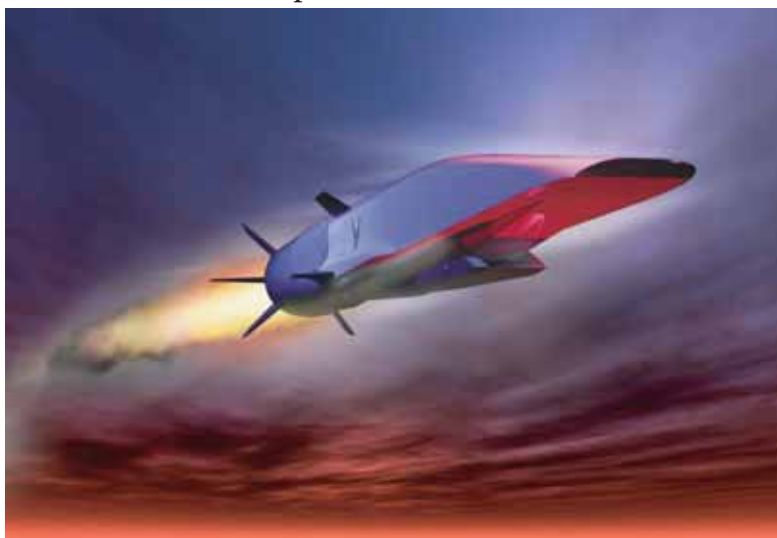
¹ Буферность системы ПРО США оценивается не менее чем в 500 боевых блоков (без уточнения их типа)

² Капитанец И. М. Флот в войсках шестого поколения. М.: «Вече», 2003.

³ С учетом традиционно большого веса морской компоненты, используемой в качестве платформ для нанесения удара КР, потребуется практически одновременно поразить несколько сотен крейсеров, эсминцев УРО и подводных лодок, что невозможно даже в теоретическом рассмотрении проблемы.

«Ядерное сдерживание» или ВКО Евразии?

сокращения потенциалов СНВ России и США, тем сильнее будет проявляться эта тенденция. Тем более что развитие и модернизация СНВ России вряд ли можно назвать достаточным. Как заметил С. Топалов, описывая эту сложную взаимосвязь, «Почему-то они никогда не задумывались над тем, сколько из стоящих на дежурстве межконтинентальных баллистических ракет (МБР) не сможет стартовать из шахт по причине технической неисправности, а из стартовавших сколько по той же причине не преодолеет и полпути до территории противника, сколько боевых блоков будет уничтожено противоракетной обороной (ПРО) противника, сколько из прорвавшихся сквозь ПРО боеголовок упадет слишком далеко от объекта поражения или сработает не на полную мощность. Но, главное, при рассмотрении вопросов ядерного противостояния большинство авторов закликиваются на сценариях классической ядерной войны, когда агрессор поражает стратегические объекты противника исключительно ядерными средствами. Для них до сих пор остается незамеченной провозглашенная Америкой еще в 1980-х годах теория глобальной неядерной войны»¹.



Экспериментальный гиперзвуковой аппарат X-51, элемент системы Prompt Global Strike

¹ Топалов С.
Шаткая концепция
эшелонирования
стратегических сил // Независимое военное обозрение. 2005. 22 апреля.

¹ «Чистые» ядерные боеприпасы не обязательно ограничены по мощности. Технически вполне возможно создание «чистых» зарядов мегатонного класса. В гонке «классических» ядерных вооружений во главу угла всегда ставилось достижение максимальной мощности заряда, что диктовало использование нейтронных отражателей, изготовляемых, например, из соединений урана. Если мощность не является приоритетом, создание «чистой» бомбы может быть сведено к замене части отражателей на свинцовые поглотители. Это было продемонстрировано в испытаниях «Царь-бомбы», советского ядерного устройства АН602 проектной мощностью в 100 Мт, преднамеренно сниженной до 57 Мт установкой поглотителей вместо части отражателей. Будучи самым мощным испытанным ядерным устройством в мире, она одновременно стала и самым «чистым» из них.

Между тем ситуацию заведомо осложняют программы масштабированного развертывания ВТО в неядерном и ядерном («чистом») варианте сверхмалой мощности¹. По разным оценкам, к 2015 году предполагалось, что США будут иметь до 100 тыс. единиц ВТО².

Опыт последних конфликтов также весьма показателен. Так, ноябрьская война 2012 года в секторе Газа показала, что, во-первых, с помощью высокоточных средств поражения Израиль уже в первые часы не только ликвидировал часть руководства ХАМАС, но и большинство иранских ракет «Фаджр-5» и прочих ракет, способных наносить удары до 40–75 км, качественно изменив военную ситуацию в свою пользу.



Во-вторых, созданная Израилем тактическая система ПРО «Железный купол» доказала свою эффективность, обнаруживая 100% запущенных неуправляемых ракет, уничтожая (по оптимистичным оценкам) до 90% (система способна прогнозировать их попадание, не уничтожая те ракеты, которые падают в незаселенную зону). Территория, которая эффективно

² Ягольников С.,
Шушков А.
Соединенные Штаты
пересматривают ядер-
ную политику. 2008.
10 февраля.



прикрывается одной батареей, достигает 150 км², дальность поражения 4–70 км (по некоторым сведениям — 150), а высота — 10 км. Такая эффективность позволила свести потери до минимума. За 2011 год при 229 ракетных обстрелах погибло всего три человека.

Таким образом, **сочетание** высокоточных неядерных средств поражения и систем противоракетной обороны продемонстрировало очень высокую эффективность: фактически за несколько дней было уничтожено военно-политическое управление, средства поражения (включая подземные ПУ) при минимальных потерях гражданских лиц и полностью нейтрализован потенциал ответного удара.

Этот пример демонстрирует не только эффективную интеграцию средств нападения и обороны в современной войне, но и возможность одной небольшой страны (пусть высокоразвитой) создавать эффективный наступательно-оборонительный потенциал, а также роль высокоточных неядерных систем поражения и современные возможности ПРО и ПВО. Поэтому, когда говорят о создании региональной (региональных), а тем более глобальных систем ПРО, следует иметь в виду, что, в отличие от 70-х годов прошлого века, необходимо учитывать как принципиально новые возможности неядерных средств нападения и защиты, так и их комплексное использование. Так, в США разрабатываются гиперзвуковые ЛА разных типов, способные летать со скоростью до 10 М, т. е. преодолеть расстояние в тысячу километров менее, чем за 5 минут¹. Собственно этот потенциал и лег в основу концепции «Быстрого глобального удара» (Prompt Global Strike), предполагающей нанесение в течение часа разоружающего удара неядерными боеприпасами в любой точке мира. Некоторые неудачи, которые постигли американцев на этом направлении, не должны обескураживать. То, что эта проблема решается технически, доказал еще опыт СССР, где еще в 1990-х годах была создана лаборатория «Холод» на базе раке-

¹ Обратим внимание на то, что гиперзвуковые ЛА не обнаруживаются существующими системами предупреждения о ракетном нападении, имея время реакции, сопоставимое с МБР.

ты ЗРК С-200. «В ходе летного испытания ракета сумела развить скорость в 5,2 числа Маха (около 6 тыс. км/ч). На основе этого проекта машиностроительное КБ „Радуга“ в Дубне разработало стратегическую крылатую ракету Х-90, более известную на Западе как АS-X-21. Неприятельный с виду аппарат длиной 12 м и со складывающимися крыльями размахом 7 м, будучи запущен с борта Ту-160М, улетает со скоростью 5 М за 3 тыс. км, имея на борту две ядерные боеголовки индивидуального наведения. Х-90 была способна подниматься на высоту более 30 км и активно маневрировать в полете»¹.

¹ Глобальный ответ. Россия запустит гиперзвуковые ракеты / Эл. ресурс «Военное обозрение». 2012. 7 декабря / <http://topwar.ru>

По оценкам военных специалистов, гиперзвуковые средства воздушного нападения характеризуются очень малой уязвимостью в современной системе ПВО. Это объясняется чрезвычайно малым временем обстрела гиперзвуковой цели, узким «окном пуска». По этой характеристике гиперзвуковые средства поражения превосходят системы, создаваемые с использованием стелс-технологий, где сужение «окна пуска» достигается не высокой скоростью, а низкой заметностью и, соответственно, уменьшенным радиусом их обнаружения. В то же время, использование стелс-технологий в разработке гиперзвуковых средств поражения потенциально способно сделать их практически неуязвимыми для всех существующих и создаваемых систем ВКО. Такие разработки уже ведутся.

Уже сегодня для многих ясно, что создание ЕвроПРО в Европе и других регионах планеты не ограничатся третьей и четвертой фазами — за ними неизбежно последуют другие, но вот сколько их будет и какие в итоге системы ПРО будут созданы, где они будут развернуты, — остается до сих пор загадкой. Уже говорят о системе ПРО в Юго-Восточной Азии и глобальной ПРО. Как справедливо заметил Д. Рогозин, «На вопрос: „А будет ли после третьей, четвертой фазы пятая, шестая, седьмая...?“ ... нам улыбаются в ответ. Конечно, мы понимаем, что после четвертой фазы будут и пятая, и шестая, седьмая»².

² Рогозин Д. О. Выступление на научно-практической конференции РСМД «Евроатлантическое сообщество безопасности: мир или реальность». М., 23 марта 2012 г. // РСМД. 2012. № 3. С. 52.

«Ядерное сдерживание» или ВКО Евразии?

Видимо, процесс развертывания систем ПРО необратим. Поэтому есть смысл говорить не терминами XX века, вспоминая о Р. Макнамаре и стратегии взаимного гарантированного уничтожения (MAD — Mutual Assured Destruction), а использовать новые категории.

Нельзя исходить, например, как считают некоторые авторы, в т. ч. в России, что решению об использовании СЯС будет предшествовать кризисный период, который исключает нанесение внезапного ядерного удара или массированного использования высокоточных неядерных средств поражения. Вот почему любое движение в создании региональных ПРО предполагает изначально высокую степень риска, непредсказуемости.

«Евразийский аспект» американской системы ПРО хорошо известен, хотя о нем говорят значительно меньше, чем о европейском. Как отмечает эксперт В. Евсеев, «далеко не всегда замечается, что создаваемая американцами система ПРО носит глобальный характер, а основные ее компоненты развернуты не в зоне ответственности НАТО, а в далеком от Европы Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР).

Этот восточный сектор противоракетной обороны планируется создать от Австралии через Филиппины, Тайвань, Республику Корею и Японию до Аляски. Ее составными частями являются американские военные объекты на Гавайских островах и в Калифорнии. Несомненно, что создаваемая система направлена против все более усиливающегося основного американского геополитического противника — Китая, хотя с формальной точки зрения она предназначена для отражения северокорейских ракетных угроз»¹.

Не стоит забывать в этой связи о НАТО, который превратился в военно-политический союз, претендующий на глобальную ответственность. Как отмечают эксперты МГИМО(У), анализирующие его деятельность, «Партнерство с „восходящими державами“ — Китаем, Индией, „форматом“ БРИКС или тем

¹ Евсеев В. В. Восточный рубеж американской ПРО // Независимая газета. 2012. 5 октября. С. 4.

более ОДКБ не относится к приоритетным задачам НАТО (несмотря на заинтересованность в кооперативной безопасности). На встрече в Чикаго подтвердился „обычный“ эгоцентрический подход НАТО, исключающий изменение курса на военно-политическое доминирование в Европе и мире, признание реального равноправия и взаимный учет интересов в области безопасности. Содействие урегулированию международных проблем и кризисных, конфликтных ситуаций рассматривается не с позиции обеспечения всеобщей безопасности, а исключительно в ключе интересов членов альянса в соответствии со статьей 5 Вашингтонского договора 1949 года.

В современной стратегии НАТО институирована политика новых азимутов вне атлантической зоны ответственности, „свобода рук“ в географических координатах от Японии до Австралии и Новой Зеландии. К политике „эффективного и гибкого партнерства“, своего рода „инновационной системе“ в рамках продвигаемой доктрины „кооперативной безопасности“, предполагается подключить эвентуальных партнеров по всему миру, включая Монголию»¹.

Таким образом, и военно-политически, и военно-технически США расширяют свое глобальное присутствие, которое должно быть обеспечено прежде всего средствами воздушно-космического нападения и защиты. И если политика «ядерного сдерживания» России еще какое-то время может работать, то ее необходимость в АТР и Евразии уже отпала.

Не стоит исключать полностью из этой логики и собственно Китай, военные возможности которого стремительно увеличиваются вслед за экономическим потенциалом, а политические амбиции существенно возрастают. Смена политического руководства страны осенью 2012 года мало что проясняет. С одной стороны, новый генсек Си Цзиньпин считается близким к военной элите, а, с другой, он «психологически возлагает очень большие надежды на продолжение хороших связей с США»².

¹ Воронин Е. Р.
Отношения Россия–
НАТО: состояние
и перспективы.
Аналитическая
записка ИМИ
МГИМО(У).
2012. Декабрь. С. 3.

² Скосырев В.
Коррупция может
победить Китай //
Независимая газета.
2012. 20 ноября. С. 7.



Неопределенность в оценке внешнеполитического курса Китая сохраняется, тогда как приобретение им потенциала СНВ и ПРО стало реальностью, не позволяя игнорировать замечания некоторых исследователей о том, что Китай может договориться с США за счет России. Таким образом в уравнение ядерного сдерживания последних лет добавляется новый компонент — стратегические и оборонительные возможности Китая.

Стратегическая стабильность в мире на протяжении шести десятилетий обеспечивалась ядерным сдерживанием — возможностью СССР (России) и США нанести ответный удар, который свел бы к нулю вероятные политические и военные преимущества от использования ядерного оружия. Нравится это или нет, но такая ситуация на протяжении всего периода удерживала стороны от прямого военного столкновения даже в тех случаях (в Корее, Вьетнаме, на Кубе и т.д.), когда вооруженные силы сторон вступали в непосредственное столкновение. Пока что политические и военные конфликты в мире не ставили под сомнение эту данность, но это отнюдь не означает, что так будет и впредь, что это устраивает США. А кроме того, объективные процессы развития ВТ средств поражения и обороны демонстрируют стремительное старение представлений о классическом ядерном сдерживании.

Сегодня есть все основания полагать, что в стратегическом прогнозе и планировании нужно учитывать, что ядерное сдерживание стремительно превращается в отживший анахронизм, который сможет просуществовать какое-то время, если будет продолжена модернизация СЯС и прекратятся их сокращения, а сами стратегические вооружения и системы управления ими будут надежно защищены ВКО.

Кроме того, эти меры должны учитывать и необходимость нейтрализации кибер атак, информационного воздействия и обладать способностью уничтожать стратегические ВТО.



Глобальная ПРО США и «ядерное сдерживание»

... война в Ливии... велась с помощью
спутниковых установок на Шпицбергене.
Это крайне опасно, потому что вся эта территория,
весь архипелаг ... является
демилитаризованной зоной¹

А. Норберг,
вице-председатель Шведского совета мира

¹ Роблес Дж.
Арктика: милитариза-
ция в целях контроля
природных ресурсов?
Цит. по: Эл. ресурс
«Евразийская оборо-
на». 2013. 5 февраля /
[http://eurasian-
defence.ru](http://eurasian-defence.ru)

Прежде, вплоть до последнего времени, политиками и экспертами понималось, что создание глобальной системы ПРО США, безусловно, дестабилизирует ситуацию. Что, собственно говоря, и явилось главным мотивом заключения Договора по ограничению ПРО 1972 года. Сегодня, говоря о дестабилизирующем значении ПРО, некоторые эксперты полагают, что внезапный ядерный удар невозможен в принципе. Ему должен предшествовать политический и военный конфликт. Как пишут авторы доклада РСМД, излагая такую точку зрения, «прежде всего необходимо учесть, что ядерная война не может возникнуть внезапно, как и невозможен внезапный ядерный удар. Даже в разгар «холодной войны» такой сценарий не относился к числу вероятных сценариев. Без сомнения, ядерной войне будет предшествовать период крайнего обострения политической конфронтации, выполнения мероприятий по повышению готовности войск, создания группировок на угрожаемых направлениях, частичного или полного выполнения мобилизационных мероприятий и т.д. С высокой вероятностью ядерному конфлик-